

ISSN 0494-7304 0234-792*

fenno-ugristica

fenno - ugristica

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHK 876 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

UURALI KEELTE AKTUAALSEID
PROBLEEME

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

FENNO-UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

16

TARTU 1990

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), T. Kukk, A. Künnap, P. Palmeos, H. Rajando, T. Seilenthal, E. Vääri.

Vastutavad toimetajad P. Alvre ja T. Kukk.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 875.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ.
Собрание по фино-угроведению 16.
На разных языках.
Реферат на разных языках.
Тартуский университет.
30000, 202400, г.Тарту, ул.Ванькопи, 18.
Ответственные редакторы П. Алвре, Т. Кукк.
Подписано к печати 7.12.1989.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Роталпринт.
Учетно-издательских листов 13,37. Печатных листов 13,75.
Тираж 500.
Заказ № 867.
Цена 2 руб. 70 коп.
Типография ТУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Тягги, 78.

6 - 2

Paul A l v r e
(Tartu)

SOOME KEELE ä-TÜVEDE MITMUSE VORMISTIK

Ülevaade soome keele a-tüvede mitmuse vormistikust ilmus "Fenno-ugristica" eelmises numbris. Siin jätkub kokkusuurutud vormis mitmuse obliikvakaanete tüüpide vaatlus, kusjuures eraldi tõstetakse esile ä-tüvede kõige diferentseerituma arenguga käanded - genitiiv, partitiiv ja illatiiv.

Läänemeresoome aluskeeles toimunud häälikumuutuse äi > i tõttu on a-tüvede mitmusevormide areng üldjoontes paralleelne a-tüvede i-lise mitmusega. Peamiselt rõhulises asendis ja kontraheerunud sõnades ilmnev oi-mitrus, mida kaheasilbilistest tüvedest kasutatakse ka karjala, isuri ja vepsa keeles, on tekkinud suhteliselt hilja a-tüvede oi-mitmuse analoogiast.

Rõhuta asend. 1. Häälikuseaduslik areng ilmneb järgmistel juhtudel: a. i = enamikus murdeis: hL kõühille 'vaestele' jt.; - muutuse ö > ø tõttu i diftongi järeldkomponendina: To häishään 'omas hädas'; - b. i (< i) lõpukao tõttu: hK kõühil 'vaestel'; - c. i (< yi): sata härillä 'härgele' jt. Muudel juhtudel seletub i: 1) asepikeadusega (vI silmist 'silmadest'), 2) i-tüvede analoogiaga (Por hüville 'headele'), 3) tugevaastmelise i-mitmuse mõjuga (TütS nällissä 'näljas'); - d. ø < i edelamurrete komitatiivis: kenGnes 'oma kingadega'.

2. Tugevaastmelise mitmuse esinemisalad on samad kui a-tüvedel: a. i (pärit kontraheerunud genitiivist): vL härkil 'härgele'; - b. i (< i): smAL märkissä 'mürges'; - c. i (< i): sav märkilt 'mürgelt'.

3. loi-mitmus (harva) idamurdeis: sav setilöil 'lilledel'.

4. äi-tüvi ainult adverbides: sata päiväissä 'päeva jooksul'. Tüüp on algupäralt sama kui a-tüvede adverb jalkeilla 'jalul' jm.

V a n a s k i r j a k e e l e s lõpeb mitmuse tüvi i-ga: Agr. Kieuhille 'vaestele' jt. oi-mitmuse ö-line vorm Kollaniusel (wiljeliöstä) on ilmselt trükiviga (pro -oi-).

P r a e g u n e k i r j a k e e l kasutab kaheasilbilistest sõnadest i-ga lõppevat mitmuse tüve: kylissä 'kü-

lades'. Ka neljasilbilistest sõnadest on i-vorm üldiselt võimalik, erandiks vaid juhud, mis öi-listena on paralleel-tüübiks a-tüvede oi-mitmusele: märehtijöillä 'mäletsejatel' (vrd. valehtijöillä 'valetajatel') jt.

Rõhuline asend. 1. a. i ≠ enamikus murdeis: smE piäne-mis 'väiksemates' jt.; - i siirdunud diftongi järelkomponen-diks muutuse ji > i tõttu: sIv pittäissä 'kihelkondades'; - b. ī (i-i muutuse ji > i tagajärjel): To tüöntekkiätä 'töö-tegijatest'; - c. ī, mis seletub: 1) asepikeadusega (hL isänniks 'peremeesteks'), 2) i-tüvede analoogiaga (pL emän-nillä 'perenaistel').

2. Tugevaastmeline i-mitmus: a. i: vL emäntilläkään 'perenaistelgi (mitte)'; - b. i (< i): smAL käpälist 'käppa-dest'.

3. öi-mitmuse variandid: a. öi: sAtA tekijöiks 'tegi-ja-teks' jt.; - b. öe (< öi): sL väkevöetä 'vägevaid' jt. (eri-nevalt kirjakeelest, kus dissimileerivate häälikute v, m, p puhul vaid i-line mitmus); - c. ö (< öi): pL puolitekemös 'pooltegemisis'.

4. ei-line mitmus juhuslikus segaparadigmas: Ke äpäretä (: äpärä pro murd. äpäre) 'lastest'.

V a n a s k i r j a k e e l e s o n i-line mitmus üldisem kui praegu, sest ta esineb sageli ka tegijanimeses: Agr. pahointekijste 'kurjategijatest' jt. (tüvi tekijöi- on haruldane).

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s o n i-line mitmus ainuline -isä-, -mpä-, -mä- ja -vä-lõpulistest sõna-hyötyisillä 'tulusail' jt. Siin kehtib dissimilatsioonisea-dus nagu öi-mitmusegi puhul, mis näit. tüübis tekijöillä 'te-gijatel' on alnuvõimalik. öi-mitmus on üldistuste tagajärjel tulnud tarvitusele tuletistüüpides -lä-, -kkä jt., kujunedes seega a-tüvede oi-mitmuse paralleelnähuks.

Genitiiv

Rõhuta asend. Tüübist *seppäfen lähtuvad peamiselt läänemurrete variandid:

1. -ä_e(n): hS äijäe(n) 'vanameeste'.

2. -äjen (milles j on siirdehäälik): hS silmäjeni 'mi-nu silmade' jt. Edelamurrete puhul võib oletada ka kontami-natsiooni *silmäfen + silmäin = *silmäifoen 'silmade', mis muide on esindatud vanas kirjakeeles; sellest vahetult ö kao tõttu silmäjen.

3. Kontraheerunud genitiivid: a. -äin (üldisim), murde-
ti nõrk aste: To reijäin 'aukude' jt.; - b. -ään, -äen,
(< -äin): sPv köuhaän 'vaeste'; - pK silimäen 'silmade' jt.;
- c. -än (< -äin): pL härkän 'härgade'; - d. -ä (< -äin) at-
ribuutides: smE härkkä ies 'härjalke'.

Konsonanttüvelise genitiivi tten-lõpp pole häälikusea-
duslik: smE vikkelintten 'väledate'. Ootaks arengut *vikke-
linden > *vikkelinnen > *vikkeline.

Mitmusetüvelisest genitiivist *seppiön lähtuvad järg-
mised murdevormid:

1. a. -ien, (harvemini) -ien: hK metti^{en} ~ mettien
'metsade' jt.; - b. -iän (< -ien): hK lehmian 'lehmade'.

2. a. -ijen (siirdehäälikuna j või j^h): sL leivättömi-
(j)en 'leivatute', pK märki^hen 'märgade' jt. Neist tuleb
eristada smE leippijen 'leibade', milles leipin + -jen; -
b. -ijen (-in + -ijen tüübi hK silmiten mõjul): sEv silmij-
je(n) 'silmade'.

3. -i(n) (< -ien) peamiselt idamurdeis: sL lehmii(n)
'lehmade' jt.

tten-, ten- ja hen-lõpulised genitiivid ainsuse- ja mit-
musetüveliste kontaminatsioonidena:

1. -tte(n): smE härkkäitten 'härgade'; - smE pükenkkät-
te 'puukingade'.

2. -te(n): a. hK lehmäiten 'lehmade'; - smE härkkäte
'härgade'; - b. hK hüviten 'heade'; - hK lehmiten 'lehmade'.

3. -hen genitiiv-illatiivina: vI heinihen 'heinte'.

V a n a k i r j a k e e l e ä-tüvede kahe- ja nel-
jasilbiliste sõnade mitmuse genitiivid on ainsusetüvelised.

1. -den (pea- ja kaasrõhulise silbi järelt üldistatu-
na) vanematel kirjanikel: Agr. pyhedhen 'pühade' jt. XVII
sajandi tekstides mõjub see genitiivitüüp arhailiselt, kuid
juba Agricola on asendanud oma teoste kordustrukkides ta
äin-lõpulisega (Isedhen > Isein 'isade').

2. Kontaminatsioon -äin + -den esineb ainult vanemais
trükistes: Ups. ev. hyuäidhen 'heade' jt.

3. -ä^{en}: Koll. Esisäen 'esilsade' jt.

4. -äin üldisima genitiivitüübina: Agr. silmein 'silma-
de' jt.

5. -än atributiivselt kasutatud noomenis: Westh hyuän
töiden cansa 'heade töödega' jt.

Mitmusetüvelised genitiivvormid on juhuslikud:

1. -den: Elm. Lapsensynnyttäiden 'lapsesunnitajate'.

2. -ien: Agr. Pyhiien 'pühade'.

tten-lõpulised kontaminatsioonivormid on rõhutus asendis haruldased: ainsusetüveline A kiöuhetten 'vaeste'; - mitmusetüveline Sal. wiettelitten (-iji- > -i-i- > -i-) 'ahvatlejate'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l soosib suhtes ü:1 mitmusetüvelist genitiivi: hyvien - hyväin 'heade'. öi-mitmuse genitiivid (4-silbilistest sõnadest) on den ~ tten-lõpuga: märehtijöiden ~ -tten 'mäletsejate'.

Rõhuline asend. Ainsusetüvelised tüübid on murdeis üldiselt samad kui rõhutus asendis:

1. -äje(n): smE isäntäje(n) 'peremeeste' jt.

2. Kontraheerunud genitiivid: a. -ään: smE kylmemppäin 'külmemate' jt.; - b. -ään (< -äin): spV üstävään 'sõprade'; - c. -än (< -äin): pl käräjään 'kohtute'. Murdeti rõhulises asendis -äi, kuigi rõhutus äi > ä; - d. -ä (< -äin): smE kylmemppän 'külmemate'.

Mitmusetüvelisele lähtetüübile taanduvad:

1. -i₁en. -ien: hK elävien 'elavate' jt.

2. -i₁jen (đ kohal siirdehäälik j): smE isäntijen 'peremeeste' jt.

3. -in (< -ien) ida- ja põhjamurdeis: spV üstävin 'sõprade'.

4. öi-mitmuse ootuspärast genitiivilõppu esindab pl teki₁öre(n) 'tegitate'.

tten-, ten- ja hen-lõpuliste kontaminatsioonide põhjaks on nii ainsuse- kui mitmusetüvelised (i, öi) vormid:

1. -tte(n): a. satY künttiläitten 'küünalde'; - smE kylmemätten 'külmemate'; - b. pP elävitten 'elavate' jt.; smE kynttilöitte 'küünalde'; - smE kyntilötte 'küünalde'.

2. -ten: a. hK eläviten 'elavate'; - b. hL kämpüröiten 'jändrikkude'; smE teki₁öte 'tegitate'.

3. -he₁(n) idasooime genitiiv-illatiivina: a. sp isäntihe(n) 'peremeeste': - b. sIv mänijöihen 'minejate' (reeglipärase lõpuga illatiiv).

V a n a k i r j a k e e l e reeglipärased genitiivid taanduvad ainsusetüvelisele lähtekujule:

1. -den (đ säälmine rõhulises asendis on ootuspärane vanematel kirjanikel: Agr. nächtewedhen 'nähtavate'.

2. Kontaminatsioon -äin + -öen: Agr. hedhelmeijden 'viljade' jt.

3. -äin soosituima genitiivtüübina alates Agricolast: Ysteuein 'sõprade' jt.

4. Konsonanttüveline genitiiv Agricolal isänten 'peremeeste' on niivõrd haruldane, et võib oletada ka trükiviga (pro isäntein).

tten- ja ten-lõpulistest ainsuse- ja mitmusetüvelistest kontaminatsioonides kajastuvad edelamurrete omaaegsed suhtel Rõhulises asendis on -tten ja -ten küllaltki sagedased.

1. -tten: a. (-äin + -tten) Mart. wereäitten 'väravate' jt.; - Agr. hedhelmettens 'oma viljade'; - b. kõige sagedasem tüüp -in(?) + -tten: Koll. eläwitten 'elavate' jt. - c. Westh. wärijn tekijöitten 'patustajate'.

2. -ten (osalt ortograafiline): a. Agr. wäkeueiten 'vägevate'; - Elim. pahointekieten 'kurjategijate' jt.; b. Agr. Eleuiten 'elavate' jt. - c. Westh wärinteekiöiten 'patustajate'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s kulgeb areng mitmusetüvelise ystävien 'sõprade' tüübi kasuks, kuigi ka ainsusetüveline ystävain on veel kasutusel. Konsonanttüveline tüüp lämminten 'soojade' esineb harva. öi-mitmuse genitiivid on tavaliselt den-lõpuga, näit. kylpylöiden 'kuurortide', kuid ka tten- ja jen-lõpulisel vormil on võimalikud (kylpylöitten, kylpylöjen).

Partitiiv

Rõhuta asend. Lähtetüübile *seppiä taandub enamik murdevorme.

1. -iä, (harvemini) -iä: sata köhiä 'vaeseid' jt.

2. a. -iä (siirdehäälikuna j või j̄). hS härkiä 'härgi', pP hüviä 'häid' jt. Edelamurrete leippijän 'oma leibu' on saanud pp possessiivsufiksita partitiivist leippi (< leipi). - b. Geminatsioonialal j > j̄j: sIv kenkijän 'oma king' jt.

3. -ie (< -iä) mõnedes idamurretes: sPv härkie 'härgi' jt.

4. a. -i (< -iä) lõunapoolsetes murretes. TurS kööhi 'vaeseid' jt.; - b. -i (< -i): sME härkki 'härgi'.

5. t(ä)-lõpp on üldistunud rõhulisest asendist: a. peamiselt possessiivsufiksilistes vormides sME leippitän 'oma leibu'; - b. 4-silbilistes tegijanimedes (j̄j > i): To selit-täitä 'seletajaid'; - c. öi-mitmuse puhul: sEV kävelijöitä

'kõndijaid'.

6. lõi-mitmuse partitiiv on sekundaarse i-ga: sm Al lei-pilõi 'leibu' (lõjä).

V a n a s k i r j a k e e l e s on valitsevaks i-ä-partitiiv: Agr. pyhie 'pühi', tyhmiie 'rumalaid' (-iie tõenäoliselt ortograafiline) jt. Kontraheerunud vormid on üldiselt i-ga lõppevad, ainult Hemminkil võrdlemise järjekindlalt ii: hyvii tecoi 'häid tegusid'. t(ä)-lõpulisel pleonastilised partitiivid on haruldased: Hem. Synnytäit 'sünnitajaid' jt.

P r a e g u n e k i r j a k e e l jätkab -i(ä)-lõpu traditsioone: silmia 'silmi', hengettömiä 'hingetuid'. 4-silbiliste sõnade oi-mitmuse puhul kasutatakse tüüpidest kävelli-jöitä ~ kävelli-jöjä 'kõndijaid' peamiselt esimest.

Rõhuline asend. 1. Ootuspärane t(ä)-lõpp esineb murdeis harva: smE kylmemit 'külmemaid' jt.; - iä-lõpulistest tegijanimedes -iji- > -i-: To mennitä 'minejaid'.

2. Enamikus murdeis on saanud määravaks kaheasilbiliste tüvede partitiivi tüübid: a. -i(ä), -iä: hS killtäviä 'läikivaid' jt.; - b. -iä (siirdehäälikuna j või j): smE isäntijän 'oma peremehi' jt.; astmeüldistus vormis sL pitimmiä 'pikimaid'; pL ülempiä 'ülemaid'; - (ji > i) To nittäijä 'niitajaid'; - geminatsioonalal j > jj kaheasilbilistest sõnadest lähtununa: sLv käpälijjän 'oma käppi'; - c. -ie (< -iä): sPv pienempie 'väiksemaid'; - d. -i: sav mytäviä 'müüdavaid', To üstävi 'sõpru' jt.; - e. -i (< -i < -iä) edelamurdeis: isänti 'peremehi'; - (ji > i) pitäi 'kihelkondi'.

3. oi-mitmuse puhul: a. peamiselt t(ä)-lõpp: smE bahantekjöit (i < ij) 'kurjategijaid', To frökünöitä 'preilid' jt.; - öe, öe (< oi): sLv hakküroetä 'kuivatustellinguid'; - sL väkevoetä 'vägevid' jt.; - ö (< -oi): hK künarö(t) 'küünraid' jt.; - ö (< oi): smE tekkijöt 'tegijaid'; - b. nõrgaastmeline lõpp on pärit rõhutust asendist: To mäkaröjä 'mäkri', (-öjä > -oi) vI vispilöi 'vispleid' jt.

4. si-mitmus harva edelamurdeis: Niemlässä (pl. part perekonnanimest Niemelä); juhusliku vormivääratusena smM pahantekjäsia 'kurjategijaid'.

V ä a a s k i r j a k e e l e s on t(ä)-lõpp eriti üldine: Agr. eluite 'elavaid', (iji > i) Ikal. pahointekijtä 'kurjategijaid' jt. Rõhutust asendist üldistunud -iä või ilõ-pulisel partitiivid esinevad juhuslikult: Raum. ylistetäviä 'ülisatavaid', - Agr. Ystewi 'sõpru'. oi-mitmuse partitiivid on alati t(ä)-lõpulisel: Sal. tekiöitä 'tegijaid' jt.

P r a e g u n e k i r j a k e e l enam tä-lõppu ilise mitmuse puhul ei kasuta: tüüp pienempää 'väiksemaid' on ainuline. Seevastu õi-line mitmus eelistab tä-partitiivi: pähkinöitä 'pähkleid' (harva pähkinöjä).

Illatiiv

Rõhuta asend. 1. a. -i(n) enamikus murretes: üldiselt *seppihen > seppihin > seppi-in > seppin, paiguti *seppihen > seppien > seppin 'seppadesse'. - b. -i (< -in): smE härkki 'härgadasse'.

2. h-lised illatiivid peamiselt aladel, kus h : a. -he-paradigmaatilises vahelduses: vI miu silmihei 'minu silmadesse', kuid silmä 'silmaadesse'; - b. -hi(n): pL silmihin 'silmaadesse' jt.; kontaminatsioonina smE härkkihi (härkin >> härkki + -hi) 'härgadasse'; - sisekaojuhuna pL härkkin 'härgadasse'; - c. -h: sav metsih 'metsadesse'.

3. s-illatiivid, mille põhjaks kontraheerunud lõpuga vormid: a. -sse: smAL seinisse 'seintesse'; - (i > i) smE hüvisse 'headesse'; - b. -si: hL mettisi 'metsadesse'; - c. -s: smE silmis 'silmaadesse'; - d. -sä-possessiivsufiksi ees: smE leippisän (i < i) 'tema leibadesse'.

V a n a s k i r j a k e e l e s leidub h-lisi vorme peamiselt Agricolal, harvem teistel vanadel kirjanikel: Koll heinihin 'heintesse'. Westhi tekstis muidu h, kuid atributiivselt kasutatud noomenais h > \emptyset : pyhin käsihins 'oma pühadesse kättesse'. Hilisemates tekstides kõikjal in-lõpulisel illatiivid: piibel (1642) sywijn wesijn 'sügavatesse vetesse' jt.

P r a e g u n e k i r j a k e e l viljeleb kontraheerunud lõpuga illatiive: silmiin 'silmaadesse', järjestelmiin 'süsteemidesse'. Luulekeeles on lubatud ka -hin-lõpp. -hin on ainuvõimalik hilistekkeliste õi-vormide puhul: ma-rehtijöihin 'mäletsejatesse'.

Rõhuline asend. Kuigi h säilimine on rõhutuse asendis ootuspärane, pole mitte kõik h-lised vormid häälikuseaduslikud.

1. a. -he(n) illatiiv-genitiivid: sLv pitimpihe 'pikimatesse' (= gem. pitimpi + ill. pitimpihe). - b. -hi(n) (< -hen): pL elävihin 'elavatesse' jt.; - (i > i) smE kyl-memppihin 'külmetatesse'; - sisekao tõttu pL näkyvhi 'paistavatesse' jt.; - seevastu metateesijuhuna To petähjin 'mändidesse'; - c. -h: sav petäjih 'mändidesse'.

2. Kontraheerunud lõpuga illatiivid on tekkinud rõhutu asendi esinemuse mõjul: a. -i(n): sata ikävin 'igatsustesse' jt.; - b. -in (< -in): smE kylmempin 'külmematesse'.

3. s-illatiivid on tekkinud kontraheerunud e-tüvede analoogial: a. -sin (ä-tüvedes eriti haruldane): hP pitäjii-siin (-in + -sin) 'kihelkondadesse'; - b. -s: smE isänis 'peremeestesse' (nõrk aste seletub illatiivi- ja inessiivivormide segunemisega). - c. -sä- possessiivsufiksi ees: smE isän-tisän ~ isänisän 'nende peremeestesse'.

4. öi-mitmuse puhul illatiivivariandid: a. -hen, -hin ja -hi(n) (kontraheerunud lõpp): sIv kämpüröihen 'jändrikkudesse'; - sIv mänijöihin 'minejatesse'; - sata nüppülöih(i)n '(mäe)tippudesse'; - metateesijuhuna: To krönikhöin; - b. kontraheerunud käändelõpp rõhutu asendi analoogial: hS hälli-nöi(n) 'müradesse'; - c. s-illatiivina -sse: smE petäjöisse 'määndidesse'.

V a n a s k i r j a k e e l e s esineb kaasrõhulise silbi järel järjekindlalt -hin: Elim. enämbihin 'enamatesse' jt.

P r a e g u s e k i r j a k e e l e esinemus on sama kui rõhutus asendis: i-mitmuse puhul kontraheerunud lõpuga vormid, näit. lämpimiin 'soojadesse' jne., öi-mitmuse puhul -hin: kylpylöihin 'kuurortidesse'.

K o n t r a h e e r u n u d n o o m e n i d

eä-lõpulistele adjektiivide i-mitmuse variandid on üldjoontes samad kui tagavokaalsel eä-tüübil. Viimati mainitu oi-mitmusele vastab eä-adjektiividel hilistekkeline öi-mitmus, mis tuleb esile vaid nendel murdealadel, kus -eä > -iä.

1. a. ei (< edi): hP levveistä 'laiadest' jt.; - b. ee (< ei): sIv pimmeessä 'pimadates'; - c. e (< ei): pL pimeenä 'pimadatena' jt.; - d. i (ainsuses toimunud muutuse eä > i mõjul): hK ülpiks 'uhketeks' jt.; - e. i (< i või siirdumisest e-tüvede deklinatsioon): smE ylppis (: sg. iness. ylppes) 'uhketes'.

2. öi-mitmus: a. öi: vI pimiöllä 'pimedatel' jt.; - b. ö (< öi): pL pimiöönä 'pimadatena'; - c. ö (< öi): smE ylp-jös 'uhketes'.

3. h-line mitmus (h siirdehäälikuna, mitte $\delta > h$): vI pürehist 'ümmargustest'.

Nagu v a n a s n i i k a p r a e g u s e s k i r -
j a k e e l e s o n k a s u t u s e l p õ h i l i s e l t i - l i n e m i t m u s e t ü -
v i: t ü ü p leveillä 'laiadel'. h-lisi vorme soosib teatud mää-
r a l l u u l e k e e l . P a r a l l e e l v o r m i n a n ä i b k u n s t l i k leveõillä (p r o
leviõillä) o l e v a t t a r b e t u .

Genitiiv

1. Ainsusetüveline lähtetüüp *pimedäden on põhjaks mur-
devormidele: a. -äjen: smE ylpjäjen 'uhkete' (ä kohal siirde-
häälik j); - b. -äin: pL-s tihejäin 'tihedate'; - c. -än
(< -äin): pL pimiään 'pimedate'.

2. Mitmusetüvelisest lähtetüübist *pimedäiden on vahetult
kujunenud (ä > ø) jen-lõpuline genitiiv: smM pimeijen 'pime-
date jt.

3. Kontraheerunud ein-lõpuline tüüp on kujunenud kahe-
silbiliste sõnade analoogial: sLäv pimmein 'pimedate'.

4. Reeglipäratute käändelõppudena esinevad -tten, -hen
ja -hin; kaks viimast pärit illatiivist: a. -tte(n) liitub
ainsuse või öi-mitmuse tüvele: smE ylpjätte(n) 'uhkete'; -
smE kevjöitte ~ kevjötte 'kergete' jt.; - b. -hen genitiiv-
illatiivis: sP lempeihen 'õrnade' jt.; - (i pro ei) sLv lev-
viihen 'laiade'; - c. -hin genitiiv-illatiivis: (ei > ē) sLv
levveehin 'laiade'.

V a n a k i r j a k e e l . 1. Ainsusetüvelised geni-
tiivitüübid: a. -den Agr. Kipiedhen 'haigete'; - b. -äin:
Agr. ylpiein 'uhkete'. - 2. Mitmusetüvelisena esineb Agrico-
l a l pimeidhen 'pimedate'. - 3. -ein (tüübi papein mõjul) Agr.
ylpein 'uhkete'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l s o o s i b m i t m u s e t ü -
v e l i s t g e n i t i i v i : pehmeiden 'pehmete' 82% - pehmeitten 18% .
Ainsusetüvelise tüübi pehmeäin kasutamine piirdub liitsõna-
d e g a . öi-tüveliste genitiivide pehmeöiden ~ pehmeöitten 'peh-
m e t e ' e s i n e m i n e o n j u h u s l i k .

Partitiiv

1. Lähtetüüp *pimeditä on põhjaks i-mitmuse -t(ä)-lõpu-
l i s t e l e v o r m i d e l e : a . (t ü v e s ei ä k a o t õ t t u) s L ä v pimeitä
'pimedaid' jt.; - b. (ei > ē) pL ilikeetä 'kurikavalaid'
jt.; - c. (i muutuse eä > i mõjul) hK levit 'laiu' jt.

2. a. t(ä)-lõpp on ootuspärane ka öi-mitmuse puhul: Haas
kevijöit 'kergeid', M. Airilal (teoretiseeritult?) To vireöi-
tä (p r o viriöitä) 'vilkaid'; - b. (öi > ō) pL pimi^jötä 'pi-
medaid'.

Muudel juhtudel on käänelõpp analoogiline:

1. i-mitmuse puhul: a. -i h-listes tüvedes: vI ilkehi 'kurikavalaid'; - b. -i (siirdumise tõttu e-tüvede deklinatsioon): smE ylppi 'uhkeid'.

2. öi-mitmuse puhul: a. -öjä (< -öi-ä): Ke ilkiöjä 'kurikavalaid'; - b. -öi (< -öjä): hK pyöriöi 'ümmargusi' jt.

K i r j a k e e l viljeleb ainult reegli pärast tä-lõppu: tüüp pimeitä ~ pimeöitä 'pimedaid'. Grammatikais on esindatud ka analoogilise käänelõpuga part. pimeöjä, mida vähesel kasutamisel tõttu pole "Nüüdissoome sõnaraamatu" käänelõppu tüübitikku enam arvatud.

Illatiiv

Lähtetüübile *pimedihin taandub vahetult vaid osa murretes kasutusel olevatest illatiivtüüpidest.

1. -hen: sIV kippēihin 'haigetesse'.

2. -hin (< hen): i-mitmus: a. (ei) sP lempeihin 'hella-desse'; - b. (ei>ē) pL pimeehin 'pimedatesse'; - öi-mitmus (ootuspärane vaid käänelõpp): (öi > ö) pL pimiöihin 'pimedatesse'.

3. -hīn (i ebareegli pärane): vL pimiöihīn 'pimedatesse'.

4. -h: HaaS kipiöih 'haigetesse'.

5. Kontraheerunud lõpuga illatiiv: -i(n) (< -in): smE ylppi(n) 'uhketesse'.

6. s-illatiivid: a. -s (< -sen): smE ylpiö(i)s 'uhketesse'; - b. -si(n) ulatuslikult nii lääne- kui idamurdeis: hS pehmeisi(n) 'pehmetesse' jt.

K i r j a k e e l e s on peetud siin-lõpulisel illatiiv murdelisteks, sest sõna tüvi ei lõpe pika vokaaliga. Tegelikult on just siin-lõpp ülekaalus, näit. pyöreisiin 'ümmargustesse' 64% - pyöreihin 36%, pimeisiin 'pimedatesse' 60% - pimeihin 40%. Alates 1963. aastast esitavad grammatikad võrdõiguslikuna ka siin-lõpu. Ainult öi-mitmus on endiselt hin-lõpuline: pimeöihin 'pimedatesse'.

L ü h e n d i d

Ag. = Agricola, Elim. = Elimäus, HaaS = Haapasaare murre, Hem. = Hemminki, hK = Kagu-Häme murre, hL = Lõuna-Häme murre, hP = Põhja-Häme murre, hS = Kesk-Häme murre, Ikal. = Ikalensis, Ke = Kemiõje murre, Koll. = Kollanius, Mart. = Martti, pK = Kesk-Pohjanmaa murre, pL = Lõuna-Pohjanmaa murre, pL-s = Lõuna-Pohjanmaa-Savo segamurre, Por = Porvoo, pp = Põhja-Pohjanmaa murre, Raum. = Raumannus, Sal. = Salammus, satA = Ala-Satakunta murre, satY = Ylä-Satakunta murre, Sav = Savako murre, sEv = Edela-Savo valisrühma murre, siv = Ida-

Savo valisrühma murre, sL = Lõuna-Savo murre, sLv = Lõuna-Savo valisrühma murre, sLav = Laane-Savo valisrühma murre, smAL = Alam-Luuga murre, smE = soome edelamurre, smM = Kesk-Skandinaavia metsasoomlaste murre, sPv = Pohja-Savo valisrühma murre, To = Torniojõe murre, TuS = Turu segamurre, TuTS = Tütarisaare murre, Ups. ev. = Uppsala evaangeliumi fragment, vI = Viiburi idamurre, vL = Viiburi laanemurre, Westh = Westhi tekst.

Пауль А л в р е
(Пауры)

ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ОСНОВЫ НА -ä В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

В результате перехода äi > i еще к периоду существования прибалтийско-финского языка-основы, развитие форм мн. числа в основах на -ä в общих чертах происходило параллельно и одинаково с i-евыми формами мн. числа от основ на -a. Наличие преимущественно в положении под ударением и чаще всего в стяженных основах öi-евого мн. числа, встречающегося в основах двухсложных слов также в карельском, ижорском и вепском языках, объясняется аналогией с oi-евыми формами мн. числа в основах на -a, причем они имеют более позднее происхождение.

В литературном финском языке öi-евые формы мн. числа образуются от тех же типов слов, что и oi-евых форм от основ на -a (myymälöitä 'магазины' - kaupraloita 'поселки', teki-jöitä 'делающих' - juoksijoita 'бегущих' и др.). В некоторых диалектах исконные i-евые формы зачастую сохраняются.

Долгое i в формах с сильной степенью чередования (härk-kil 'на быках' и др.) возникло в начале в стяженных формах генитива (härkin < *härkiden), которые затем и легли в основу нового типа мн. числа. Возникшие в более позднее время loi-, loi-евые и si-евые формы мн. числа в основах на -ä по своему употреблению крайне ограничены (smAL leipildä 'хлебы'; smE Niämälässi 'партитив мн. числа от фамилии Niemelä).

Генитив, партитив и иллатив мн. числа в основах на -ä представляют собою такую же перстую картину, как в словах с основой на -a.

Пауль А л в е
(Тарту)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И ЭСПЕРАНТО

Создатель эсперанто Л. Заменгоф, как известно, не знал ни одного финно-угорского языка. Поэтому невозможно предположить непосредственного влияния фонетики, грамматической структуры, лексики финского, эстонского, венгерского и других финно-угорских языков на эсперанто. Все языки, которые Л. Заменгоф знал (русский, польский, идиш, немецкий, английский, итальянский, французский и античные языки), и элементами которых он пользовался при создании эсперанто отчисляются к индоевропейской семье языков. А финно-угорские (resp. уральские) языки имеют с последними ряд сходных черт. В финно-угорских языках существует довольно много типологических параллелей и с эсперанто. Они выступают на всех уровнях языка.

Звуковой состав эсперанто отличается простотой (нет редуцированных гласных). В финно-угорских языках также используются полноценные гласные. Из современных финно-угорских языков своим вокализмом к эсперанто ближе всего эрзя-мордовский язык, в котором гласные a, o, u, i, e используются независимо от слоговой позиции. Отличительной чертой финно-угорских языков является существование гармонии гласных. В эстонском литературном языке она исчезла и в первых слогах вокализм фактически такой же как в эсперанто: в исконных словах a, u, i, e к которым присоединился еще гласный o в некоторых заимствованных словах (auto, kilogramm).

В эсперанто, как например, в латинском и итальянском языках, ударение делает гласный открытого слога полудолгим, чему в эстонском языке соответствует П долгота (ср. эсп. polo - эст. poolakas поляк). Существование долгих гласных наряду с краткими свойственно также венгерскому и всем прибалтийско-финским языкам (финскому, карельскому, ижорскому и др.).

Доклад, прочитанный на конференции "Плановые языки: итоги и перспективы", проходившей в г. Тарту в октябре 1987 г.

Наряду с противопоставлением кратких и длинных гласных общей чертой для эсперанто и, например, для эстонского и финского языков, можно считать наличие дифтонгов, оканчивающихся на i и u (в эсперанто aj, oj, uj, ej; ай, ой, ей.)

Хотя в любом языке употребляется меньше гласных, чем согласных (в эсперанто - 5 гласных и 22 согласных), в общей картине текста согласные обычно преобладают над гласными. Некоторое исключение составляет, например, японский язык (на 100 гласных отвечает 82 согласных). Во всех индоевропейских языках, в эсперанто и также в финно-угорских языках число согласных превышает 100. Колебания в этих языках велики, в индоевропейской семье языков самый богатый гласными итальянский язык (на 100 гласных - 108 согласных), самый бедный - датский язык (100 : 176). В эсперанто графемы соотношения (100 : 115); к нему ближе всего эстонский (100 : 113) и венгерский (100 : 111). Наиболее встречающаяся графема в эсперанто a (11,9 %), за которой следуют e и i. В финском литературном языке тоже самая часто встречающаяся графема a (12,1 %) за которой следуют i и e.

В эсперанто отсутствуют палатальные согласные, что кажется даже загадочным, если учесть большое влияние русского языка на процесс создания этого языка. Палатализация совершенно отсутствует в финском литературном языке. Но это не является основной чертой финно-угорских языков: в начальной фазе прибалтийско-финских языков палатализация пропала.

Во многих финно-угорских языках не употребляются сочетания согласных в начале слова (даже не в заимствованной лексике; ср., например, венг. asztal и рус. СТОЛ, манс. turpa и рус. руба). Эстонский литературный язык, некоторые финские западные наречия, ливский язык под влиянием соседних индоевропейских языков стали употреблять сочетания согласных. Сочетание согласных в начале слова в них полностью совпадает с употреблением этих же сочетаний в эсперанто. Ср. эст. pruun - эсп. bruna, draakon - drako, frukt - frukto, klaas - glaso, gravidne - graveda, kriit - kreto, kviitung - kvitanco, proovima - provi, streik - striko и др.

При исследовании общих черт в финно-угорских языках и эсперанто можно говорить только о типологических, а не о генетических или ареальных параллелях. По образованию различных грамматических категорий и слов эсперанто считает агглютинативным языком, что придает морфематике ясную структуру. И финно-угорские языки в своей основе всегда агглютинирующие.

В эсперанто артикль la показывает определенность. Из финно-угорских языков своим определенным артиклем a, an (= нем. der, die, das) ближе всего к эсперанто венгерский язык. В других финно-угорских языках такого артикля нет. Об артикле в конце слова можно говорить в мордовских языках, где указательное местоимение áe (> á) 'этот', мн. число ne 'эти' обозначает определенность, напр. kudo 'ein Haus', kudc-á 'das Haus', kudot-ne 'die Häuser'

В финно-угорских языках как и в эсперанто, отсутствует род. Это, однако, не мешает при необходимости с помощью суффиксов различать лиц мужского и женского рода. Ср. выражение понятий 'учитель' и 'учительница' в эсперанто instruisto - instruistino, в эстонском õpetaja - õpetajanna, в финском opettaja - opettajatar.

Признак мн. числа в эсперанто -j. В финно-угорских языках i как признак мн. числа распространен: во всех прибалтийско-финских языках, в саамском, в венгерском и даже некоторых самодийских языках, напр., в финских косвенных падежах lintui- linnui- (: lintu 'птица'), в саамском nâmâi- (: nâmâ 'имя'), в венгерском nevei-m, nevei-d 'мои имена, твои имена'. Экономность признака мн. ч. i проявляется, впрочем, не только в краткости (ср., напр., с турецким -lar, -ler), но и в том, что количество слогов в слове остается таким же (фин. мн. ч. lintui-, ед.ч. lintu-). Хвалебные слова говорились и в отношении показателя мн. ч. эсперанто -j, которой, образуя дифтонг с предшествующим гласным, также не увеличивает числа слогов в слове (birdoj, ед. ч. birdo 'птица'). Признак мн. ч. j в эсперанто оказался настолько удачным и привлекательным, что его использовали и в создаваемых позднейших искусственных языках, напр. в проекте языка ладэф (Ladef < Lang del Friden "язык мира", 1963).

Современные финно-угорские языки имеют много падежей (в эстонском языке - 14, в финском - 15, в коми 17, в венгерском 23). На первый взгляд кажется, что типологических параллелей в финно-угорских языках и в эсперанто как будто нет, но на самом деле это не так. Полное совпадение происходит прежде всего в номинативе и в образуемых на его основе косвенных падежах. Как и в эсперанто, так и в финно-угорских языках номинативом является (или являлся) корень слова. Этот корень слова сохраняется или сохранялся неизменным во всей парадигме и не только единственного, но и множественного числа, ср., напр., склонение финского слова talo 'дом' и эспе-

рантского domo: номинатив talo - domo, (генитив-)аккузатив talo-n - domo-n, мн. ч. talo-i-n - domo-j-n. На основе приведенных примеров может создаться впечатление, будто И. Заменгоф копировал финский язык. В действительности же образцом ему служили аккумулятивы с окончанием -n существительных, прилагательных, местоимений идиша и немецкого языка, которые своим более ранним -m всячески напоминают образование аккумулятивов финского языка, где также произошел переход -m > -n. Интересно отметить, что в некоторых искусственных языках (omnilingua, 1957 - 1961) рекомендуется окончанием аккумулятива использовать более архаическое -m, напр., patrom из слова patro 'отец'.

Притяжательные местоимения изначально не присущи финно-угорским языкам, а вместо них использовались указывающие на принадлежность суффиксы, которые происходят от личных местоимений, напр. фин. talo-ni (*talo-mi), венг. háza-m 'мой дом'. Во многих прибалтийско-финских языках притяжательные суффиксы исчезли, и для выражения принадлежности употребляется тип индоевропейских языков (ср. эсперанто) ср. эст. minu maja 'мой дом' - эсп. mia domo.

Отрицательные местоимения neniu 'никто', nenio 'ничто', nenia 'никакой' в эсперанто получаются путем присоединения отрицательного префикса ne-. Подобный способ образования изначально чужд финно-угорским языкам. В восточных прибалтийско-финских языках и далее под влиянием русского языка стало употребляться отрицательное ni-, ni-, напр., в карельском, вепском ni-ken 'никто', водском ni-mi 'ничто', это позволяет говорить о типологической и звуковой параллели с эсперанто.

В эсперанто отражаются наклонения используемых в Западной Европе индоевропейских языков: изъявительное, повелительное и сослагательное. Эти наклонения встречаются также и в финно-угорских языках. Показатель прошедшего времени i является общим для финно-угорских языков и эсперанто, ср. фин. anno-i-n 'я дал' - эсп. don-i-s. Типологическое сходство с эсперанто проявляется и в том, что перфект и плюсквамперфект образуется при помощи вспомогательного глагола 'быть' и причастия основного глагола. В отношении отсутствия рода в глаголах эсперанто ближе к финно-угорским языкам чем, напр. к русскому языку, ср. эстон. päev, suvi, kevad möödus - эсп. tago, sohero, printempo pasia - рус. день прошел, лето прошло, весна прошла.

Финно-угорские языки в образовании сложных слов являются типологически сходными с эсперанто, напр. эстон. kivi-süsi, венг. kő-szén - эсп. ston-karbo 'каменный уголь'; эст. kesk-linn, фин. keski-kaupunki - эсп. urbo-centro (ср. нем. Stadtzentrum). В противоположность этому русский язык весьма далек от эсперанто и финно-угорских языков, ср. словосочетания каменный уголь, центр города.

Структура предложения в современных финно-угорских (особенно в имеющих древние письменные языки финском, эстонском и венгерском) и в отношении сложных предложений очень близка или даже идентична индоевропейским языкам и эсперанто.

Свободный порядок слов в эсперанто и финно-угорских языках обусловлен тем, что объект маркирован, что препятствует его смешения с субъектом, ср. фин. Koira näki kissan - эсп. La hundo vidis la kato и фин. Kissan näki koira - эсп. La katon vidis la hundo. Зато немаркированный объект например в английском языке требует неизменного порядка SVO (The dog saw the cat), так как перемещение субъекта и объекта обуславливает полное изменение смысла (The cat saw the dog). В финно-угорских языках и эсперанто подобной опасности нет. В эсперанто и прибалтийско-финских языках использование связей обязательно. Общей чертой финно-угорских языков и эсперанто (как и большинства индоевропейских языков) является нахождение определения перед определяемым словом, напр. эстон. huvitav raamat - эсп. interesaa libro 'интересная книга'.

При образовании сравнительных степеней эсперанто использует наречия pli, malpli (сравнительная) или plej (превосходная), а также связку ol 'чем'. Хотя в основном тип сравнительной степени в финно-угорских языках является синтетическая (фин. poikaa nuorempi 'моложе сына'), используется также по образцу индоевропейских языков связочная конструкция чем (фин. nuorempi kuin poika 'моложе чем сын'). Аналитический способ оказал также влияние на превосходную степень (фин. kaikkein nuorin poika 'самый молодой сын').

Структурными компонентами финно-угорских языков всегда являлись послелого. Но прибавление предлогов к послелогам превратило структуру прибалтийско-финских языков в более гибкую, приблизив ее одновременно как к эсперанто (где отсутствуют послелого), так и к индоевропейским языкам, ср эстон. üle tänava - эсп. trans la strato, нем. über die Straße - рус. через улицу.

Выявлению многогранных параллелей в словарном составе финно-угорских языков и эсперанто целесообразно посвятить отдельный доклад.

Paul Alvre
(Tartu)

EINIGE TYPOLOGISCHE PARALLELEN DER FINNICH-UGRISCHEN
SPRACHEN UND DES ESPERANTO

Z u s a m m e n f a s s u n g

Finnisch-ugrische Sprachen weisen auf allen Sprachebenen typologische Parallelen mit Esperanto auf. In der Phonetik besteht eine Gemeinsamkeit in der Verwendung von Vollvokalen (reduzierte Laute fehlen). Der Anteil von Vokalen im Text ist groß. Im Esperanto kommen auf je 100 Vokale nur 115 Konsonanten (vgl. dazu das Verhältnis im Dänischen 100 : 176), im Estnischen etwa ein gleiches. Das häufigste Graphem ist a (finnisch 12,1 %, Esperanto 11,9 %). Die Morphologie ist durch ein gemeinsames Agglutinationssystem gekennzeichnet. Die Deklination beruht auf dem Nominativ Singular, das Kennzeichen des Plurals ist i oder j, woran sich die Kasusendung anschließt (finnisch ta-lo-in - Esperanto domo-j-n). Bei der Konjugation werden gleiche Modi und Tempora verwendet, gemeinsam ist auch das Kennzeichen des Imperfekts i. An der Derivation haben einen großen Anteil Zusammensetzungen, gemeinsam sind Suffixe der Internationalismen. Die Syntax weist eine gemeinsame freie Wortfolge auf, wobei die SVO-Wortfolge jedoch überwiegt. Das adjektivische Attribut wird dem zu erweiternden Wort vorangestellt und dekliniert damit im Kasus und Numerus. In den finnisch-ugrischen Sprachen werden nach dem Vorbild der indoeuropäischen Sprachen Präpositionen verwendet usw.

Людмила Барцева

(Тарту)

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы, связанные с определением лексических значений, с выявлением их в многозначном слове, дифференциация полисемантических слов и слов-омонимов, актуальны и в наше время.

До сих пор из-за отсутствия единого мнения о полисемии и омонимии одним из серьезных и сложных вопросов словарной практики остается вопрос об омонимах. Одни авторы расширяют границу омонимии, ошибочно включив сюда значение многозначного слова, другие, наоборот, суживают ее, включив часть из них в многозначность. Ясно, что в результате утери былой смысловой связи между отдельными значениями многозначного слова происходит оформление омонимов. "Форма взаимодействует в языке не со статичным содержанием, а развивающимся. До известной ступени это развивающееся содержание может находиться в пределах старой формы. В тех же случаях, когда развивающееся содержание уходит очень далеко, происходит разрушение полисемии и образование омонимии" (Будагов 1958 : 12). Направивается вывод: граница полисемии относительна.

Смешение полисемии и омонимии отразилось и в лексикографической, лексикологической работах марийского языка. Авторы марийско-русского словаря (МРС 1956) за счет омонимии расширили границу полисемии. Так, в МРС глагол "йбраш" дан как многозначный и выделяются в нем такие значения: 1) валить, свалить, катать, скатать что-л. (портышкым йбраш 'катать валенки'()); 2) мешать, смешивать, смешать что-л. с чем-л. (пучым ден йым вараш 'мешать кашу с маслом'); 3) тухнуть, потухнуть, гаснуть, погаснуть, угасать, угаснуть (тул йбра 'огонь гаснет'); 4) годиться; подходить, подойти кому-л. для чего-л.; оказываться, оказаться годным (тыге ок йбрб 'так не годится'); 5) угождать, угодить кому-л., на кого-л. (чылалан

от йбрѣ 'на всех не угодишь'). Автор статьи считает, что указанные значения данного слова не соответствуют определению многозначности. Первое и второе значения этого слова имеют между собой семантическую связь, общим для них является тема "статичное движение и орудийность", третье - совершенно не связывается с предыдущими семемами, четвертый и пятый лексико-семантические варианты так же, как и первый и второй, характеризуются общностью в семантике, не имея при этом никакой семантической связи с остальными выше указанными значениями. Поэтому отдельные значения многозначного слова "йбраш" семантически не связанные между собой, следует рассматривать как омонимы: йбраш I - 1) валять, свалить, катать, скатать что-л.; 2) мешать, смешивать, смешать что-л. с чем-л.; йбраш II - тухнуть, потухнуть, гаснуть, погаснуть; угасать, угаснуть; йбраш III - 1) годиться; подходить, подойти кому-л. для чего-л., оказываться, оказаться годным, приемлемым для чего-л.; 2) угождать, угодить кому-л. на кого-л. Подобные ошибочные разграничения полисемии и омонимии наблюдаются и в глаголах "шўшкаш", "малташ", "ливьрташ":

Многозначный по данным МРС

шўшкаш: 1) пахтать, сбивать, сбить (масло); 2) набивать, набить что-л., (наполнить); 3) заделывать, заделать что-л. (щели и т.п.); 4) заряжать, зарядить что-либо; 5) перен. разг. обжираться, обожраться.

малташ: 1) усыплять, усыпить кого-л.; пускать, пустить ночевать; разрешать, разрешить ночевать; 2) квасить, заквашивать, заквасить (молоко).

ливьрташ: 1) гнуть, сгибать; 2) теплеть, потеплеть (о погоде).

Омонимы по мнению автора

шўшкаш I - 1) набивать, набить, наполнить что-л. (бочку капустой); 2) перен. разг. обжираться, обожраться; 3) совать, всовывать, засовывать; 4) заделывать, заделать чем-л. что-л. (щели, двери и т.д.) 5) заряжать, зарядить (ружье) шўшкаш II - пахтать, сбивать, сбить (масло).

малташ I - 1) усыплять, усыпить кого-л.; малташ II - квасить, заквашивать, заквасить (молоко).

ливьрташ I - гнуть, сгибать; ливьрташ II - теплеть, потеплеть (о погоде).

И напротив, составители МРС увеличили количество омонимов в ущерб полисемии. Ср.:

Омонимы по данным МРС

шотлалташ I - I) числиться; 2) насчитываться.

шотлалташ II - считаться, признаваться.

тўкаш I - трогать, тронуть, затрагивать, затронуть.

тўкаш II - бодать, забодать.

рўзалташ I - I) тряхнуть; 2) стряхнуть; 3) отряхиваться, отряхнуться, встряхиваться, встряхнуться; 4) махнуть (рукой).

рўзалташ B II - полоскать, прополоскать (белье).

тўзаташ I - I) украшать, украсить, делать, сделать изящным, красивым; 2) благоуустраивать, благоустроить.

тўзаташ II - исправлять, исправить; выправлять, выправить.

Многозначность по мнению автора

шотлалташ - I) числиться; 2) насчитываться; 3) считаться, признаваться.

тўкаш - I) трогать, тронуть, затрагивать, затронуть; 2) бодать, забодать, боднуть.

рўзалташ - I) тряхнуть; 2) стряхнуть; 3) отряхиваться, отряхнуться; 4) махнуть (рукой); 5) диал. полоскать, прополоскать (белье).

тўзаташ - I) украшать, украсить, делать, сделать изящным, красивым; 2) благоуустраивать, благоустроить; 3) диал. исправлять, исправить (рубашку, самовар и т.д.).

Учитывая недостаточный уровень развития лексикологии и лексикографии прошлых лет, нам представляется возможным выяснение вопроса об отличии омонимов от полисемантических слов в марийском языке.

Известно, что омонимы - это слова, одинаковые по звучанию, с полным или частичным тождеством грамматических форм, значения которых не выводятся одно из другого на данном этапе развития языка. В этом главное отличие омонимов от полисемии, между значениями которой, как ее основной признак, существует семантическая связь. Для определения слов-омонимов, для того, чтобы избежать смешения их с полисемантическими словами, первым необходимым условием является исследование путей их возникновения. В марийском языке образование омонимов связано I) со словообразованием, формообразованием и словоизменением, т.е. с омонимичными аффиксами, способствующими появлению многочисленных омонимов. Например, словообразовательный суффикс имен существительных -ыш- и суффикс III лица единственного числа глаголов II спряжения прошедшего времени -ыш- образуют такие пары слов-омоформ, как алмаштыш 'смена, замена' - алмаштыш

'сменил (-а), заменил (-а)', вашталтыш 'изменение, перемена' - вашталтыш 'изменил (-а)', илыш 'жизнь' - илыш 'жил (-а)' и т.д.; 2) с заимствованием иноязычных слов: вараш 'ястреб' (фин. - угор.) - вараш 'мешать' (тюрк.), ий 'год' и ий 'лед' (фин. - угор.) - ий 'долото' (тюрк.); 3) с фонетическими процессами, результатом которых является совпадение первоначально разнo звучащих слов: шум 'сердце' - шум 'кора, скорлупа' в древнемарийском языке не были омонимами. Эти слова в других финноугорских языках различаются по звуковому составу, ср. фин. sydän 'сердце' - suomi 'чешуйка'; 4) слияние двух (потенциально возможно трех) слов в одно сложное слово подчинительного типа: пбрт ончыл 'место перед домом' - пбртончыл 'сени', ош удыр 'белокурая девушка, блондинка', ошудыр 'вторая золовка (сестра мужа) после старшей'; 5) с распадом многозначного слова.

Автор в настоящей статье останавливается лишь на рассмотрении вопроса возникновения омонимии в результате распада многозначного слова и нахождения критериев их разграничения на основе уже имеющихся исследований (Виноградов 1968; Будагов 1958; Якубовская 1976; Фалькович 1960; Мечковская 1978 и т.д.) и на результатах своих наблюдений на глагольном примере.

Ясно, что продуктивность многозначности как источника омонимии в классе глаголов значительно ниже, чем в классе существительных. Для слов действия и состояния более характерна полисемантность, а для имени существительного - пространенность омонимии, развивающаяся на основе многозначности.

Критерии установления границы между полисемией и омонимией по отдаленности значений слова, предлагаемые большинством лингвистов (Галкина-Федорук 1954; Шумилов 1956; Новиков 1982) и по восстановлению истории рассматриваемых слов, несомненно являются необходимым условием. Участники дискуссии в 1957 году основным критерием определения омонимии признали семантический критерий (Лексикографический сборник 1960). Но как показывает лексикографическая практика, смысловое отграничение порою ведет к субъективным толкованиям, когда дело касается омонимии, возникшей при распаде полисемии. "Поэтому необходим, кроме семантического, еще какой-то внешний признак, подтверждающий образование таких семантических омонимов в языке" (Фалькович 1960). К таким средствам распознавания, подтверждающим семантические критерии, отно-

сятся: а) отсутствие семантической связи между синонимами, подобранными к каждому омониму; б) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения; в) возрастание вероятности различия словообразовательных рядов (при частичном пересечении производных); г) синтаксические особенности (субъектно-объектное отношение, характер изменения субъекта действия, синтаксическая сочетаемость, локальность-нелокальность значения).

1. Семантическая независимость обычно выражается в том, что члены омонимичной пары входят в разные синонимические ряды. Если между синонимами, подобранными к разным значениям многозначного слова, прослеживается смысловая связь, то между синонимами членов омонимичной пары такой связи нет. Примеры: шұташ I - рончас 'развязывать, развязать; распускать, распустить, расплетать, расплести, распутывать, распутать, разматывать, размотать; развивать, развить; раскрутить что-л.' (ұппунемм шұташ 'распустить косу', мундырам шұташ 'распутать узел'), шұташ II - рожим ышташ 'сверлить, просверлить, долбить, продолбить; проточить; пробивать, пробить, проламывать, проломить, продырявить; прокалывать, проколоть; протыкать, проткнуть что-л.' (онам шұташ 'долбить доску'); шұраш I - йыгаш 'мазать, намазать' (киндеш ұйым шұраш 'мазать на хлеб масло'), шұраш II - тырмалаш 'бороновать, боронить' (пакчам шұраш 'боронить огород'); волташ I - кусараш (кұшмч ұлыкб) 'спускать, спустить' (пёрткокла гнч куршым волташ 'спустить с чердака кузов'), волташ II - опташ, темаш (кочкышым) 'накладывать, наложить (пищу)' (шұрым волташ 'накладывать суп').

2. Смысловая независимость между членами омонимичной пары проявляется в их фразеологическом окружении. Слова-омонимы, образованные в результате распада полисемантического слова, развивают свое фразеологическое окружение: кұзаш I - вуйыш құзаш 'ударить в голову', кұзаш II - мұйым құзаш 'брать, взять, выкачивать мед'; возаш I - ушеш возаш 'прийти на ум', чын корныш возаш 'стать на правильный путь', келге шонымашыш возаш 'погрузиться в глубокую думу'; возаш II - нийым возаш 'драть лыко', возаш III - ұйым возаш 'сбивать, сбить масло'; волташ I - кумылым волташ 'испортить настроение', волташ II - шокшо шұрым волташ 'накладывать горячий суп'.

3. Другим внешним проявлением различия между полисемией и омонимией слова является словообразование. Если для полисемантических единиц специфично совпадение словообразовательных рядов, то для глаголов-омонимов - возрастание вероятнос-

ти различия производных, т.е. один из глаголов, входящий в омонимичную пару, характеризуется широко развитым словообразованием (при частичном пересечении производных). Ср.:

<u>малаш I</u> 'спать'	<u>малаш II</u> 'свертываться, свернуться; створаживаться, створожиться'
<u>малыкташ</u> 'заставить спать'	---
<u>малташ</u> 'усыплять, усыпить'	<u>малташ</u> 'квасить, заквашивать, заквасить'
<u>малтымах</u> 'усыпление'	<u>малтымах</u> 'квашение'
<u>малыше</u> 'спящий /-ая/'	<u>малыше</u> 'створожившийся'
<u>малыме /вер/</u> 'спальня'	---
<u>малыдыме</u> 'не спящий'	---
<u>малымах</u> 'спанье'	---
<u>малышан</u> 'сонливый'	---
<u>малтыше</u> 'усыпляющий'	---
<u>малтыме</u> 'усыпленный'	<u>малтыме</u> 'заквашенный'
---	<u>малтыш</u> 'закваска'
<u>шұраш I</u> 'мазать, намазать'	<u>шұраш II</u> 'бороновать, борононить, взбороновать, взборононить'
<u>шұрымах</u> 'смазка, смазывание'	<u>шұрымах</u> 'боронование'
<u>шұрыкташ</u> 'просить, заставить мазать'	<u>шұрыкташ</u> 'заставить, просить бороновать'
<u>шұрыш</u> 'помазок /для скородки/'	---
<u>шұрышб</u> 'смазывающий'	<u>шұрышб</u> 'бороновальщик'
<u>шұрымб</u> 'намазанный'	<u>шұрымб</u> 'заборонованный'
<u>шұрымдымб</u> 'несмазанный'	<u>шұрымдымб</u> 'незборонованный'
<u>шұркалаш</u> 'смазывать'	---
<u>шұркалымах</u> 'смазывание'	---
<u>шұрышаш</u> 'предназначенный для смазки'	<u>шұрышаш</u> 'предназначенный для боронования'
---	<u>шұре</u> 'борона'

4. Различие глаголов-омонимов, обусловленных многозначностью, проявляется и в грамматике марийского языка: а) в субъектно-объектном отношении, т.е. в отношении подлежащего и прямого дополнения, устанавливаемые при посредстве сказуемого. Ср.: кўзаш I 'лезть, подниматься, подняться' - непрерыв.: Кече койын кўшкб кўза (Иванов 1971 : 195) 'Солнце заметно поднимается', кўзаш II 'брать, взять, выкачивать мед'

- перех.: Ахмат кугыза шуко мұқи ешми кучен, мұйымат шуко кұзен (Казаков 1979 : 50) 'Старик Ахмат содержал много пчелиных семей, и много брал меду'; возаш I 'лечь, ложиться' - неперех.: Тул тұреш возат, - йұлет, вұд тұреш возат - нбрет (Калык мут) 'К огню ляжешь - обгоришь, к воде ляжешь - промокнешь', возаш II 'ронять, уронить' перех.: Кид гыч возенат оксам, муын угыч ойгым (Микай 1920 : 7) 'Вронив деньги из рук, ты снова нашел себе горе', возаш III 'снимать, снять, сдирать, содрать (кору с дерева)' - перех.: Нийым возен, ик нумалтышым пидымат, каяш тарванышым (Мичурин-Азмекей 1955 : 36) 'Содрав лыко и связав одну вязанку, я собрался идти'; шокташ I 'слышаться' - неперех.: Леналан заводын мұғырымжб ок шокто. (Артамонов 1984 : 43) 'Лене не слышно гудение завода', шокташ II 'играть (на музыкальном инструменте)' - перех.: Марка гармонь дене куштимо мурым шокта (Арбан 1977 : 61) 'Марка играет на гармошке плясовую мелодию'; б) в характере субъекта действия. Один из членов омонимичной пары ограничивается в субъектах-носителях действия. Так, в глаголе шокташ 'слышаться' субъектом может быть только существительное, обозначающее какой-нибудь звук, а шокташ II 'играть на музыкальном инструменте' осуществляется лишь при субъекте-человеке; малаш I 'спать' реализуется при наличии одушевленного предмета, а малаш II 'свертываться, створжиться' - при неодушевленном субъекте, показывающем определенное вещество (кровь, молоко); в) в характере изменений синтаксической сочетаемости. При одинаковых формах синтаксической сочетаемости одно из слов имеет дополнительные возможности реализации: кұташ I кбм? мом? 'смотреть, высматривать кого? что?' - круг сочетаемости данного глагола широк (кином құташ 'смотреть кино', концерттым құташ 'смотреть концерт' и т.д.), кұташ II мом? 'пасти кого' - сочетается с существительным, обозначающим скот или домашнюю птицу (уш-калым құташ 'пасти коров', комбым құташ 'пасти гусей'); шұраш I мом? 'мазать, намазать что?' - имеет более широкие сочетательные возможности (ұйым шұраш 'намазать масло, кремим шұраш 'намазать крем'), чем шұраш II мом? 'бороновать, боронить что?', которое может сочетаться только с существительным, обозначающим вспаханную землю, подлежащей обработке бороной (пасум шұраш 'боронить поле'); г) один из членов омонимичной пары может выражать место или направление действия, тогда как другой не содержит такого локального значения: кұзааш I кушко? 'подниматься, подняться куда?' (кұшкб

'вверх', космосыш 'в космос'), күзаш II мом? 'брать, взять, выкачивать (мед)' – не имеет прямого локального значения; волташ I кушеч? 'спускать, спустить откуда?' (күшч 'сверху', сарай гыч 'из сарая' и т.д.), волташ II мом? 'накладывать, наложить (пищу)' – не содержит конкретного направительного значений (пучымшыш волташ 'накладывать кашу').

Таким образом, основными критериями дифференциации полисемии и омонимии глаголов являются: а) семантический критерий; б) история рассматриваемых слов; в) отсутствие семантической связи между синонимами, подобранными к каждому омониму; г) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения; д) возрастание вероятности различия словообразовательных рядов (при частичном пересечении производных); е) синтаксические особенности (субъектно-объектное отношение, характер изменения субъекта действия, синтаксическая сочетаемость, локальность-нелокальность значения).

Л и т е р а т у р а и с о к р а щ е н и я

А р б а н Н. 1977, Кенеш йүд, Йожкар-Ола; А р т а м о н о в Ю. 1984, Ача деке унала // Перкан кинде. Йожкар-Ола; Б у д а г о в Р. А. 1958, Введение в науку о языке, Москва; В и н о г р а д о в В. В. 1968, Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов, Москва; Г а л к и н а - Ф е д о р у к Е. М. 1954, К вопросу об омонимях в русском языке // Русский язык в школе. № 3; Дискуссия по вопросам омонимии // Лексикографический сборник, вып. 4. Москва, 1960; И в а н о в В. 1971, Шум ок мондо. Йожкар-Ола; К а з а к о в М., 1979, Онис кугызан ойлмышо // Эх, Изукшат, Йожкар-Ола; М е ч к о в с к а я Н. Б. 1978, Об условиях перерастания глагольной многозначности в омонимии // Русский язык в национальной школе. № 5; М и ч у р и н - А з м е к е й. 1955, Мирон кугызан ойлмышо // Чодырсе суан, Йожкар-Ола; Г е р а с к о в М. 1920. Рыскал. – Сескем-влак. Елабуга; М Р С = Марийско-русский словарь. Москва, 1956; Н о в и к о в Л. А. 1982, Семантика русского языка, Москва; Ф а л ь к о в и ч М. М. 1960, К вопросу об омонимии и полисемии // ВЯ. № 5; Ш у м и л о в Н. Ф. 1956, К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии // Русский язык в школе. № 3; Я к у б о в с к а я М. Д. 1976, Изменение морфолого-синтаксических признаков слова при переходе от полисемии к омонимии // Русский язык в школе. № 3.

Ludmila Barceva
(Tartu)

THE PROBLEM OF DISTINGUISHING BETWEEN POLYSEMY AND
HOMONYMY IN THE MARI LANGUAGE

S u m m a r y

The present article deals with the problems of the formation of homonymy as a result of splitting up polysemantic words, and finding criteria for defining them on the basis of existing studies, as well as on the basis of personal research into verbs.

The productivity of polysemy as a source for homonymy in verbs is lower than that in nouns. Words of action and state are characterized by polysemy whereas nouns are characterized by homonymy that has developed on the basis of polysemy.

Incontestably, the history of the words under discussion, and semantic criteria provide necessary conditions for distinguishing between polysemy and homonymy.

As the lexicographic experience shows, the meaning differences in words may lead to subjective debates over polysemy and homonymy. Therefore, there should be another, external characteristic corroborating the rise of semantic homonyms in the language.

The main criteria for differentiating between polysemy and homonymy in verbs are the following: a) semantic criteria; b) the history of words under discussion; c) the lack of semantic relations between synonyms selected for each homonym; d) the existence of a phraseologic environment for each member of the homonymic pair; e) the increase in the probability of differences in the word-forming lines (with partial overlapping of derivatives); f) syntactic peculiarities (relations between the subject and the object, nature of the change of the subject of the action, syntactic connexion, locality - non-locality of the meaning).

Э. Г. Б е к к е р

(Томск)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АККУЗАТИВА
В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ*

Известно, что основным морфологическим признаком селькупского аккузатива является формант $-ш$, т.е. общеуральское $-ш$ аккузатива, сохранившееся в неизменном состоянии в кетском диалекте, в верхнеобских говорах, $-ш$ позиционно чередующееся с $-р$ (среднеобские говоры, тымский, тазовский диалекты). В последних показатель $-ш$ возникает в позиции перед сонорными и гласными, аккузативное $-р$ - в исходе фразы и перед взрывными, с закреплением в любой позиции во многих случаях $-р$ -ового исхода в тымском диалекте: Ив. вогосʒо име kättimbat nūʒо-р - Дождь прибил траву; Нап. mat cūra-ш 'ia'p qatna'p - Я досох беру, стучу; Нап. mindel rogop ma'pidki't taine'nšte'Rt - Старые сети просматриваем осенью.

Поскольку появление показателя $-р$ аккузатива является, как замечает Ю. А. Морев, специфически селькупским развитием, и в связи с тем, что это развитие находится в противоречии с общей тенденцией динамики селькупской звуковой системы (естественно было бы ожидать переход $-р > -ш$, а не $-ш > -р$), Ю. А. Морев в статье "Отклонения от тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в селькупском языке" предлагает один из возможных способов системного объяснения процесса развития селькупских взрывных из носовых (Морев 1980 : 298-299). Придерживаясь дальнейшего хода развития данного исследования, можно, видимо, говорить о форманте $-ш$ аккузатива, как о показателе, позиционно чередующемся в селькупских диалектах (кроме кетского) с $-р$ и вновь с $-ш$, т.е. $-ш \sim -р \sim -ш$ (см.: Морев, 1980 : 298).

* Доклад, прочитанный на ХУП Всесоюзной финно-угорской конференции, проходившей в г. Ижевске в июне 1987 года.

Движущим фактором употребления аккузатива в селькупском языке является стремление к грамматической выделяемости прямого объекта независимо от статуса включенности его в сферу определенности или неопределенности на современном этапе (Беккер 1985 : 24). Селькупские материалы свидетельствуют о возможном употреблении формы аккузатива при первичном упоминании о предмете. Например: УО териа кВейаисат оqаринъ сомбил'е тото'м (акк.) qβetsadat - Они рыбачили, однажды пять карасей поймали. Грамматическая выделяемость прямого дополнения осуществляется в структуре приведенного предложения как на уровне аккузативной формы имени существительного, так и на уровне глагольной формы: последняя представлена объектным типом спряжения. Однако, при первичном упоминании о предмете используется также основной падеж: УО аqqо/л тазаргу qβennat сомбил'е тото (осн. п.) оrranadiт - Они опять рыбачить пошли, пять карасей поймали. Грамматическую выделяемость объекта берет на себя в данном случае глагольная форма объектного типа спряжения. Для селькупского аккузатива доминирующей, однако, является сфера определенности, в то время как сфера неопределенности объекта - область основного падежа безличного типа склонения (см.: Беккер 1978 : 45-50; Беккер 1985 : 22). Б. Викман замечает, что только два языка из четырнадцати уральских языков (хантыйский, венгерский) не обнаруживают следов -ш аккузатива (Wickman 1955 : 145).

Историю формирования показателя -ш аккузатива в уральских языках одни исследователи связывают с энклитическим суффиксом I л. ед. числа *ш, восходящим к притяжательному суффиксу (Sebestyén 1970 : 164), другие - с выделительной частицей, с местоименным корнем шу, который в плане пространственного восприятия указывает на более близко находящийся предмет (Serebrennikov 1973 : 71; Серебренников 1974 : 349). Именно местоименный корень ш способствовал, по мнению Б. А. Серебренникова, развитию -ш аккузатива, поскольку функция последнего состоит в том, чтобы показать отношение между действием и объектом (Serebrennikov 1973: 71; подробнее см.: ОФУЯ 1974 : 245-246). Между тем в южных диалектах селькуп-

ского языка¹ наблюдается процесс развития $-n$ -овых форм для выражения прямого дополнения², форм аналогичных генитивным на $-n$: Ласк. mi paɾaɪ okəɾsəɪ qəβɾi-n - Мы двое носили одинаковый платок; НС ... а sen lɔːnt penquəːti tˈaɟuːm βɾɪa-n - А под гроб кладут двое толстые бревна.

Аналогичное развитие получают лично-притяжательные формы accusativa: Нельм. to:lmaːtʰe qβəndiD ne-n-De - (возможно также: nɛ-m-də) amɔm qɪp - В комнату привел свою ночь царь; ʃiβka-n-d (возможно также: ʃiβka-m-d) ai xəɾeːnniD - Сивку свою запрягает он; Пуд. ʒe tʰitʰ tabond olo-n-də xə-ɾelbat - Ича голову-свою под кедр затолкал.

В большинстве случаев accusativus на $-n$ разделяет функциональную сферу accusativa на $-m$, $-m \sim -p$, не поддающуюся осмыслению через призму личного притяжания "мой". Accusativusные формы на $-n$ обладают при этом особым оттенком информативности: неопределенности, соотнесенности с каким-то лицом, предметом. Редкие формы на $-n$ в функции прямого дополнения, употребляемые в сфере $-m$ -ового accusativa, просматриваемой через призму личного притяжания "мой", абстрагируются в своем осмыслении до уровня широких обобщений: ʒo ʃap assiː taɾ-tam qəɾa-n βəttˈondə - Я не меняю рыбу (вообще) на мясо.

Поскольку указанные выше безличные и лично-притяжательные формы accusativa на $-n$ внешне адекватны генитивным на $-n$ (безличный генитив) и $-nd(V)$ (лично-притяжательный генитив), возникает вопрос, не являются ли они генитивными, выступающими в функции прямого дополнения как следствие глагольной потенции? Ответ может быть только отрицательным, если принять во внимание, что однотипные глаголы, т.е. глаголы идентичной семантики взаимодействуют с объектом, выраженным также accusativom на $-m$, $-m \sim -p$ в пределах одного и того же говора, диалекта: Мум. ʃaʒeːd oneːnʒeRənd ʃai-p - Отрежь себе хлеба!; (Чая д.) Квогырни начь корать олм-н-дъ мачить, квольджить поннить - Распарывает осетру брюхо, режет голову-

¹ Северный (тазовский) диалект свободен от развития accusativusных форм на $-n$. Во всяком случае, ни в работах Г. Н. Прокофьева, ни в "Очерках по селькупскому языку (тазовский диалект)" А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского, Е. В. Грушкиной (1980) нет упоминаний о наличии $-n$ -овых форм в функции прямого дополнения. Видимо, это южноселькупская инновация, имеющая, между тем, солидный возраст, поскольку последние представлены и в материалах Г. П. Григоровского (1879): То-пы-к-ть моллае piumbanʹ - Запутал он (журавль) ноги-свои в хворосте (с. 45).

² Последние квалифицируются нами как формы accusativa на $-n$, а показатель $-n$ - accusativusным.

его, кладет в котел; *JO innezat t'arat me nar metçot paçama-
Bat matçençot* - Братья говорят: "Мы также сделаем, наших жен
зарежем" (из сказки); Марк. *çimMa tarçadat taBaukon loçqaç*
koBa-ç taraqte - Люди меняли раньше лисьи рукавицы на табак
(здесь же: Марк. *man qBala-ç tartam Bättonde* - Я поменяю ры-
бу на мясо).

Кроме того, $-ç$ -овым формам, выступающим в функции прямо-
мого дополнения, не свойственна система позиционного чередо-
вания $-ç \sim -t$, характеризующая селькупский генитив, что го-
ворит о сравнительно позднем явлении употребления $-ç$ -овых
форм в функции прямого дополнения.

Вопрос развития форм аккузатива на $-ç$ в селькупском языке
привлекал и ранее внимание исследователей. Имеются предполо-
жения относительно их возникновения. Последние высказаны Б.
Викманом и А. Йоки и обобщены А. Кюннапом в его первом томе
монографии. Они заключаются в следующем: Б. Викман склонен
квалифицировать появление форманта $-ç$ вместо ожидаемого $-ç$
аккузатива как проявление диалектных черт, в то время как
А. Йоки видит разные пути решения этого вопроса. Он полага-
ет, что следовало бы брать в расчет действие аналогии форм
основ на $-ç$, заблуждение информантов или записывающих, не-
достающую устойчивость грамматических категорий в естествен-
но функционирующем языке (Künnap 1971 : 68). Окончательное
решение этого вопроса остается открытым, замечает А. Кюннап
(Künnap 1971 : 68).

Обращение к полевым материалам по южноселькупскому аре-
алу позволяет удостовериться в том, что $-ç$ -овые формы в
функции прямого дополнения находят свое отражение в записях
многих исследователей у представителей различных диалектных
и говорных групп. Последнее исключает предположения, пред-
ставленные выше о допустимых путях их возникновения. Однако
сфера употребления $-ç$ -овых форм в функции прямого допол-
нения, их информативность, связанная со статусом неопределен-
ности/соотнесенности, подкрепляет мнение о влиянии $-ç$ -овых
форм, аналогичных генитивным на $-ç$ исторически широкой при-
тяжательно-соотносительной семантики, универсальных в связи
с этим по своим функциональным возможностям (см.: Беккер
1983 : II-25).

Учитывая данную исторически сложившуюся и складывающую-
ся языковую ситуацию в селькупском языке, мы вправе гово-
рить о тенденции замены $-ç$ -ового показателя аккузатива $-ç$ -
овым, аналогичным генитивному, в южных диалектах селькуп-

ского языка. Не исключается при этом возможность перехода показателя $-ш > -п$ в результате ослабления артикуляционной напряженности, свойственного, хотя и не в одинаковой степени, звуковым системам всех диалектов и говоров селькупского языка на современном этапе его функционирования (см.: Морев 1980 : 294), тем более, что развитие $-п$ -овых форм распространяется и на глагольные структуры I л. ед. ч. объектного типа спряжения, личный суффикс которого ($-ш$), надо полагать, восходит к тому же источнику, что и показатель $-ш$ аккузатива у имени существительного (см.: ОФУЯ, 1974 : 321; ср. там же: 244-246): Ласк. mat aʔeʔeq pōr paʔelʒa-n (вместо ожидаемой формы: paʔelʒa-ш) - Я матери своей дров наколod. В ряде случаев допускается переход назального $-ш > -п$ на ассимилятивной основе: Нап. mat quɫɪp qott'e quɫɪna-n (вместо ожидаемой формы: quɫɪna-ш) - Я много рыбы добыл.

Во всех случаях употребления $-п$ -ового аккузатива грамматическая выделяемость прямого дополнения осуществляется на уровне селькупского предложения: в частности, рамками морфологической структуры глагола (показателем объектного типа спряжения, либо внутривглагольным суффиксом переходности, либо тем и другим в совокупности), с одной стороны, его семантической наполненностью, с другой (см.: Беккер 1985 : 25).

В истории финно-угорских языков также отмечен факт трансформации показателя $-ш$ аккузатива в $-п$, в показатель, аналогичный генитивному, как свершившийся факт, а не процесс в настоящем. Последнее касается прежде всего прибалтийско-финских (Лаанест 1975 : 55) и мордовских языков (Цыганкин 1977 : 45-46), при этом переход $-ш > -п$ объясняется звукозаменением $-ш > -п$ в конце слова. В прибалтийско-финских языках трансформации подвергся также глагольный показатель I л. ед. числа $-ш$. Он также перешел в конце слова в $-п$ (ОФУЯ 1974 : 322-323).

Явление замены аккузативного $-ш$ аккузативом $-п$, показателем, аналогичным генитивному, отмечает П. Саммаллахти в лесном наречии ненецкого языка: kãnd'ãna 'arɪm ~ 'arɪp d'ã-tãpãtãš - Охотник застрелил медведя. Первичным является показатель $-ш$, вторичным, вернее, производным - показатель, аналогичный генитивному (Sammallahti 1974 : 36).

В истории развития языков в их словоизменительном аспекте переходы $ш > п$ не редки (Tauli 1966 : 68; Серебрянников 1974а : 73-74; Moskalskaja 1977 и др.).

В селькупских диалектах встречаются формы в функциях

прямого дополнения с исходом на $-i/-l(-l')$ (см.: Беккер 1978 : 4I). Показатели $-i/-l(-l')$ присоединяются к формам имен существительных, стоящих I) в ед. числе, 2) во мн. числе, и к существительным собирательной семантики. Диалектально они распределяются следующим образом: $-i$ - характеризует кетский диалект, верхнеобские, иванкинский говоры; вариант $-l$ - типичен для тымского, газовского диалектов, среднеобских говоров: Ласк. $ogo't mat merk\beta ak \underline{q\bar{a}ri-l}$ (наряду с $q\bar{a}r-l\bar{a}-p$) - Раньше я делал морды; Изв. $nade'k po-i \underline{pa'detta: okk\bar{i}r por pad'annat}$ - Девушка дрова рубит, одно дерево разрубил; смрзе $tab\bar{z} po-i \underline{tuntal}$ - На коровах он возил дрова (см.: Григоровский 1879 : 29); НС $man nat'en jezaq \underline{uatla-i aurgaq}$ - Я там была, мясо ела; УО $pe\bar{y}um \underline{ra\bar{a}ska'jam\bar{s}i\bar{c}i\bar{c} qa:i\bar{l}a'-i t\bar{o}yan}$ - Женщина полощет белье в озере; Воль. $amba po-l \underline{ma\bar{z}egu q\bar{u}enbit mi\bar{z}nut q\bar{u}endikuk}$ - Мать дрова рубить пойдет, нас с собой берет; таз. $poqqi-l \underline{u\bar{s}a}$ - Он делает сети. Хартмут Катц рассматривает формант $-i$ как до сих пор не выявленное селькупское соответствие прасамодийского и прауральского суффикса мн. числа аккузатива $*j$ (Katz 1979 : 173, 176). Показателем винительного падежа мн. числа в немецком языке также некогда был суффикс $-j$, сохраняющийся в нгансанском: нган. $t\bar{a}i$ - оленей многих (Терещенко 1973 : 174; 1979 : 80).

А. Кюннап считает аккузатив мн. числа абсолютного склонения на $*-j(V)$ в северносамодийских языках дефективным аккузативом, так как у него нет падежного окончания (Кюннап 1974 : II5). Аккузатив существительных на $-i/-l(-l')$ в селькупском языке также лишен привычного для нас падежного форманта $-ш$, $-ш \sim -р$, однако сама форма на $-i/-l(-l')$ символизирует аккузатив, поскольку она выступает в функции прямого дополнения и никогда не встречается в функции подлежащего. Кроме того, $-i/-l(-l')$, присоединяясь к селькупскому показателю мн. числа, абстрагируется в своем употреблении до уровня падежного признака, ср.: СтС $\beta\bar{e}ra pot\bar{z}r\bar{e}gu as \underline{q\bar{i}gan po:q\bar{q}i-l\bar{a}-i}$ - Вера не хочет ставить сети. Между тем, автор "Очерков по селькупскому языку (тазовский диалект)" рассматривает формант на $-l$ в функции прямого дополнения адъективными формами существительных, мотивируя это тем, что некоторые глаголы требуют постановки прямого дополнения в адъективной форме, ср.: $w\bar{e}rqu \underline{tim\bar{n}aty narapol' mir\bar{s}ytta}$ - Старший брат хорей строгаёт (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 385 и далее).

Морфологическим признаком винительного падежа в селькупском языке является также показатель *-t*. Формант *-t* восходит к детерминативному элементу *t(tV)*, основной содержательной функцией которого является указание на определенность предмета (указательность), ср.: *пайпа qude'tna пагорд-t пагдбат* - Сестра Екатерина письмо написала. Его детерминирующая сущность легко ощущается во многих случаях и только в редких он абстрагируется до формантного показателя.

Прилеп *-t* характеризует аккузатив в венгерском языке. Данный формант утвердился в указанном языке прежде всего в функции прауральского аккузативного **-ш* который обозначал только определенный объект. Впоследствии *-t* обобщился как формант любого прямого дополнения, выражающего как определенный, так и неопределенный объект (Майтжнская 1979 : 103).

Интерес в этом плане представляют также некоторые говоры эрзя мордовского языка (см.: Ермушкин 1979 : 29), в которых отличительной чертой аккузатива при выражении определенного объекта является наличие показателя *-t'* у глагола объектного спряжения. Последний управляет формой аккузатива указательного склонения. Показатель *-t* появляется и в аккузативе имени для конкретизации определенного предмета.

Из вышеизложенного становится очевидным, что морфология винительного падежа в диалектах селькупского языка проявляет признаки, присущие аккузативу других самодийских и финно-угорских языков.

С о к р а щ е н и я

Ласк. = н.п. Ласкино на р. Обь; Марк. = н.п. Марково на р. Кеть; Мум. = н.п. Мумышего на р. Обь; Нап. = н.п. Напас на р. Тым; Нельм. = н.п. Нельмач на р. Парабель; НС = н.п. Новосондрово на р. Обь; Пуд. = н.п. Пудино (Томская область).

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Б е к к е р Э.Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск; 1983, Структурно-морфологическая характеристика показателей падежей пространственно-временной ориентации в южноселькупских диалектах // Вопросы енисейского и самодийского языкознания, Томск. С. II-25; 1985, Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук, М.; Г р и г о р о в с к и й Г.П. 1879, Албука сиссогой гулани,

Казань; Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкينا Е.В. 1980, Очерки по селькупскому языку, М.; Лаанест А. 1975, Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания, М. С. 5-122; Морев Ю.А. 1980, Отклонения от тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в селькупском языке // ОФУ. № 4. С. 294-300; ОФУЯ - Основы финно-угорского языкознания. М., 1974; Серебренников Б.А. 1974, О двух способах выражения прямого объекта действия в уральских языках // АЛН, XXIV. S. 347-350; 1974а, Вероятностные обоснования в компаративистике, М.; Терещенко Н.М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Л.; 1979, Нганасанский язык, Л.; Цыганкин Д.В. 1977, Грамматические категории имени существительного в диалектах зряя-мордовского языка, Саранск; Katz H. 1979, Beitrag zur Lösung des Problems der Entwicklung von ursam. *j im Selkupischen und der hiermit zusammenhängenden Fragen der historischen Morphologie dieser Sprache und des Uralischen // ОФУ. № 3. S. 168-176; Moskalva O. I. 1977, Deutsche Sprachgeschichte, М.; Sammallahti P. 1974, Material from Forest Nenets, Helsinki; N. - Sebestyen I. 1970, Zur juraksamjedischen Konjugation. Sonderabdruck aus den finnisch-ugrischen Forschungen XXXVIII, Helsinki. S. 137-225; Серебренников Б.А. Структурные признаки пруралической Grundsprache // Ural-Altäische Jahrbücher. Band 45, Wiesbaden. S. 65-79; Tauli V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, The Hague / Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 17; Wickman B. 1955, The Form of the Object in the Uralic Languages, Uppsala.

E. G. B e k k e r
(Tomsk)

DER MORPHOLOGISCHE ASPEKT DES SELKUPISCHEN AKKUSATIVS

Z u s a m m e n f a s s u n g

In dem Artikel werden die morphologischen Elemente behandelt, die als Merkmal des Akkusativs im Selkupischen auftreten. Es handelt sich um das gemeinuralische -m, welches sich unverändert nur im ketischen Dialekt erhalten hat, sonst wechselt es positionell mit -p, das -p wechselt seinerseits wieder mit -m.

Verbreitet ist daneben der Prozeß des Übergangs der Kasusflexion -m zu -n in den südselkupischen Dialekten. Dieser Prozeß ist noch nicht vollendet. Daraufhin weisen die zahlreichen Gebilde auf -m, die neben den -n-Formen existieren.

Es wird das selkupische Suffix -i/-l des Akkusativs Plural erwähnt, das als eine Entsprechung des protosamojedischen und protouralischen Pluralsuffixes *i des Akkusativs betrachtet wird.

Man spricht im Artikel über das determinative Element t (tV), welches sich als Flexion des Akkusativs im Entstehen erweist.

Es wird unterstrichen, daß die morphologischen Merkmale des selkupischen Akkusativs dieselben sind, die des Akkusativs anderer samojedischen und finno-ugrischen Sprachen.

MODAALVERBIDEST VADJA KEELES

Peale propositsioonilise tähenduse on lausel ka modaalne tähendus. Modaalasuse kategooria küsimusi pole lingvistid siiani suutnud üheselt lahendada. Puudub ühine arvamus modaalasuse ja predikatiivsuse, lause modaalse ja ekspressiiv-emotsionaalse tähenduse ning modaalasuse ja negatsiooni vahelistes suhetes. Püüde laiendada modaalasuse kategooria piire on viinud selleni, et modaalasuse hulka on lülitatud vastandamised tunnuse jaatav-eitav alusel ja erinevad emotsionaal-ekspressiivsed varjundid.

Tänapäeval on kombeks jälgida kahte tüüpi modaalasid tähendusi. Igal lausel on objektiivne modaalne tähendus, mis väljendab edasiantava suhet tegelikkusega (võimalikkus, tõenäolisus). Subjektiivne modaalasus väljendab kõneleja suhtumist öeldusse selle tõepärasuse plaanis ja pole iseloomulik igale lausele. Objektiivne ja subjektiivne modaalasus on modaalasuse kaks aspekti, mis täiendavad üksteist ja on omavahel seotud. Subjektiivse modaalasuse edasiandmiseks on mitmeid keelelisi vahendeid - intonatsioon, spetsiaalne süntaktiline tarind, sõnajärjekord, sõnakordus, modaalasõna jne. Subjektiivne modaalasus avaldub modaalverbide ja modaaladverbide kaudu. Modaalsete verbide eriliike vaadeldakse tavaliselt mõtteliste kategooriate kaupa. Nad väljendavad kohustuslikkust, moraalset kohustust, võimalikkust, tõenäosust, veendumust. Selline modaalsete tähenduste mitmekülgrus võib olla põhjendatud sellega, et meie teadvuses peegelduva tegelikkuse "lõik" (denotaat) esineb mitte kui materiaalne vaid kui ideaalne, abstraktne objekt. Subjektiiv-modaalsete suhete korral on selliseks ideaalseks objektiks need modaalverbide tähendused, mis annavad lausele veendumuse/mitteveendumuse tähenduse.

Modaalverbi sisaldava lause semantilis-süntaktiliseks omapäraks on asjaolu, et verbid, mis kannavad peamist süntaktilis-semantilist koormust, on alistatud modaalverbidele.

Modaalverbid valitsevad põhiverbi ja ei tähista ise tegevust, protsessi ega seisundit vaid selle potentsiaalsust. Alistatud verb omandab infinitiivi vormi. Modaalverbi ja põhiverbi vahelisi suhteid iseloomustab kahakordne valitsemine: potentsiaalset tegevust väljendav verb valitseb aktuaalset tegevust väljendava verbi üle, aga see omakorda on alistanud objekti. Seega sisaldab predikaat kahte verbi, mis pole süntaktiliselt võrdsed, kuna nad ei või omavahel vahetada kohti (1982 : 25 jj.).

Eesti süntaksis on olnud kombeks pidada modaalverbideks verbe võima, tohtima, tarvis olema, vaja olema, pidama (Välgma, Rimmel 1968 : 114). H. Rätsep esitab modaalverbide eristamiseks süntaktilis-morfoloogilised kriteeriumid: 1) modaalverbid ei selekteeri subjekti, 2) neist ei saa moodustada tegijanime, 3) neid ei saa asetada infinitiivi mõne teise infinitiivi nõudva verbi järel. Selliselt iseloomustatud verbideks on võima, pidama, näima, paistma, tunduma. Need viis verbi nõuavad vaid aktuaalse tähendusega verbilt infinitiivi vormi ja esinevad selle verbi poolt tingitud lausemailiga. H. Rätsepa järgi pole verb tuleb ühepöördeiselt kasutatuna modaalverb, kuna ta tingib kindla lausemalli N + ad VM V + da, mis keelab aluse olemasolu ja eeldab alati elusat tegevussubjekti (Rätsep 1978 : 36 jj.).

Soome süntaksikäsitluses on märgata kahesugust modaalverbide liigitust. P. Siro ja A. Penttilä modaalverbide määratlus on süntaktiline. Need uurijad loevad modaalseks verbe, mis saavad põhilause verbiga samasubjektilise infinitiivobjekti (Penttilä 1963 : 620; Siro 1964 : 89 jj; Siro 1984 : 130). Nii kuuluvad P. Siro arvates modaalsete verbide hulka ka nn. aja-dimensiooni verbid ehtii, ennättää, kerklää, joutaa 'jõuab'; julgemisverbid kehtaa, ilkeää, julkeaa, tohtii 'söandab'; tunde verbid hennoo, raskii 'raatsib' jne. (Siro 1984 : 131). Seega peetakse modaalseteks laia sekundaarset verbilaiendit nõudvat verbide rühma. P. Siro määratleb modaalverbid ka sisuliselt: modaalverb näitab subjektde-notaadi suhtumist kõnes olevasse, see tähendab, et "tavalise lause" subjekti ja predikaadi vahele tuleb võimalikkust, kartmist, algamist jne. väljendav verb ja endine predikaatverb siirdub uue lause infinitiivobjekti rolli (Siro 1964 : 90 jj.).

Teised Soome uurijad vaatlevad modaalverbi kategooriat kitsamalt. Nende käsitlus tuleneb modaalloogikast (Enkvist 1975) ja toetub verbi semantilistele omadustele. **Modaalse-**

teks peetakse vaid neid verbe, mille tähendus väljendab kas episteemset või deontilist vältimatust või võimalikkust (Hakulinen, Karlsson 1979 : 232; Matihaldi 1979 : 103 jj.). Eesti süntaksis on sellisest seisukohast lähtudes käsitletud modaalverbe E. Uuspõld (1985 a, 1985 b).

Modaalverbid on sageli paljutähenduslikud. Neil võib olla propositsionaalne tähendus ja sõltuvalt kontekstist nii episteemne kui ka deontiline tähendus. Näiteks on vadja verbidel ved'd'a 'võida', sävva 'võida' kaks modaalset tähendust. Nad võivad väljendada episteemset võimalikkust: ühz rihi veib ulla annettu rentil J 'üks maja võib olla antud rendile'; kaneit semeneit säp süvvä J 'neid seemneid saab süüa' tähenduses 'neid seemneid on võimalik süüa'. Samuti võivad need modaalverbid väljendada deontilist lubatavust: ühz rihi veib ulla annettu rentil J 'üks maja võib olla antud (on lubatud anda) rendile', kaneit semeneit säp süvvä J 'neid seemneid tohib süüa'.

Episteemset modaalset väljendavad verbid

Episteemsed on oma modaalsetel verbid, mille tähendus väljendab eksplitsiitselt kõneleja subjektiivset arvamust propositsiooni tõesusest, tõenäolisusest, võimalikkusest või tõevastasusest, eriti seda, kas kõneleja teab või arvab selle olevat tõsi või mittetõsi, peab seda kindlaks või ebatõenäoliseks (Hakulinen, Karlsson 1979 : 263). Eesti keeles väljendavad episteemset võimalikkust ja tõenäolisust verbid võida, pidada, anda, kipputa, harva ka saada (Uuspõld 1985a). Soome keeles on episteemse modaalsete tähendus verbidel mah-taa, saattaa, taittaa, voida (Matihaldi 1979 : 105 jj.). Vadjaa keeles kasutatakse tähenduses, et miski on kõneleja arvates võimalik ja tõenäoline täisparadigmalisi verbe sävva, ved'd'a ja ühepöördelistes tarindites verbi piäB 'peab'.

Võimalikkuse tähenduses esinevad verbid ved'd'a ja sävva grammatilist subjekti sisaldavates tarindites, lausemal-liga N + nom MV V + da, kus sekundaarverb väljendab subjekti tegevust, protsessi või seisundit: em veib elä J 'ma ei või elada', no tšen veip pittä pulmita, se piäB M 'no kes võib pulmi pidada, see peab', päiv veib lev tsülm J 'päev võib tulla külm', lahz veip heittua J 'laps võib ehmata'.

Kui ved'd'a tarvituses on ülekaalus deontilise lubatavuse tähendus, siis modaalverbil sävva on sagedasem episteemne kasutus, sävva esineb elus denotaati tähistava subjektiga: N + nom MV V + da: tē pällä et säg nitä essäg Itš

'tee peal sa ei saa neid osta', miä õkazin, nüt sām mennä J 'ma puhkasin, nüüd saan minna', miä en sã magata Luu 'ma ei saa magada'. Ka geneerne kasutus on tavaline. Sekundaarverb väljendab sellisel juhul tegevust: kase sēmene ittãB, sãp tšũlvã M 'see seeme idaneb, võib külvata', keik sgvat sãb ahassa Lii 'kõik riided võib kitsaks teha'.

Besti keeles esineb pidama-verb episteemse võimalikkuse tähenduses indikatiivi imperfekti ja konditsionaali vormidas (Uuspõld 1985a). Vadja keeles kasutatakse verbi piãB 'on võimalik' episteemse tõenäosuse väljendamiseks küllaltki harva. Sel juhul väljendab subjekt denotaati ja on grammatiliseks subjektiks (kui piãB väljendab deontilist kohustust, on modaalsussubjekt alati genitiivis või adessiivis): tormi piãp tulla J 'torm peaks tulema (kisub tormile), se piãb ni ulla J 'see peab (peaks) nii olema'.

Samad modaalverbid võivad esineda ka geneersetes subjektita lausetes, MV V + da: meijẽ mettsãz veib vassat kar-rue J 'meie metsas võib karu vastu tulla', siel veib uppossã J 'seal võib uppuda', veib alkã kaivoa mãmuna J 'voib haka-ta kartulit võtma'.

Deontilist modaalsust väljendavad verbid

Deontilise modaalsuse kategooria verbid väljendavad kohustust, lubatavust ja vajalikkust. Deontilise modaalsuse skaala on lubamise ja kohustuse modaalsus (võimalikkusest vältimatuseni). Võimalus või kohustus puudutab inimeste te-gusid (Hakulinen, Karlsson 1979 : 263).

Vadja keeles väljendab deontilist kohustust ühepöörde-lises kasutuses verb piãB (lausemall N + gen või N + ad MV V + da), lubatavust verbid tehtia 'tohtida' (N + nom MV V + da), sõviB 'kõlbab' (MV V + da), sõnnũB 'sobib, sõnnib' (N + ad MV V + da), keipãB 'kõlbab' (N + ad MV V + da), sãvva 'võida' (N + nom MV V + da), ved'd'a 'võida' (N + nom MV V + da); vajalikkust verbid on tarviZ 'on tarvis' (N + ad MV V + da), eB (h)õli 'pole tarvis' (N + ad MV V + da), kehtãB 'ta-sub' (MV V + da), eb norovoita 'ei tasu' (MV V + da), tark-kahuB 'tasub' (MV V + da), mahzaB 'maksab, tasub' (N + ad MV V + da), tahtẽa 'tahta' (N + nom MV V + da), taht(a)ub 'tahta, on tahtmine' (N + ad MV V + da), hetkißã 'tahta' (N + nom MV V + da), piãB 'on vaja' (N + ad MV V + da).

Enamik eeltoodud verbidest on modaalses tähenduses ühe-pöördelised ja neid iseloomustab lausemall N + ad MV V + da (piãB, sõviB, sõnnũB, keipãB, on tarviZ, ep (h)õli, mahzaB,

tahtauB).

Sageli puudub modaalsussubjekt üldse, MV V + da: soviB, kehtāB, eb narovoita, tarkkahuB, piāB. Adessivi kujul on modaalsussubjekt juurdemõeldav.

Harvem esineb modaalsussubjekt grammatilise subjektina, N + nom VM V + da: tehtia, sävva, ved'd'a, tahtga, hetkissā.

Ainult verbi piāB puhul võib modaalsussubjekt olla genitiivis, N + gen MV V + da.

Deontilise modaalsuse subjekt on eesmärgipäraselt tegevuse isik, keda kohustatakse, lubatakse, keelatakse või kes tunnetab oma tegevuse vajalikkust või mittevajalikkust.

piāB 'on vaja' väljendab deontilist kohustust; tū piāb ella valmiZ J 'töö peab olema valmis', miI piāp tū ella tehtū valmiZ J 'mul peab töö olema valmis tehtud' - samas lauses võib modaalsussubjekt olla eksplitsiitselt väljendamata.

Eitavas lauses väljendab modaalverb piāB ka deontilist lubatavust: mitā siā siāl ahņesaD, ep piā ahņesā Luu 'mis sa seal ahņitsed, ei ole vaja ahņitseda'. Viimane tarvitus on ainuvõimalik siis, kui modaalverbi ei laienda aktuaalset tegevust väljendava verbi infinitiivivorm, so. kui predikaat on täistähenduslik: miI piāb oluē Pum 'mul on vaja õlut'.

Nii nagu kõigil modaalverbidel, on ka sellel deontilist modaalsust väljendaval verbil kalduvus esineda geneereses lauses: piāp tšebjettā vikastē lūsi M 'tuleb vikati lūsi kergemaks teha', kanasilmad on, piāb litsipā kattsoa Luu 'kanasilmad on (on lühinägelik), peab lähemalt vaatama', taitšina piāp setkoa Luu 'taigent tuleb sõtkuda'.

sāvva ja ved'd'a verbid esinevad sageli lubatavuse tähenduses. sāvva on enamtarvitatav. Tavaline on elus modaalsussubjektiga või geneerne tarvitus: herra sai talupoigākā teha, mitā tahto Lem 'herra võis talupojaga teha, mida tahtis', tāl ep sā pelettā J 'ta ei tohi suitsetada', mehil ep sā itķea J 'mehed ei tohi nutta', tāl eb vej mennā, tāl eb ē propuskā J 'ta ei tohi minna, tal ei ole luba', veipko teile tulla? J 'kas teile võib tulla?'.

Sobimise, kõlbamise tähenduses on kõige enam tarvitusel verb ķelpāB: milla ķelpāp se t'süttō naizessi ottā Kuk 'mul kõlbab see tüdruk naiseks võtta', ķelpab millā se t'sū itaeI teha Kuk 'sobib mul seda tööd endal teha', leipā ep ķelpāG antāG i gūnā ep ķelpāG antāG Itš 'leiba ei sobi anda ja kartulit ei sobi anda'. sūnnuB ja soviB on modaalsetes tarvitustes vähemproduktiivsed: kānnī sovib ellā Luu 'nii sobib elada',

täl sīn eb sūnnū eilla Pont 'tal ei sobi siin olla'.

Vajalikkust väljendavate verbide hulgast on kõige enam tarvitusei on tarviZ: miI on tarviZ eSSā uvvet sāppād J 'mul on tarvis osta uued saapad', tarviZ on lukka palI o Luu 'tarvis on palju lugeda', oikea jalka tarviZ enstā kengettä Kuk 'parem jalg on vaja esiteks kängitseda' - esineb nii ge-neeriset kui ka modaalsussubjektiga tarvitamist (N + ad). Sama tähendusega on adessiivis modaalsussubjektiga kasutatav piāB 'on vaja': lapziI piāp külletaG iSSā i emmä Itš 'lastel on vaja kuulata isa ja ema', miI piāB leZZia tilaZ Luu 'ma pean voodis lamama' jt. hōlia 'vaja olla': siI ep hōli pe-tellā J 'sul ei maksa valetada', ep hōli milla mahsā hānes-sā Kuk 'mul ei tasu selle eest maksta', hōlipko sinne men-nā? Lii 'kas sinna on vaja (tasub) minna?', ep hōli van-pilla ävetā M 'vanematel ei tasu häbeneda', üva on, eb oli skoulū mennā Luu 'hea on, ei ole vaja kooli minna'.

Veidi teise tähendusvarjundiga (hinnanguline) on verbid kehtāB, naravoitaB, tarkkahuB ja mahzaB 'tasub': mahzab-li mennā mettsā J 'kas maksab minna metsa?', neillä sēmenillä eb mahza pilata māta M 'nende seemnetega ei maksa rikkuda maad', eb mahza kasta tūt teha J 'ei maksa seda tööd teha'; kehtāpko tāmākā pajattā? Luu 'kas temaga maksab rääkida?', eb naravoita mettsā mennā Kat 'ei tasu metsa minna', tarkkahub mennā sinne vai ep tarkkahu? J 'kas tasub sinna minna vōi ei tasu?':

Tahtmise tähendusega verbid eeldavad elus nominatiivis subjektidenotaati, tavalisim on verb tahtea: miā tahan neisa lāsima J 'ma tahan haigeks jääda', mia tātā tahan niska pan-na J 'tahan talle vastu kaela anda', karjušsi tahte jumalā lüvvā M 'karjus tahtis jumalat lüüa'. Samatähenduslik lek-seem tahtussa ~ tahtoutua ~ tahtussaG esineb vaid ühepöörde-lisena ja modaalsussubjekt on adessiivis: miI ep tahtuiZ men-nā kottō Kuk 'ma ei tahaks minna koju', süvvā tahtup tē Kuk 'jälle on isu (tahaks süüa)', a vet' i levātā tahtauB I 'aga tahaks ju puhata ka '. Sama malliga on väljendverb tēb mēli 'on tahtmine': miI ep tē mēli mennā kottō Kuk 'mul pole tahtmist minna koju'. HetkiSSā 'tahta' on vähem tarvitataV verb: en hetki mittāit teha Luu 'ma ei taha midagi teha' jt.

Enamikul modaalverbidest on modaalise tähenduse kõrval veel teine tähendus ja nad moodustavad sel juhul iseseisva tähendusega predikaadi (tavaliselt seisund) ja neil on oma lausemall ja subjekt.

Modaalverbid võivad olla morfoloogilisteks 'predikaatideks situatsioonidele, mis väljendavad nii seisundit, protsessi kui tegevust.

L ü h e n d i d

Itš = Itšapäivä; J = Jõgõpera; Kat = Kattila; Kuk = Kukkuzi; Lem = Lempola; Lii = Liivtsula; Luu = Luuditsa; M = Mati; Pum = Pummala.

S ü m b o l i d

MV = modaalverb; N + ad = substantiiv adessiivis; N + gen = substantiiv genitiivis; N + nom = substantiiv nominatiivis; V + da = verb I infinitiivis.

K i r j a n d u s

Enkvist, N. E. 1975. Tekstilingvistiikan peruskäsitteitä, Helsinki; Hakulinen, A., Karlsen, E. 1979, Nykysuomen lauseoppia, Jyväskylä, 1979 (SKST 350); Mataldi, H. 1979, Nykysuomen modukset I, AUO, Series B, Humaniora No 2, Oulu; Penttilä, A. 1963. Suomen kielioppi. 2. tarkistettu painos, Porvoo; Rätsep, H. 1978, Eesti keele lihtlause tüübid, ENSV TA Emakeele Seltsi Toimetised 12, Tallinn; Siro, P. 1964, Suomen kielen lauseoppi, Helsinki. Siro, P. 1984, Voimisen ja kelpaamisen verbit syntaksin ongelmana. - Folia Fennistica & Linguistica. Vuosiartikkelit 1984, Tampere; Uspold, E. 1985a, Epistemeid tähendusi väljendavatest modaalverbidest ja modaal-sussubjektist. Ettekanne VI rahvusvahelisel fennougristide kongressil Socktõvkaris 1985.a.; Uspold, E. 1985b, Deontilisi tähendusi väljendavatest modaalverbidest ja modaal-sussubjektist. Ettekanne soome-eesti kontrastiivuurimise seminaril Tallinnas 15.09.85.; Valgma, J., Remmel, N. 1968, Eesti keele grammatika. Kasiraamat, Tallinn.

Хейнике Хейнсоо
(Тарту)

О МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

В данной статье как модальные рассматриваются глаголы, которые выражают эпистемичную и деонтическую неизбежность или возможность. Отношение между модальным и основным глаголами характеризуется двойным управлением: глагол, выражающий потенциальность процесса, управляет глаголом, выражающим ак-

туальное действие, а тот, в свою очередь управляет объектом. Эпистемичными в водском языке являются глаголы ved'd'a, sävva 'мочь'. Они употребляются с субъектом модальности в номинативе и безлично. Глаголы деонтической модальности могут иметь субъект модальности в адессиве: soviB, sünnüB 'годится', kelpäB 'подойдет', on tarviZ 'нужно', höliB 'надо', maħzaB 'стоит', tahtauB 'хочется', piäB 'надо'; в номинативе: 'мочь', sävva, ved'd'a 'быть возможным', tahtoä, hetkissä 'хотеть'; редко в генитиве: piäB 'надо'. Часто в предложении, вообще, отсутствует субъект модальности, т.е. модальный глагол используется обобщенно-лично: глаголы soviB, kehtäB, naravoitaB, tarkkehüB 'стоит', piäB 'надо'.

Е. А. И г у ш е в

(Сыктывкар)

СТИЛИСТИКА ДЕРИВАЦИОННЫХ ФОРМ
НОМИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Новые имена существительные коми языка образуются способом словосложения и суффиксации от глагольных и именных основ, а также от других частей речи (СКЯ 1955 : 154). Особую группу словообразовательных морфем представляют суффиксы субъективной оценки, основная функция которых - выразить отношение говорящего к высказываемой мысли. Эмоциональные оттенки, которые содержатся в уменьшительных суффиксах, могут быть двух типов: 1) выразить чувство удовольствия или неудовольствия (оценка позитивная и негативная), 2) оттенки могут иметь социальный характер, т.е. слово с оттеночным суффиксом может относиться к фамильярной речи (Балли 1961 : 206).

Оттенки чувств иногда могут терять свою выразительность, если уменьшительное слово вытесняет соответствующее нейтральное, для этого оно предварительно теряет свою эмоциональную окраску. Так получилось со словом бшинь, диал. бсiнь - сс. 'окно' (ССКЗД), первоначально обозначавшем понятие 'маленькая дверь'. Оно образовалось из бс 'дверь', сравн. удм. бс 'дверь', мс. ūtex 'порог', эст. uks, фин. uksi 'дверь'. В современном коми-зырянском бдзбс 'дверь' компонент бдз исторически выполнял роль определения со значением 'передняя', сравн. вс. одз, уд. вбдз 'передний, передняя', в отличие от мббс - уд. 'дверь хлева, ворота, выходящие на поле; калитка, букв. полевая дверь, где мб - 'поле, полевая' (КЭСК). Морфема -инь - диминутивный суффикс, который обнаруживается в словах пбчинь 'бабулечка' < пбч 'бабушка', кбкинь 'кукушечка' < кбк 'кукушка' и т.д. В настоящее время эмоциональное значение словом бшинь 'окно' уже утрачено, носители языка уже не воспринимают его как уменьшительную форму от слова со значением 'дверь'.

Ряд коми суффиксов субъективной оценки восходят к знаменательным лексемам. Напр., суфф. -пи, имеющий оригиналом существительное пи 'сын' < ф-у. *poika (Основы 1974 : 412), образует существительное со значением 'детеныш животных, птиц, рыб': оппи 'медвежонок' < ош 'медведь', дзодзбгчи 'гусенок' < дзодзбг 'гусь', компи 'малек хариуса' < ком 'хариус' и др. Но домашние животные имеют другую номинацию по возрастному признаку, их детеныши преимущественно называются самостоятельными словами, а не образованиями с суфф. -пи: мбс 'корова', но кукань 'теленка', вбв 'лошадь', но чань 'жеребенок', пон 'собака', но кычан 'щенка' и т. д. Так же обозначаются детеныши отдельных видов диких птиц и рыб, имевших особое значение в хозяйственной жизни и верованиях древних коми (Сидоров 1926 : 51, Рочев 1982 : 71): чукчи 'глухарь-самец', дозибр 'самка глухаря', но вийбр 'глухаренок', сир 'щука', но н'ул'ук 'щуренок', 'малек щуки' (Сахарова 1976 : 188).

В обиходной речи охотников и рыбаков суфф. -пи часто используется для уничижительной оценки результатов добычи, улова, очевидно, во избежание сглаза дальнейшей охоты: Компийн тай шедштбмабсь кулбмб - нв. 'мальки хариуса, оказываются, попали в сети'. Речь здесь идет о полноценных экземплярах хариусов, ведь они не смогли пройти через ячейки сети, значит, уже не мальки! Локтас Кельчипи Тарас (Куратов 1979 : 116) 'придет Тарас, по прозвищу Малёк сороги'. Рыбака Тараса односельчане за глаза называют мальком сороги, видимо, потому что тот никогда не хвастается уловом, всегда говорит, что наловил мальков сороги - кельчипийн. Хотя внешне в речи коми охотников и рыбаков суфф. -пи для обозначения результатов добычи, улова принимает негативный оттенок, им все же выражается позитивное отношение автора к высказываемой мысли: речь идет об имеющейся в наличии добыче.

Повсюду, где мы только можем разобраться в происхождении чувства прекрасного, вещи и явления предстают перед нами прекрасными, т. к. они доставляют нам удовольствие своим полным и постоянным соответствием какой-либо функции или же ассоциируются с какими-либо функциями, доставляющими удовольствие (Балли 1961 : 211).

Чувство большой удовлетворенности в коми языке успешно реализуют диминутивные суффиксы -иль, -ук, -ун, -ан, -инь, -ушк, -ован, -йи, -й и др., которые особенно употребительны в именах существительных, используемых в обиходно-бытовой

речи и произведениях фольклора: кбчиль 'зайчика' < кбч 'заяц', керкунь 'домишко' < керка 'дом' и т. д.

Общение с детьми, активно познающими окружающий мир, взрослым приносит удовольствие, поэтому они в разговоре с малышами стремятся использовать стилистически окрашенные средства. Существует пласт слов коми языка, употребляемый лишь в детской речи: кекбнь 'ручонка' вместо ки 'рука', ляльб 'рубашечка', вместо дбрбм 'рубашка', льбльб 'молочко' вместо йбв 'молоко' и т. д. (СКЯ 1955 : 156). Суффиксом диминутивности -б, присоединяемым к междометиям, обозначающим звуки, издаваемые домашними животными, образуются слова детской речи, содержащие оттенок доброжелательного отношения к "братьям нашим меньшим": вместо пон 'собака' - увб < ув 'звуки лая', вместо порсь 'свинья' - польб < поль-поль 'возглас, который подзывает свинью' и т. д.

Уменьшительные морфемы и слова детской речи, употребляемые в речи по отношению к взрослым, придают повествованию иронический, а то и саркастический характер: Депутаткамд воис да, чайті, талун огб нин пондбй тачкабн кыскавны, а сійб ачыс кекбньнаснас жб куйбдтб свбтб (Куратова IO) 'Депутатка вернулась, и я решила, что сегодня не будем уже вывозить навоз на тачках, а она сама ручонками грузит его'. Деминутивным суффиксом -бнь в слове кекбнь 'ручонка' имплицитно выражается негативное отношение автора к предмету речи. Речевые факты, отражающие положительное или отрицательное отношение к обсуждаемому предмету, могут выражаться и морфемами, не являющимися суффиксами субъективной оценки.

Как и в родственных финно-угорских языках, коми существительные, обозначающие парные части тела и относящиеся к ним парные предметы одежды, принимают форму ед. числа. В связи с этим явлением одна рука, один сапог и т. д. называются половиной руки, половиной сапога: кок пбв 'одна нога', досл. 'полноги' (Основы 1974 : 219). Суфф. -пбв восходит к самостоятельному слову пбв 'половина', удм. пал, венг. fél, мар. пеле, манс. pāl < ф-у *pälä (КЭСК).

Когда этот суффикс употребляется с именами, не являющимися соматическими названиями, он приобретает оценочный характер: Посньдик бшиньяса пблньтчбм керкапбв сулаліс - Бисинлбн коркба озвр овмбснсь казътылантор (Торопов I9) 'как память о былом богатом хозяйстве Бисина стояла покосившаяся хибарка, досл. полдома, с маленькими окнами'. Суфф. -пбв, сочетаясь со словом керка 'дом' в данном контексте помогает

автору показать картину заброшенности хозяйства, от которого остался лишь дом без надворных построек: бани, хлева, амбара, сарая, отсутствие которых производит впечатление нехватки половины самого жилого здания.

Имена, содержащие суфф. -улов, получают значение собирательности. Как обычно, этот суффикс образует от именных основ слова со значением одушевленных существительных: мужики улов - вв. 'мужчины', том улов нв. скр. 'молодежь', поп-дяк улов скр. 'духовенство' (ССКЗД).

Как нам представляется, суфф. -улов состоит из двух компонентов: -ул 'низ', 'место под чем-либо' < ф-у *ala 'низ' (КЭСК) и -ов < -ол ср. п. огоу 'наклонный', vin'ov 'гибкий' (Серебрянников 1963 : 171). Суффикс -ов восходит к ф-у *-l в отменном словообразовании, который широко представлен во всех ветвях финно-угорских языков (Основы 1974 : 343). Этому суффиксу в нижневычегодском диалекте коми языка присуще значение 'похожий, тяготеющий к чему-либо', напр. зонулов 'мальчики, становящиеся подростками', пърсылов 'люди, подходящие под категорию пожилых, тронутые старостью, т. е. не старики еще и не молодежь уже' (сообщение Г. А. Некрасовой).

Суффикс -улов подчеркивает чистую однородность, как бы односторонность какого-либо явления: пърсылов - 'старики, т. е. те, кто уже состарился, нет среди них никого помоложе', томулов - 'молодые, т. е. только те, кто плохо еще знает жизнь, без опытных, проживших людей' и т. д.

Нельзя согласиться с мнением Федюновой (1985 : 92), которая считает возможным возвести суфф. -улов к русскому существительному "улов" 'груда рыбы', что совершенно неприемлемо по соображениям этимологическим: слово улов не зафиксировано в качестве русского заимствования ни в одном коми диалекте, понятие 'улов' коми традиционно называют исконным словом кыйдбс (КРС 1961 : 351). Это и понятно, ведь охота и рыболовство, древнейшие традиционные занятия коми. Суффикс -улов отнюдь не является и новым заимствованием в коми говорах, он активно употребляется в речи пожилого населения.

Нельзя ставить знак равенства между значениями коми суффикса -улов и русского омонимичного слова по соображениям семантическим: эта коми морфема большей частью образует слова, обозначающие одушевленные существительные, лиц: зонулов 'мальчишки', челяд'юлов 'детвора' и т. д., которых совершенно невозможно представить в виде неподвижной груды "пойманной рыбы".

Чисто случайное созвучие коми словообразовательной морфемы и русского слова улов не дает права установить между ними столь прямолинейной связи.

Благодаря своей эмоциональной окрашенности, суфф. -улов придает слову стилистически сниженный оттенок: Вдва-Вдва морт дас сулалб, пбрьслюв (Савин 454) 'едва-едва человек десять наберется, из числа стариков'. Стилистически нейтральными являются им соответствия с суффиксом -яс: пбрьсьяс 'старики', томьяс 'молодые'. Куратов музей бердм пбрьсьяс котыртісны ветераньясдмьс хор (Ю. т. 4) 'при музее имени И. А. Куратова пожилые люди организовали хор ветеранов'.

Единичны случаи, когда суффикс -улов образует новые слова от неодушевленных существительных. Эти образования стилистически окрашены, им присуща экспрессивная коннотация, которой характеризуется человек, обладающий этим предметом: Кыйсьмсьяс ньбблсіны пуля-порок, табак, пизьтор, ситечулов (Шахов 18) 'охотники покупали припасы, табак, изделия из ситца'. Словом ситечулов автор показывает дешевизну товаров, покупаемых тружениками тайги, у которых не было средств на покупку украшений, безделушек.

Деривационные суффиксы коми языка не только служат для образования новых слов, они придают им дополнительные оттенки, с помощью которых проявляется отношение автора к предмету речи, причем, это характерно не только для суффиксов субъективной оценки.

С о к р а щ е н и я

Диалекты коми языка: вв. = верхневычегодский; вс. = верхнесольский; иж. = ижемский; нв. = нижневычегодский; уд. = удорский; скр. = присмытывкарский; сс. = среднесольский.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

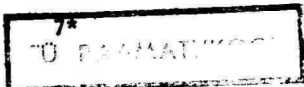
Б а л л и Ш. 1961, Французская стилистика, Москва; КРС 1961 - Коми-русский словарь, Москва; Куратов = К у р а т о в И. Менам муза. Сыктывкар, 1979; Куратова = К у р а т о в а Н. Радейтана, муса. Сыктывкар, 1974; Основы 1974 = Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва; Р о ч е в Ю. Г. 1982, Коми-хантыйские фольклорные контакты. Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре, Сыктывкар; С а х а р о в а М. А., С е л ь к о в Н. Н. 1974, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар; С и д о р о в А. С. 1926, Колдовство, знахарство и порча у коми, Ленинград; СКЯ 1955 = С е р е б р е н н и к о в 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва; Современный коми язык, учебник для вузов, Сыктывкар; ССКЭД 1931 = Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар. Торопов = Т о р о п о в И. Тяи. Сыктывкар, 1982; Ф е д ь и н е в а Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы имен существительных коми языка, Москва; Шахов = Ш а х о в Б. Гбрд дзоридзьяса събд шаль// Войвыв кодзув, Сыктывкар, 1987. № I; Ю. т. = газета "Югд туй".

J. A. I g u š e v
(Syktyvkar)

ZUR STILISTIK DER SUBSTANTIVISCHEN WORTBILDUNGSFORMEN IN DER KOMI SPRACHE Z u s a m m e n f a s s u n g

Der ein neues Wort von den nominalen Stämmen bildende Suffix - ulov verleiht diesem den Gleichartigkeit- und Einseitigkeitssinn der Erscheinung: perisulov 'die älteren', d.h. nur 'bejahrte Leute'. Als stilistisch neutrale Entsprechung dafür dient das Wort mit dem Pluralsuffix -jas: perisjas 'dasselbe'.

Diminutive Suffixe verlieren ihre Ausdruckskraft, wenn ein Diminutiv ein entsprechendes neutrales Wort verdrängt, z.B. das Wort ešin 'Fenster' hatte eine ursprüngliche Bedeutung 'Türchen', wo -in ein diminutiver Suffix ist.

И. В. Картавх
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ФИНСКОГО ЯЗЫКА

В исследованиях по словообразованию современного финского языка наиболее разработаны вопросы, связанные с суффиксальным способом словообразования.¹ При изучении вопросов аффиксального словообразования в области общественно-политической терминологии финского языка встречаются трудности, связанные с классификацией и уточнением некоторых явлений словообразования. В частности, среди административных, экономических, юридических, общественно-политических терминов современного финского языка, явившихся предметом нашего изучения, равно как и среди общеупотребительной лексики современного финского языка, встречаются лексические единицы, в которых основа слова употреблена в функции аффикса.

В исследованиях по морфологии финского языка бытует мнение, что префиксальное словообразование не характерно для финского языка.² Это действительно так. Однако в области общественно-политической терминологии современного финского языка можно выделить некоторые исконные и заимствованные префиксы. В общественно-политической терминологии финского языка имеются лексические единицы, в которых основа, употребленная в качестве префикса, утратила семантическую соотнесенность с другими случаями употребления, в частности, в качестве отдельного слова в словосочетании и предложении.

По нашему мнению, встречающееся в современном финском языке пользование основы слова в функции аффикса указывает на переходное словообразовательное явление от словосложения к словопроизводству.

На наш взгляд, такие единицы, как erä- 'не-, без-(бес-), недо-, анти-', esi- 'до-, пред-, пра-; предварительный, предшествующий', ali- 'младший, низший; под-; недо-', ylä- 'верх-

¹ L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1968, с. 102-184; J. Vesikansa, Johdokset. Nykysuomen oppaita 2. Porvoo, 1978.

² Ю.С. Елисеев, Краткий грамматический очерк финского языка // Финско-русский словарь. Изд. 2-е, испр. и доп., Москва, 1955, с. 613.

ний, высший' а также ala- 'низший, нижний, под-, не-' и yli- 'главный, старший; сверх-, пере-', выступающие в общественно-политической терминологии в составе слова, можно считать префиксами, так как они утратили черты самостоятельных слов и уже не осознаются носителями языка как отдельные лексические единицы, напр.: alakoitea 'подкомитет', alaluokka 'низшее сословие, низший класс общества', alihinta 'бросовая (демпинговая) цена', eräkansallinen 'антинациональный', esivalta 'власть, власти', ylihallitus 'главное управление', ylähuone 'верхняя палата парламента', ylikansallinen 'наднациональный', ylityöllisyys 'нехватка рабочей силы' (букв. "сверхобеспеченность работой") и др.

Во всех послевоенных словарях эти единицы обычно сопровождаются пометой "косой дефис без скобок" - это значит, что erä-, esi-, ala-, ali-, yli-, ylä- не употребляются самостоятельно, входят в состав сложного слова. На наш взгляд, общественно-политические термины-слова, содержащие erä-, esi-, ala-, ali-, yli-, ylä- следует относить не к сложным словам, а скорее к производным терминам.

Наличие омографии подтверждает переход основы, употребленной в качестве I-го компонента сложного слова, в префикс. Так, префикс ala- 'низший, нижний, под-, не-' не следует путать с существительным ala 'пространство; место; площадь; область, отрасль', также как префикс yli- 'главный, старший; пере-, сверх-' не нужно смешивать с послелогом/предлогом yli 'через' и наречием yli 'сверх, выше; более; мимо'. Префикс ala- и существительное ala также как префикс yli- послелог/предлог yli и наречие yli являются грамматическими омонимами или омоформами.

erä- представляет собой причастие настоящего времени отрицательного глагола-частицы e(i) - e-rä (ср. saara, syö-rä).³

esi- 'до-, пред-, пра-; предварительный, предшествующий' первоначально имел значение 'находящийся впереди; прокос, полоса, которую захватывает при косьбе один косец; доля, условия; интерес, выгода', в эстонском языке esi означает 'мес-

³L. N a k u l i n e n, Suomen kielen rakenne ja kehitys, с. 184, 238-239; Y. T o i v o n e n, Suomen kielen etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1955, с. 40; O. I k o l a, Suomen adjektiivien tutkimusta // Sananjalka 16, 1974, с. 181.

то, находящееся перед чем-либо; прокос'.⁴

Десемантизация основы, выступающей в качестве I-го компонента сложного слова, также указывает на ее переход в разряд префиксов. В термине esivalta 'власть, власти' префикс esi- 'до-, пред-, пра-; предварительный, предшествующий' в настоящее время представляется необразующим, так как значение префикса esi- в данном примере ослаблено.

Пары префиксов ala- 'низший, нижний, под-, не-' и ali- 'младший, низший; под-; недо-', а также ylä- 'верхний, высший' и yli- 'главный, старший; сверх-, пере-' Л. Хакулинен рассматривает как варианты друг другу морфемы, так как они имеют одинаковое значение и связаны друг с другом генетически, ср.: ala- : alin (pro aloin) превосходная степень⁵, и ylä- (yli-).⁶

Абстрактный характер семантики морфем ala-, ali-, epä-, esi-, yli-, ylä- указывает на их переход в разряд префиксов и по характеру их словообразовательного значения.

В структурно-генетическом отношении ala-, ali-, esi-, yli-, ylä- (кроме epä-) являются простыми (не составными), открытыми, т. е. оканчивающимися на гласный звук морфемами. Поэтому присоединение их к образующей основе не зависит от характера начального звука основы: вышеуказанные префиксы присоединяются как к основам, начинающимся на гласный, напр.: aliardo 'дизайн, вычет из нарицательного курса различных ценностей (процентных бумаг, денег, переводных векселей) при заключении на них биржевых сделок', alayndistys 'общество, входящее в центральное объединение; первичная организация', ylionkeus 'верховный суд' и др., так и к основам, начинающимся с согласного, напр.: alaludka 'нижнее сословие, низший класс общества', ylivalta 'верховная власть' и др.

Вышеуказанные префиксы являются словообразующими, в финском языке формообразующих префиксов нет.

С помощью префиксов (в отличие от суффиксов) можно образовывать слова лишь того же лексико-грамматического разряда, что и слово, к которому они присоединяются, например, от существительного hallitus 'правительство, кабинет министров; правление, царствование' с помощью префикса yli- образовано существительное ylihallitus 'главное управление', от прилагательного militaristinen 'милитаристский, милитаристический' с помощью префикса anti- 'против, анти-' образовано прилагательное antimilitaristinen 'антимилитаристский'.

⁴ У. Н. Тоивонен, Suomen kielen etymologinen sanakirja I, с. 41-42; А. Кунига, Eesti eitussonade ei, ep ja es tausta // Fenno-Ugristica. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 611. Тарту, 1982, с. 61-65.

⁵ Л. Накулинен, Suomen kielen rakenne ja kehitys, с. 42.

⁶ Л. Накулинен, Suomen kielen rakenne ja kehitys, с. 37.

тельное antimilitaristinen 'антимилитаристический; антимили- таристский', от глагола kansallistaa 'национализировать' об- разован глагол eräkansallistaa 'денационализировать', от пас- сивного причастия прошедшего времени oikeutettu 'правомоч- ный, уполномоченный' с помощью префикса erä- образовано пас- сивное причастие прошедшего времени eräoikeutettu 'неправо- мочный, неуполномоченный' и т.д. В финском языке нет префик- са, присоединением которого можно было бы образовать слово иной части речи, чем производящее слово.

При образовании экономических терминов особенно продук- тивны префиксы ali- 'младший; нижний; недо-, под-' и yli- 'главный, старший; сверх-, пере-', напр.: alihinta 'бросовая (демпинговая) цена', aliarvio 'дизажио', alijaama 'дефицит', alituotanto 'недопроизводство, недостаточное производство', alipalkka 'чрезмерно низкая заработная плата', ylihinta 'за- вышенная цена', ylijaama 'излишек, избыток; остаток', ylityö 'сверхурочная работа, переработка', ylituotanto 'пере- производство', ylityöllisyys 'нехватка рабочей силы' (букв. 'сверхобеспеченность работой'), ylivoitto 'сверхприбыль', ylitarjonta 'превышение предложения над спросом' и др.

При образовании административных терминов продуктивны префиксы ala- 'нижний, под-, не-', ali- 'младший, нижний; под-, не-, до-' обозначают низшую ступень в административ- ной иерархии, напр.: alakomitea 'подкомитет, подкомиссия', alahuone 'нижняя палата парламента; палата общин', alaluokka 'нижнее сословие, низший класс общества', alayhdistys 'общест- во, входящее в центральное объединение; первичная организа- ция', alioikeus 'суд первой (нижней) инстанции', alivaliokun- ta 'подкомиссия' и др. Префикс yli- 'главный, старший; сверх-, пере-' также очень продуктивен при образовании административ- ных терминов, он обозначает более высокую ступень в админист- ративном управлении, напр.: ylijohto 'главное руководство; главное (верховное) командование', ylihallitus 'главное управ- ление', ylikomento 'главное командование', ylioikeus 'вер- ховный суд', ylivalta 'верховная власть; гегемония; главенст- во; владычество', ylivaltias 'гегемон, верховный правитель; владыка', ylivaltius 'гегемония, владычество' и др.

Менее продуктивен префикс ylä- 'верхний, высший, старший' при образовании общественно-политических терминов, ср.: ylä- huone 'верхняя палата парламента', yläluokka 'привилегиро- ванный (букв. 'высший') класс общества'.

Приведение примеры с префиксами ala- и ali-, а также yli- и ylä- показывают синонимичность употребления этих префиксов, которая во многом определяется их генетическим родством и близостью лексического значения.

Пары префиксов ala- и ali-, yli- и ylä- могут быть противопоставлены друг другу как антонимичные в своих основных значениях по признаку 'высший-низший', напр.: alahuone 'нижняя палата парламента; палата общин' - ylähuone 'верхняя палата парламента', alaluokka 'низшее сословие, низший класс общества' - yläluokka 'привилегированный класс общества'; alioikeus 'суд первой (низшей) инстанции' - ylioikeus 'верховный суд' и др.

В общественно-политической терминологии наблюдается большая продуктивность образования терминов-слов с отрицанием в начале слова, обозначающих признак, явление, противоположное тому, что названо мотивирующим словом. Подобные образования имеют терминологически уточняющее значение. Они употребляются в словах, относящихся к терминологиям различных отраслей, в том числе и к общественно-политической терминологии, напр.: ei-kapitalistinen kehitystie 'некапиталистический путь развития', ei-valtiollinen yhtymä 'негосударственное объединение' (в отличие от государственных предприятий), ei-porvarillinen 'небуржуазный', ei-monopolistinen 'немонополистический' и др.

Примеры из текстов:

Proletaarisen internationaalismin piirin laajentamista korostaa se seikka, että hyvin erilaisten ei-proletaaristen kerrostojen jäsenet pyrkivät entistä laajemmin yhtymään työväenluokan solidaarisuustoimintaan.

"Kommunisti", 12.1979, s.981.

On totta, että ei-sosialistisen maailman eri alueiden työtätekevien luokkasiteitä rasittavat historiallisesti ristiriidat, jotka länsieurooppalaisten ja amerikkalaisten monopolien siirtomaariisto on synnyttänyt.

"Kommunisti", 11.1981, s.874.

'Расширение сферы пролетарского интернационализма подчеркивает то обстоятельство, что представители совершенно различных не-пролетарских слоев стремятся шире, чем прежде, включаться в деятельность солидарности рабочего класса.'

'Правда, что классовые узы трудящихся различных областей не-социалистического мира исторически отягощаются противоречиями, которые породил колониальный гнет западно-европейских и американских монополий.'

...se on korottanut veroja, joiden taakka on pantu työtä-
tekevien ja ei-monopolistis-
ten kerrosten kannettavaksi.
"Kommunisti", 10.1975, s.956.

'...это повысило налоги, бремя
которых было возложено на пле-
чи трудящихся и немонополи-
стических слоев.'

Kansandemokraatit ja ei-sosia-
listit menettivät molemmat yh-
den paikan.

'Народные демократы и несоциа-
листы потеряли вместе одно
место.'

"Kansan Tahto", 13.5.1982. s.8.

Siksi olemme yhteistyössä ei-
kommunististen asiantuntijoi-
den kanssa.

'Поэтому мы сотрудничаем со
специалистами-некоммунистами.

"Kommunisti", 2.1976, s.196.

Отрицание ei в таких терминах-словах находится как бы на грани перехода в префикс, свидетельством этому является необычное написание: не слитно, а через дефис.

Иногда от одной и той же производящей основы образуются производные термины-слова параллельно как с префиксом отрицательного значения erä- 'не-, без-(бес-), недо-, анти-', так и с отрицательной частицей ei. В Нукусуомен sanakirja⁷ термин ei-politiittinen 'неполитический' приводится в качестве синонима производному eräpolitiittinen 'аполитичный, несознательный стоящий вне политики'.⁸ Примеры, показывающие употребление этих двух терминов в газетно-публицистических текстах:

Mielestäni viranhaltijoiden
pitäisi olla eräpolitiittisia
ja puolueettomia.
"Tiedonantaja", 21.1.1983, s.4.

'По моему мнению, должностным
лицам следовало бы быть бес-
партийными и стоять вне поли-
тики.' (букв. 'быть аполитич-
ными')

Eräpoliittisempi työväenluokka
reagoi enemmän tv-logiikan mukaan.
"Kommunisti", 2.1983, s. 116.

'Более аполитично рабочий класс
реагировал больше в соответст-
вии с логикой телевидения.'

В образовании общественно-политических терминов используются также, кроме вышеупомянутых исконных, и немногие заимствованные префиксы: anti- 'анти-, против-, против-', non- 'нон-, не-', pan- 'пан-', напр.: antimilitarismi 'антимилитаризм', noningterventio 'невмешательство', panislamismi 'пан-

⁷ Нукусуомен sanakirja. Lyhentämätön kansanpainos. Porvoo-Helsinki-Juva, 1983.

⁸ Последнее значение не отмечено в лексикографических источниках.

исламизм' и др. Эти префиксы заимствованы в финский язык в составе общественно-политических терминов-слов. Их участие в процессе словообразования современного финского языка очевидно на примере образования общественно-политических терминов-прилагательных, напр.: antifasistinen 'антифашистский' (ср. fasistinen 'фашистский'), antimilitaristinen 'антимилитаристский, антимилитаристический' (ср. militaristinen 'милитаристский, милитаристический'), panafrikkalainen 'панафриканский' (ср. afrikkalainen 'африканский'), panamerikkalainen 'панамериканский' (ср. amerikkalainen 'американский') и др.

Префиксы в качестве словообразующих морфем могут выступать как самостоятельно, напр.: ylityö 'сверхурочная работа, переработка', esivalta 'власть, власти', так и вместе суффиксом, напр.: eräparlamentaarinen 'антипарламентарный, антипарламентский, непарламентарный, непарламентский', eräpoliittisuus 'аполитичность, несознательность'. В первом случае мы имеем дело с префиксальным способом словообразования, во втором - с префиксально-суффиксальным.

Как известно, префиксация чрезвычайно распространена в терминообразовании многих индоевропейских языков. В области терминообразования современного финского языка не следует считать единственными источниками развития префиксального и префиксально-суффиксального способов словообразования лишь влияние других языков, явления заимствования и калькирования. Необходимость обозначения новых понятий и явлений общественно-политической жизни внутри страны и на международной арене определяет поиски новых словообразовательных средств, опирающихся на внутренние резервы и возможности финского языка.

I. V. K a r t a v u s h
(Moskva)

WORD-BUILDING PREFIXES IN THE SOCIAL AND POLITICAL
TERMINOLOGY OF THE MODERN FINNISH LANGUAGE

S u m m a r y

The article attempts to point out some stems that became prefixes in the modern finnish language. The primordial ala-, ali-, epä-, esi-, yli-, ylä- and loaned anti-, non-, per-, that are met in the social and political terminology of the modern finnish language, are to be considered as prefixes, because of the abstract character of their semantic, conciseness of the form, phenomena of homorphism etc. The article includes examples from the modern finnish press.

Tiina K u k k
(Tartu)

LIIVI KEELE KÄÄNETE SENISEST KÄSITLUSEST

Esimesi teateid Liivimaa, liivlaste ja liivi keele kohta võib saada alates XI sajandist kroonikate vahendusel (Henriku Liivimaa kroonika väljaanded, eesti keeles 1881, 1962, 1982; Napiersky 1622, Bunge 1853, Einhorn 1857, Meyer 1876, Russow 1920 jt.). Nii varased allikad aga ei anna veel andmeid keele ja selle morfoloogilise struktuuri kohta. Ajalooliste faktide kirjeldamise kõrval leidub neis pelgalt liivi koha- ja isikunimesid.

Alles 1770. a. ilmunud A. L. Schlözeri uurimuses "Gesammelte Nachrichten ..." leidub väärtuslikke ülestähendusi nii Kuramaa liivlaste kui ka Liivimaa liivlaste keelest. Esmakordselt antakse üksikõnade kõrval ka liivikeelseid lauseid (saksa- ja eestikeelse tõlkega), ehkki oluliste kommentaarideta, ja seega osutub esitatud lausete kaudu juba võimalikuks määratleda mõningate käänete funktsioone. Schlözeri näidetes esinevad n o m i n a t i i v ja g e n i t i i v: mis tep ^{si} ih^a gemma kohne? (Schlözer 1770 : 359) 'mida teevad sinu ema ja isa kodus', med maha jux om Liebi^fk (372) 'meie maa nimetus on Liivimaa'; p a r t i t i i v: Labs min tulde (355) 'Laps, too mulle tuld', abo mitti old (371) 'mul ei ole õlut', mai paggatim Liebi^fchki (372) 'me räägime liivi keelt', min labo millifte rahda (373) 'mul ei ole raha'; l a t i i v: muhpe ma lehde kohdaje (359) 'homme ma lähen koju', ma lähn püha kodda (371) 'ma lähen kirikusse', kufuck kohdai lebdii itel ju peewe (360) 'kui sa koju tuled, üttele "tere"'; i n e s s i i v: ma wa il egle Gulgava (359) 'ma olin eile linnas', gemmam ruhja, ifam chotel (360) 'ema on haige, isa on kirikus'; a l l a t i i v: anna minnul laibe (371) 'anna mulle leiba'.

Kõige rohkem näiteid esineb partitiivi ja latiivi kohta, ainult paar näidet on genitiivi kasutusest, elatiivi, adessiivi ja ablatiivi kohta näiteid ei leidunud, kuigi see- gi oleks olnud ootuspärane.

A. L. Schlözeri töö on keelelisest seisukohast andnud rohkem kui kõigi eelnevate uurijate tööd kokku, kusjuures ta on esimene, kelle kaudu on meieni jõudnud liivikeelseid lausenaiteid.

Schlözeri hinnatavaimaks teeneks on aga säilmed juba tol ajal hääbuva Salatsi murde kohta. Kogumistööd tehes on ta kasutanud Joh. Heinrich Taurecki ja kohaliku pastori Ulrich Johann Zimmermanni abi Kuramaa ning Leonhard Samuel Swahni ja pastor Burkhardi abi Salatsi murde kirjapanekul.

18. saj. II poole uurija L. J. Börgeri reisimärkmetest leiame Salatsi liivi alalt kirjapandud laused Emma, emma, kurrat kurrat koke (Börger 1778 : 58) 'ema, ema, kurat on selja taga', milles sisuliselt ilmneb i n e s s i i v, ning Mehs effam Liweſchi (60) 'me oleme liivlased' - mitmuse n o m i n a t i i v.

Keele ja selle morfoloogilise struktuuri uurija tähelepanu köidab G. Bergmanni Meie Isa palve tõlgete kogu, mille ilmumisega 1789. a. jõudis lugejani liivi keele uurimise ajaloos esimene teadaolev liivikeelne tekst - 15. palve nimetatud kogust, tõlgitud läti keelest Salatsi murdesse. Selle lühikese teksti kaudu võib tuua täiendavaid näiteid kõigi Schlözerilt ja Börgerilt tuntud käänete kasutamise kohta, näit. Med (g e n.) Iſa tauwis (i n e s s.) ... 'Meie Isa taevas ...', Laſſ tulg ſünn könig maal (a l l a t.) 'tulgu sinu Issand maale', Sünn meel (n o m.) laſſaug pehl maal (a l l a t.), kuid tauwis (i n e s s.) 'sihu tahtmine sündigu maal kui ka taevas', Anna min (g e n.) Leib (n o m.) jegga pewwa (funktsioonilt a d e s s.) 'anna minu leib iga päev', Peeana meddal (a l l a t.) üle tüe, minna saa peeand ommal ülnikal (a l l a t.) 'anna meile tegude eest, mina saan anda oma võlglastele', Alla wedda med (p a r t.) murſifall (a l l a t.) 'ära vea meid kiusatusele', Pefta mind (p a r t.) ülaſt (e l a t.) 'päästa mind kurjast' (Bergmann 1789 : 5). Näeme, et lisandub veel kaks käänat, mis Schlözeril ja Börgeril puuduvad, nimelt elatiiv ja adessiiv.

Esimese sammu liivi keele käänete uurimise alal tegi H. von Jannau oma tööga "Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten". Peatükis "Die Sprache der Liven" käänatakse Salatsi liivi murdelised sõnad Vagga, Jumal ja Immi (Jannau 1828 : 169-170). Olgu siinkohal ka näide esimesest käände paradigmat liivi keeles.

I. Form. Singul.

Nom. waggä
Dat. waggate
Acc. waggä
Abl. waggast.

Plur.

Nom. waggad
Dat. waggatele
Acc. waggad
Abl. waggadest.

II. Form.

Nom. Jumal
Dat. Jumalal
Abl. Jumalast.

Plur.

Nom. Jumalad
Dat. Jumalatele
Abl. Jumalust.

III. Form.

Nom. Jumi der Mensch
Dat. Jummise und Jummisel
Abl. Jummist.

Plur.

Nom. Jummij
Dat. Jummistele
Abl. Jummiste.

Nagu autor ise eelnevalt märgib, on tal õnnestunud üles märkida 4 käänet: *n o m i n a t i i v*, *d a a t i v*, *a k u s a t i i v* ja *a b l a t i i v*, kusjuures akusatiiv on nominatiiviga vormiliselt kokku langenud (Jannau 1828 : 169). Järgneb juba Bergmannilt tuntud Meie Isa palve (ehkki pisut muudetud kujul, ei lisa see käänete osas midagi uut) soome ja liivi keeles, põhja- ja lõuna-eesi murdes (Jannau 1828 : 171) ning lehekülje ulatuses liivikeelseid lausenäiteid saksa keelse tõlkega (Jannau 1828 : 181). Kahjuks korratakse üsna täpselt juba Schlözerilt tuntud lauseid, mistõttu korduvad ka samad käänded.

Liivlaste, sealhulgas ka Salatsi liivlaste vastu tundis huvi Tartu ülikooli endine lektor P. H. Jürgenson, kelle vähestest säilinud märkmetest Opetatud Eesti Seltsi Toimetistes (Jürgenson 1840 : 19-25) ilmneb küll asjaolu, et ta mõistab õigesti liivi keele sugulust eesti ja soome keelega, kuid ei esita seejuures liivikeelseid lauseid. On vaid kronoloogilises järjekorras märkmed reisist läbi Liivimaa ja Kuramaa, kus ta muuhulgas kommenteerib ka Henriku Liivimaa kroonikast tuntud väljendit maga magamas (... ein Live rief heraus: maga magamas, d.h. bleibe ewig hier liegen) (Jürgenson 1840 : 43), milles sisuliselt võib täheldada ühe sisekohakäände, nimelt *i n e s s i i v i* olemasolu.

G. Bergmanni Meie Isa palve järel ilmus teine terviklik liivikeelne tekst 1846.a. Tartu ülikooli ajaloo-professori K. H. Kruse vahendusel. Morfoloogia seisukohalt pakub huvi tema tähelepanuväärseim uurimus "Ur-Geschichte des Estnischen Volksstammes und der Keiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland", milles on liivi keelde tõl-

gitud salmid 11-16 Johannese evangeeliumi X peatükist (Kruse 1846 : 232-233) ning Meie Isa palve saksa keeles, kreevini, põhjääesti ja lõunääesti murdes ning liivi keeles (Kruse 1846 : 162-163). Mõlemad tekstid on morfoloogia seisukohalt huvipakkuvad, ehkki käändeide ei esine neis rohkem kui Schlözeri tekstides. Nimetatud liivikeelses evangeeliumis esinevad järgmised käanded: n o m i n a t i i v ja a k u s a t i i v ... üks juua paint ahndab entfohe Jenga ill naente lambud ..., 'üks hea karjane jätab oma elu lammaste eest', p a r t i t i i v ... un minna tundubb fedda Ihs ... 'ja mina tunnen seda Isa', l a t i i v ... un naente lihb min nun juhre tahde ... 'ja need pean mina ka siia tooma', e l a t i i v ... ned aebad fieste Talfohte ... 'need ei ole mitte sellestsamast laudast' (Kruse 1846 : 232-233).

Seega on 19. saj. keskpaigani käänete osas kõige rohkem andnud Schlözeri laused (6 käänet: nominatiiv, genitiiv, partitiiv, latiiv, inessiiv ja allatiiv) ja Bergmanni tekst (7 käänet: nominatiiv, genitiiv, partitiiv, inessiiv, elatiiv, allatiiv, adessiiv). Jannault pärineb esimene paradigma nelja käändega: nominatiiv, daativ, nominatiiviga kokkulangenud akusatiiv ja allatiiv (Meie Isa palve liivikeelset tõlget pole ta tõenäoliselt oma paradigma loomisel arvestanud). Kruse tõlgitud evangeeliumi katkest saame 5 käänet: nominatiivi, akusatiivi, partitiivi, latiivi ja elatiivi.

Vaatamata varasemaile tagasihoidlikele katsetele liivi keelt uurida ja seletada võib nimetatud keele tõelise teadusliku uurimise alguse seostada Peterburi TA akadeemiku A. J. Sjögreni (1794-1855) tegevusega. Ekspeditsioonidel Saalatsisse ja Kuramaale 1846. a. ning Kuramaale 1852. a. kogus ta hulgaliselt väärtuslikku keeleainestikku. Tema töö jäi pooleli 1855. aastal. Kogutud materjali täiendamise, läbitöötamise ning trükkis avaldamise au ja vaev langes Peterburi TA otsuse põhjal akadeemik F. J. Wiedemannile. 1861. a. ilmuski kahe uurija ühistööna valminud kaheosaline monumentaalne teos "Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften" II_I-II_{II}, St. Petersburg, mis koosneb liivi keele grammatikast ning liivi-saksa ja saksa-liivi sõnaraamatust. Teose esimene osa sisaldab põhjaliku liivi keele grammatika: hääliku-, tuletus-, vormi- ja lauseõpetuse. Peatükis "Formenlehre" (Wiedemann 1861 : 45-130) leidub esimene süstemaatiline ja seni kõige ulatuslikum liivi keele käänete teaduslik käsitus, osaliselt võrrelduna soome ja eesti keelega. Esitatud mater-

jal on illustreeritud rohkete näidetega, mis peavad kinnitama teoreetilise käsitluse õigsust ning aitama välja tuua käänete kõikvõimalikud funktsioonid.

Wiedemann väidab, et käänete hulk liivi keeles on ebaäärane ning sõltub iga grammatiku vaadetest, kui laialt ta käändsõnadest tuletatud sõnavorme määruslike sidemete tähistamiseks käändevormidena näha ja deklinatsioon skeemi sisse tuua tahab. Samuti ei pea ta käände jaoks kriteeriumiks, et igast noomenist saaks moodustada mistahes käändevormi (kuigi range konsekventsus seda arvatavasti nõuaks). Ta peab seda sõltuvaks eelkõige sõna tähendusest (Wiedemann 1861 : 50).

Autor(id) on soome grammatikuteelt liivi keele jaoks ülevõtnud järgmised käanded: n o m i n a t i i v, g e n i t i i v, i n f i n i t i i v, i n e s s i i v, i l l a t i i v, a d e s s i i v, a l l a t i i v, a b l a t i i v ja a d v e r b i a a l. Nimetatutele lisandub veel i n s t r u m e n t a a l, mis peaaegu vastab soome translatiivile ja nominatiivile ning osaliselt ka adessiivile. Kuramaa dialektide jaoks esitatakse veel üks väga oluline kääne, nimelt d a a t i v, mis erineb adessiivist ja allatiivist ning väljendab eesti ja soome keeles teiste keelte (saksa, ladina jt. keeled, millistes daativit kasutatakse) daativi funktsiooni. Akusatiivi väidab autor olevat liivi keeles niisama vähe kui teistes läänemeresoome keeltes. Vastavat funktsiooni väljendatakse liivi keeles otseses tähenduses genitiivi ning kaudses tähenduses infinitiivi abil (Wiedemann 1861 : 51). Mõned nimetatud käänetest esinevad harva, nimelt adverbiaal (sest liigi ja viisi väljendamiseks ollakse ajendatud ainult väheseid nimisõnu kasutama ja omadussõnadel on tuletatud eriline vorm määrsõnade jaoks) ja kolm väliskohakääned (adessiiv, allatiiv, ablatiiv), mida kasutatakse põhiliselt kivinenud väljendites. Tavaliselt aga asendatakse need postpositsioonidega, vahetevahel ka vastavate kohakäänetega, nimelt asendatakse ablatiiv elatiiviga. Ablatiivi tähendust peab Wiedemann niivõrd tuhmunuks, et see võib esineda ka elatiivi lõpuga, näit. päldost ~ päld 'pealt', aldost ~ ald 'alt' jne. (Wiedemann 1861 : 50).

Mitmuses on illatiiv inessiivist eristatud vaid tähenduse poolest ning sageli esineb daativi vorm seal, kus niisama hästi või isegi pigem (mitte ainult saksa, vaid ka liivi keelest lähtudes) võiks oodata genitiivi kasutamist. Autor väidab, et mõlema viimati nimetatud käände näilise ära-

vahetamise põhjus on osaliselt süntaksis, osaliselt aga selles, et see, mida nüüd Kuramaal üldiselt daativina kasutatakse, võis olla genitiivi algne vorm (Wiedemann 1861 : 52 jj.).

Wiedemann toob välja paar juhtumit, kus ühte käänet, nimelt daativit või instrumentaali, kasutatakse ilma teda tähistava sufiksita: 1) adjektiivist atribuudi korral, 2) kas koos või ilma konjunktsioonita tihedalt kokkukuuluva, nagu üheks mõisteks seotud sõnapaari esimese sõna puhul, näit. soomiz juomizoks entä viia jera pill 'joomise ja söömisega oma varandust tuulde loopima' (s.t. soomizoks) (Wiedemann 1861 : 51).

n-lõpulist daativit ei täheldata Salatsi murdealal. Sealset keelekasutust peab autor tunduvalt sarnasemaks eesti keelega kui Kuramaa liivi keelt. Seal, kus Kura dialektides on daativ läti keele mõjul väliskohakäänded kõrvale tõrjunud, kasutatakse Salatsis eesti keelega sarnaselt väliskohakäändeid (Wiedemann 1861 : 51, 78, 102).

Liivi instrumentaalile omistatakse neli erinevat tähendust, millele soome keeles vastab translatiiv, adessiiv, komitatiiv, essiiv või instruktiiv ning eesti keeles adessiiv, faktiiv või instrumentaal (Wiedemann 1861 : 100). Salatsi murdes eristatakse ks-lõpuline faktiiv tähenduse poolest instrumentaalist (Wiedemann 1861 : 107). Instrumentaali lõpu (ks ja koks) valik otsustatakse Wiedemanni arvates parema kõla põhjal. Mõnikord kasutatakse samast sõnast mõlemaid lõppe, et erinevaid suhteid väljendada, näit. abkoks 'abiga' ja abboks 'abiks' (Wiedemann 1861 : 52).

Oma grammatikas esitab Wiedemann reeglid kõikide käänete moodustamiseks. Ta jagab käändsõnad 32 klassi, võttes aluseks tüve silpide arvu ja tüvevokaali. Vastav kääne saadakse käändelõpu lisamise teel nn. primitiivkäändele. Seega moodustatakse ülejäänud käänded ainsuses reeglipäraselt genitiivist, harvadel erandjuhtudel genitiivi kõrvale ka infiniitivist (=partitiivist), mitmuses aga reeglipäraselt partitiivist, v.a. instrumentaal ja adverbiaal, mis moodustatakse nominatiivist või genitiivist. Nominatiivi moodustamise kohta Wiedemann reegleid ei anna, vaid eeldab seda vormi kui antut. Et väliskohakäänded on oma funktsiooni peaaegu kaotanud, ei lülita Wiedemann neid käänete süsteemi.

Palju on teinud liivi keele kogumise ja uurimise heaks E. N. Setälä. Lisaks kogutud tekstidele on ta lükinud ling-

vistikale huvipakkuvat liivikeelset materjali (sealhulgas ka käänetesse puutuvad) eelkõige oma häälikuloolisse uurimuse "Yhteissuomalainen äännehistoria" I-II (1899). Tema tekstikogu "Näytteitä liivin kielestä" sai kasutatavaks aga alles 1953. a.

O. Looritsa rikkalikust kogust annab morfoloogia uurimiseks ainet eelkõige tema liivikeelne "Volkslieder der Liven", mis ilmus 1936. a. Opetatud Eesti Seltsi Toimetiste sarjas.

Pärast Sjögreni-Wiedemanni monumentaalteose ilmumist oli liivi keele teaduslik uurimine seiskunud rohkem kui pooleks sajandiks. Järgnevad autorid puudutasid liivlasi ja nende keelt vaid Sjögreni-Wiedemanni materjalidele toetudes, neid refererides või kasutades võrdlusmaterjalina läänemeresoome keelte uurimisel (täpsemalt vt. Vääri 1959; 1983).

Tartu ülikooli läänemeresoome keelte professor L. Kettunen, Sjögreni-Wiedemanni järel uus suurkuju liivi keele uurimise ajaloos, äratas oma uurimistegevusega taas huvi liivlaste ja nende keele vastu. 1925. a. ilmus temalt tekstikogu "Untersuchung über die livische sprache" koos fonetilise sissejuhatusega. Tema peateoses "Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung" (1938) sisaldub küllalt kokkusurutud kujul liivi keele transkriptsiooni, intonatsiooni-, häälikuloo- ja vormiõpetus. Teose eessõnas kirjutab autor, et peatüki "Zur formenlehre" koostamist on ta enese jaoks kõige raskemaks pidanud, sest laekunud materjal polnud käändeparadigmade koostamiseks küllalt süstemaatiline (Kettunen 1938 : XV). Sõnaraamatu eessõna eritrukina ilmunud täiendatud ja parandatud väljaanne "Hauptsüge der livischen laut- und formengeschichte" (1947) ei erine käänete osas põhimõtteliselt esmasest variandist. Mõlemas esitatakse deskriptiivse etümoloogilise käsitluse järel paradigmat tänapäeva mõistes tüüpikondade kaupa, arvestades sõnatüvede rühmitamisel tüve silpide arvu ja tüvevokaali. Põhjalikumalt esitatakse käändesufiksrite etümoloogiad, käänete funktsionaalsed külge puudutatakse aga suhteliselt vähe ja eba-järjekindlalt.

N o m i n a t i i v i käsitleb Kettunen (nagu Wiedemanni) sõna tüvena, näit. sū 'suu', lambaZ 'lammas', millest mitmuse vorm saadakse mitmuse tunnuse -t (>-d, -d) lisamise teel, näit. sūD 'suud', lambSD 'lambad' (Kettunen

1938 : XXXVIII-XXXIX, Kettunen 1947 : 56, Wiedemann 1861 : 52-56). G e n i t i i v i kohta väidab Kettunen, et selle käände lõpp on olnud algselt -n, mis aga liivi keeles enamikul juhtudel puudub sõnalõpulise -n kao tõttu, näit. sū (< *sūn) 'suu' (Kettunen 1938 : XL, Kettunen 1947 : 57). Autor juhib tähelepanu ka nn. dativsele genitiivile, mida ta peab funktsionaalselt daativiks, näit. s^he rō^o um izān 'see on isa raha' (Kettunen 1938 : XL, Kettunen 1947 : 57). Mee-nutagem, et ka Wiedemann märkis daativi olemasolu Kura dialektides, pidades seda genitiivi algseks vormiks (Wiedemann 1861 : 52 jj.). Kettunen toob oma süsteemi ka objektikäände-na kasutatava a k u s a t i i v i, mis langeb liivi keeles üldjoontes kokku ainsuses genitiiviga, mitmuses nominatiiviga, näit. ta vettāp siā ebiz 'ta võtab selle hobuse', ta vettāp ne ebiz 'ta võtab need hobused!'. Genitiiviga kokkulangevat akusatiivi kasutas ta ka neil juhtudel, kus teistes keeltes kasutatakse nominatiivi (vettā siā ebiz 'võta see hobune') või partitiivi (alā vettā siā ebiz 'ära võta seda hobust') (Kettunen 1938 : XLI, Kettunen 1947 : 57-58). Võrdle Wiedemanni käsitlusega, millises vastavat funktsiooni väljendati otseses tähenduses genitiivi ja kaudses tähenduses infinitiivi abil (Wiedemann 1861 : 51). D a a t i v - l o k a t i i v i seostab Kettunen vana na-lõpulise lokatiiviga nende häälikulise identsuse tõttu, tuues võrdluseks soome koto-na 'kodus', vadja tūve-nā jne. Sama käänet peab ta vastavaks ka soome essiivile (essiiv on ju lokatiivi funktsionaalne laiendus), näit. tūō^ona pāvan (< *toisna või *toisena) 'teisipäeval' (Kettunen 1938 : XVI, Kettunen 1947 : 59). Mitmuse daativ-lokatiiv moodustatakse genitiivi baasil, näit. (izān :) izādōn 'isadele', sudūdōn 'huntidele', knāsōlā neitšōdōn 'ilusatele tüdrukutele' (Kettunen 1938 : XVII, Kettunen 1947 : 59). Esitatud näidete põhjal ilmneb selgelt väliskohakäänete funktsioonide üleminek daativile. Vaadelda-va käände funktsiooni peab Kettunen läti keele mõjuks, kuid ei seosta seda häälikulooliselt läti am-lõpulise daativiga (Kettunen 1938 : XLII, Kettunen 1947 : 59). Seda käänet on hiljem mitmed uurijad püüdnud seletada, kuid üksmeelset lahendust pole seni leitud. T r a n s l a t i i v - k o m i - t a t i i v i teket seletab Kettunen vana ks-translatiivi kokkulangemisega noorema käände komitatiiviga, kusjuures säilivad mõlema käände funktsioonid, näit. nāizšks 'naiseks; naisega'. Paralleelselt esitab ta samale liitkäände lõpu

-kâks (su'kkâks 'hundiks; hundiga'), pidades seda tõenäoliselt kontaminatsiooniks, näit. su'kkâz (< *su'kkâs < *-kas < *-kâs < *rens) + sudûks = su'kkâks (Kettunen 1938 : XLII, Kettunen 1947 : 60-61). Meenutagem siinkohal, et Wiedemann on omistanud antud funktsiooni instrumentaalsele, pidades erinevaid käändelõppe erineva funktsiooni kandjaiks (vrđl. abkoks 'abiga' ja abboks 'abiks') (Wiedemann 1861 : 52). P a r t i t i i v leiab Kettuse poolt käsitlemist vaid lähtuvalt vormilistest tunnustest. Partitiivi võimalike lõppudena esitab ta ainsuses algupärase -ta (liivi keeles ka > -da: tûlda 'tuld'), ainult liivi keelele omase š (mleštâ 'meest') ning lõputa partitiivi (tûldš) 'tuult'). Mitmuse partitiivi lõppudeks liivi keeles on -di, -ti, -dî, -tî ja -i, näit. lam-bidi 'lambaid', vitšti 'vitsu', kaldî 'kalu' lepti 'leppi', jalgi 'jalgu'. Mitmuse tunnus i võib olla asendunud palatalisatsiooniga, näit. su'ri 'suuri' (Kettunen 1938 : XLIII, XLIV, Kettunen 1947 : 61-62). Kettunen peab võimalikuks partitiivivormide kokkulangemist mitmuse nominatiivi ja genitiiviga või ainsuse illatiiviga (harva ka elatiiviga). Võrdle Wiedemanniga, kes on sama funktsiooni kandva käände nimetusena kasutanud infinitiivi, millel on samuti kokkulangevusi paradigma teiste vormidega: nominatiiviga, genitiiviga, illatiiviga ja elatiiviga (Wiedemann 1861 : 52 jj., Kettunen 1938 : LIV-LVIII). Kõigi uurijate ühise arvamuse kohaselt on sisekohakäänete ühiseks elemendiks läänemeresoome keeltes g, mis liivi keeles on muutunud z-ks või ž-ks, millele võib järgneda ka vokaal â, näit. su'ozâ (Wiedemann 1861 : 67 jj.), Kettunen 1938 : XLVIII, L, LI). I l l a t i i v, mis väljendab kohta, kuhu minnakse, esineb liivi keeles kas lõputa või z(ž)-elemendiga, näit. jalgâ 'jalga', oukkâ ~ oukkšz 'auku', tubzi ~ tubiž 'tubadesse' (Kettunen 1938 : XLVIII, L, LI). Kohta, kus ollakse väljendavat käänet, i n e s s i i v i, ja kohta, kust lahkutakse väljendavat käänet, e l a t i i v i, peab autor pärinevaks vastavalt algkeele sufiksitest -ssa ja -sta, näit. tâssa 'siin', tâsta 'siit' (Kettunen 1938 : LI, Kettunen 1947 : 66, 67). Kolme väliskohakäände (adess., ablat., allat.) kohta väidab Kettunen, et nende funktsioonid on valdavalt üle kandunud daativile ning säilinud vaid kohta, aega, tegevust ja seisundit väljendavaina (Kettunen 1938 : LI-LII, vt. ka Wiedemann 1861 : 72-75). Kohalolemist, -viibimist väljendav l-kääne, a d e s s i i v, esineb liivi keeles lõpuga -l, ühesilbiliste sõnade puhul

ka ~ -l^s, näit. mõl ~ mõl^s 'maal', loväl 'voodil', jəvəl käädäsi 'paremal käel, paremat kätt'. Kohalt lahkumist, eemaldustumist väljendav l-kohakääne, a b l a t i i v, on liivi keeles -l^D, ühesilbilistes tüvedes -l^D lõpuline, näit. (tül) mõlD (~ mõlD^s) 'ta tuli maalt'. Kohale liikumist, tulemist, saabumist väljendav l-kohakääne, a l l a t i i v, on liivi keeles samalõpuline adessiiviga, näit. mägäsi 'mäele, mäel', käädäsi 'käele, käel' (Kettunen 1938 : LII, Kettunen 1947 : 69, 70). Ainult Wiedemann on teinud Salatsi murde mõningate adverbide puhul vahet adessiivi ja allatiivi vahel, näit. julle 'peale', jull 'peal' (Wiedemann 1861 : 105). Kettunen (nagu Wiedemanngi) väidab, et liivi keeles esinevad väliskohakäänded väga harva, ja sedagi eelkõige mõnedes kindlakskujunenud väljendites, nagu ne kääd metsäs seenil 'nad käivad metsas seenil'. Erinevalt Wiedemannist, kes on väliskohakäänded nende suhteliselt vähesel kasutuse tõttu paradigmat välja jätnud, on Kettunen pidanud vajalikuks need siiski esitada. I n s t r u k t i i v i (lõpud ainsuses *-n, mitmuses *-in) kasutatakse valdavalt mitmuses, näit. ma tül jälgin 'ma tulin jalgsi'. Siiski märgib Kettunen ka mõningate ainsuslike instruktiiv-adverbide olemasolu, nagu nēla 'neljakesi', kou^t ~ kou^{tti} 'kaudu' jt. A d e s s i i v i, mille lõpp on läänemeresoome algkeeles olnud *-ttak, *-ttäk, peab Kettunen liivi keeles kasutatavaks valdavalt koos läti keelest pärineva prepositsiooniga bäg 'ilma', näit. bäg rōdō 'ilma rahata'.

Oma hilisemas uurimuses "Die Herkunft des Terminativs, Genitivs, Dativs und Komitativs" (1956) vaatlleb Kettunen nelja läänemeresoome keeltes tuntud käänet. Autor seostab lokatiivi funktsionaalselt daativ-genitiiviga, sageli possessiivse genitiiviga (Kettunen 1956 : 12). Ta püüab tõestada, et liivi keele genitiiv on arenenud läänemeresoome algkeele lokatiiv-essiivist, mis on juba üsna varakult oma lõppvokaali (na > -n) kaotanud ja omandanud possessiivse genitiivi funktsiooni. Lokatiiv-essiiviga seostab Kettunen ka instruktiivi (Kettunen 1956 : 16,17) ja komitatiivi (Kettunen 1956 : 17) tekkimise. Oma seisukohti resümeerib ta järgmiselt: den Komitativ kann man nicht von den Instruktiv trennen, den Instruktiv nicht von dem Genitiv, und alle drei haben ihre Wurzel in dem Lokativ-Essiv (Kettunen 1956 : 18).

Põgusalt puudutatakse liivi keele käändeid ka L. Posti häälikuloolises uurimuses. Peatükis "Im auslaut" (Posti 1942 : 268-283) vaadeldakse seoses häälikulooliste probleemidega ka mõningate käänete sufikseid ja nende etümoloogiat, kuid sõltuvalt teemast ei esitata käänete funktsioone.

Lühikeses artiklis "Eräitä liiviläisiä possessiivisufiksien jäännöksiä" märgib J. Mägiste õigesti, et liivi keelest on possessiivsufiks kadunud, ning viitab vastavatele käänesufikstitele, mis lubavad eeldada nende kunagist olemasolu (Virittäjä 1928 : 285-287).

Morfoloogilise uurimise jaoks leidub huvitavat materjali ekspeditsioonidel kogutu põhjal ilmunud Mägiste kirjutises "Resorna till liverna. En kort översikt över mina studieresor till östersjöfjinnarna i Sverige under åren 1947-1950" (1951), tekstikogus "Liiviläisiä tekstejä" (1964) jm.

Liivi keele daativi probleemi püüab lahendada P. Alvre, kes ei jaga L. Kettuse seisukohta, mille kohaselt daativ pärineb vanast na-lõpulisest lokatiivist. Ta peab liivi daativit lokatiivist funktsionaalselt erinevaks ning väidab, et daativ on üks vanimatest käänetest ning kõikides keeltes latiivse päritoluga (Alvre 1967 : 171, 176, 180).

Daativi probleemi käsitleb ka P. de Sivers (Donum Balticum 1970 : 495-500).

Väheproduktiivsele käände e k s t s e s s i i v i l e on pühendatud T. Särkkä uurimus "Itämerensuomalaisen kielten ekssessiivi" (1969). Ekstsessiivi lõpuks liivi keeles märgib autor nd, ning peab erinevalt kõigist teistest uurijaist käänet vastavaks küsimusele kus? Särkkä väidab ekstsessiivi olemasolu kõigis liivi murdeis ning toob ka sellekohaseid näiteid, nagu Salatsi: Mina tul' tām uomšil kōntest 'mina tulin sel hommikul kodust (Särkkä 1969 : 100), idaliivi (Ire): siz vanā kurē lekš k^hondāst jārā tegiž 'siis kurat läks kodust ära' (Särkkä 1969 : 100), Īra: ni.ta/ne'ia /ko.ŋgənd.ĭd /mu.stā/ tšu.ppa (Särkkä 1969 : 101) 'aga nüüd ta nägi kaugelt ühte musta kogu, lääneliivi: koŋgənt ju neiz, ku v^holtti tikkis k^hodad jārā palānəD 'kaugelt ju ba nägi, et kõik majad on ära põlenud (Särkkä 1969 : 101).

E k s t s e s s i i v i käsitlevad ka P. Ariste (1960: 145-161) ja P. Alvre (1987 : 3-13) lühiuurimused. Nende arvamus ekstsessiivi ja selle päritolu kohta läheb mõneti T. Särkka omast lahku.

E. Vääri doktoriväitekirjas "Algupärased tuletussufiksid liivi keeles" käsitletakse muude hulgas ka adverbisufikseid, millest enamik sisaldab varasemate käänete lõppudest pärinevaid elemente ning on säilitanud seetõttu käändefunktsiooni. Vaatluse all on: 1) varasemast instruktiivist tuletatud ih-sufiksiga instruktiivadverbid (Vääri 1974 : 146-149), 2) essiivilõpust pärineva n-sufiksiga tuletatud koha-, viisi- ja ajaadverbid (Vääri 1974 : 158), 3) ekstsessiivilõpust kujunenud n-ja nd-sufiksiga aja- ja kohaadverbid (Vääri 1974 : 159), 4) latiivilõpust pärineva h- ~ hš-sufiksiga suunda väljendavad latiivadverbid (Vääri 1974 : 160), 5) latiivist pärinevad z ~ zš-lõpulised adverbid (Vääri 1974 : 160), 6) väliskohakäändelõppudest pärinevaid elemente -lš, -l ja -ld sisaldavad koha-, aja- ja viisiadverbid, (Vääri 1974 : 151, 152, 157), 7) instruktiivist pärineva -n ja possessiivsufiksi liitumise teel tekkinud viisi-, koha- ja ajaadverbid (Vääri 1974 : 163). Sama on publitseeritud ka kogumikus "Tõid eesti filoloogia alalt" IV (Vääri 1974a : 109-117).

Liivi keele käändeid puudutavad oma uurimustes ja artiklites veel mitmedki kaasaja keeleteadlased, nagu E. Vääri, P. Ariste, K. Kont, E. Pajusalu, K. Kross jt.

Liivi keele käänetele on lehekülgi pühendatud mitmetes õppevahendina tunnustust leidnud üldsoomeugrilistes uurimustes (Хайны 1985 : 109; Laanest 1975 : 89-112, 116; Основн II 1975 : 48-59, 62). NSVL rahvaste keeli käsitlevas kogumikus leidub E. Vääri koostatud lühiülevaade liivi keele grammatikast, sealhulgas ka vormiõpetusest (ЯН III 1966 : 138-154).

Lõpuks pakuvad huvitavat materjali käändefunktsioonide uurimiseks kõik liivikeelsed trükised (ülevaadet neist vt. Vääri 1970) ning uurijate (E. Vääri, T.-R. Viitso, P. Ariste jt.) aastatepikkuse töö tulemusena laekunud rikkalik käsikirjaline ja lindistatud materjal.

Valmimas on T.-R. Viitso uurimus käändtüüpidest.

K i r j a n d u s

A l v r e P. On the Baltic-Fennic Dative (with special reference to the Liv language)//CÖV 1967. N 3. Lk.171-181; A l v r e P. Ekstsessiivi probleemene//FU, 1987. Nr. 14. Lk. 3-13; A r i s t e P. Ekstsessiivist laanemere keeltes//ESA. 1960. Nr. 6. Lk. 145-161; B e r g m a n n von G. Das Gebeth des Herrn oder Vaterunser Sammlung in hundert zwei und funfzig Sprachen, Ruken, 1789; B ö r g e r L. J. Versuch über die Alterthümer Lieflands und seiner Völker besonders der Letten. Riga, 1778; J a n n a u von H. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten und die Mittel einer allgemeinen ehstnischen Schriftsprache zu gelangen/ Beiträge zur genauern Kenntniss der ehstnischen Sprache. Pernaui, 1828. XIX. S. 1-218; J ü r g e n s o n D.H. Ueber die Entstehung der beiden Hauptdialecte der Esthnischen Sprache. Dorpat-Leipzig, 1840. S. 19-25, 43. (VGEG;I); K e t t u n e n L. Hauptzüge der livischen laut- und formengeschichte. Helsinki, 1947; K e t t u n e n L. Die Herkunft des Terminativs, Genitivs, Instruktivs und Komitativs / Suomalaisen Tiedeakademian Toimituksia. Helsinki, 1956. 49 lk.; K e t t u n e n L. Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung / Lexica societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1938. V; K r u s e F. Ur-Geschichte des Esthnischen Volksstammes und der Kaiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland überhaupt, bis zur Einführung der christlichen Religion. Moskau-Leipzig, 1846; L a a n e s t A. Sissejuhatus laanemeregoome keeltesse. Tln., 1975. 239 lk.; M a g i s t e J. Eritä liivilaisia possessiivisuffiksien jaännöksia//Virittäjä. 1928. 32. vihko. Lk. 285-287; P o s t i L. Grundsätze der livischen Lautgeschichte / Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1942. LXXXV; S c h l ö z e r A. L. Gesammelte Nachrichten von den Ueberresten der Liven in Livland und Kurland. M. Johann Joseph Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland II. Riga-Leipzig, 1770. Lk. 343- 380 (Haigold=Schlözer). S e t ä l a E.N. Yhteissuomalainen aanehistoria. Helsinki, 1899. I-II vihko; S i v e r s de F. Le dativ en live // Donum Balticum. Stockholm, 1970. Lk. 495-500; S a r k k a T. Itämerensuomalaisten kielten ekssiivi / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 291. Helsinki, 1969; W i e d e m a n n F.J. Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften II. St. Petersburg, 1861; V a a r i E. Alguparased tuletussuffiksidi liivi keeles: Disa filoloogiatead. dr. tead. kraadi taotlemiseks. Tartu, 1974. Kasikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus; V a a r i E. Liivi keele suffiksiste uurimine // TRÜ Toimetised. Tartu, 1974. 323 vihk; Toid eesti filoloogia alalt IV. Lk. 109-117. V a a r i E. Liivi keele uurimise ajalooost // ESA. Tln., 1959. nr. 5. Lk. 190-225.

Х а й д у П. Уральские язмки и народи. М., 1985. Стр. 109; Язмки народов СССР: Финно-угорские и самодийские язмки. М., 1966. Том III. 463 стр.; Основы финно-угорского язмкознания. М., 1975. Том II. 343 стр.

Tiina K u k k
(Tartu)

DIE BEHANDLUNG DES KASUS DER LIVISCHEN SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Artikel behandelt die Geschichte des Kasus der livischen Sprache.

Die ersten livischen Sätze finden wir im Werk von Schlözer (1770). Aus diesen Sätzen Schlözers kann man 6 Kasus herausgliedern: Nominativ, Genitiv, Partitiv, Inessiv, Lativ und Allativ.

Im ersten livischen Text von Bergmann "Das Vaterunser" können wir mit 7 Kasus hinweisen: Nominativ, Genitiv, Partitiv, Inessiv, Elativ, Allativ und Adessiv.

Die erste Kasusparadigma der livischen Sprache wird von Jannau vorgeschlagen. Er unterscheidet in dieser Sprache 4 Kasus: Nominativ, Dativ, Akkusativ, der seiner Form nach mit Nominativ zusammenfiel, und Allativ.

In Kruse's livischen Sätzen kann man 5 Kasus feststellen: Nominativ, Akkusativ, Partitiv, Lativ und Elativ.

Die wissenschaftliche Untersuchung der livischen Grammatik ist mit Namen von Sjögren und Wiedemann verbunden. Im Jahre 1861 wurde ihre fundamentale Arbeit "Livische Grammatik nebst Sprachproben" I-II herausgegeben, die für die wissenschaftlichen Forschungen der Nachfolger als Basis gedient hat.

Das nächste bedeutende Werk, das die livische Morphologie behandelt, ist "Livisches Wörterbuch mit grammatischer einleitung" von L. Kettunen (1938).

Маргарита Кузнецова

(Тарту)

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние годы в марийском языкознании большое внимание стало уделяться изучению лексико-семантических, терминологических и тематических групп слов.

Зоонимическая терминология как отдельная тематическая группа слов марийской лексики системному анализу еще не подвергалась. Имеются, конечно, этимологии некоторых названий как диких, так и домашних животных, но они разбросаны по разным источникам и не обобщены. Как известно, изолированное изучение слов не всегда результативно и не позволяет иногда правильно судить о происхождении слова. А.-Р. Хаузенберг отмечает, что "лексические богатства языка исчерпываются наилучшим образом все же тематическими исследованиями (Хаузенберг 1972 : 6).

С животным миром связана вся жизнь человека. А для финно-угорских народов, вступивших на историческую арену как охотничье-рыболовецкие племена, они имели жизненно-необходимое значение.

Для правильной этимологизации зоонимов существенно знать географическую распространенность животного, выраженного данным зоонимом. Авторы книги "Животный мир Марийской АССР" (1984), характеризуя его современное состояние, указывают, что животный мир Марийского края формировался постепенно из представителей фауны различной древности. На территории края обитает 64 вида млекопитающих, 181 вид гнездящихся птиц, 6 видов пресмыкающихся, 11 видов земноводных и 46 видов рыб (Ефремов, Корнеев, Русов 1984 : 12). 19 видов млекопитающих принадлежат к широко распространенным, это еж, кутора, бурозубки, летучие мыши, хомчк, ласка, горностаи, выдра, волк, лиса и некоторые другие. Редкими стали медведи, барсук, хорь, летяги, тушканчик.

В настоящее время ведутся работы по акклиматизации норки, песца, чернобурой лисицы, бобра, соболя.

Следует подчеркнуть, что некоторые названия животных исчезли из современного марийского языка в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий. Исчезновение лексем зоонимической терминологии связано с воздействием человека на окружающую среду, переменной природных и климатических условий, истреблением животных вследствие злоупотребления охотой и т. д., а также с религиозными верованиями — наложением табу на многих промысловых зверей. В марийском языке для обозначения зайца, являющегося одним из самых распространенных зверьков края, имеется около 30 наименований, как кадыр йод, кугу шинча, кучик поч, нуркайык, нуртага, чак пылыш, шайык шинча и т. д. (ММ 1926, МРС 1956, МСМ 1986). Название медведя в большинстве финно-угорских языков имеет также табуистическое происхождение, потому и термины для его наименования самые разнообразные (ср. эст. кагу, удм. гондыр, морд. ов-то, мар. маска).

Авторы книги "Животный мир Марийской АССР" (1984) отмечают, что к концу XIX века на территории Марийской республики полностью уничтожены северный олень, выхухоль, бобры. По-видимому, и соболи. Норвежский исследователь Н. Витсен, приезжавший в Москву в 1664—67 г.г. для ознакомления с жизнью и бытом уральских народов, в главе о марийцах пишет, что они для перевозки грузов как зимой, так и летом использовали в основном оленей, а соболи шкуры применялись марийцами при религиозных обрядах (Witsen 1975). О том, что в наших лесах водились соболи, указывают и сохранившиеся в памятниках письменности XVIII—XIX веков марийские варианты названия этого зверя думуж, думзо, думшо, думыш, думуз, лунзо. Ф. И. Гордеев выводит праформу в виде общемарийского *думузо (*думузо) и считает, что это слово образовалось в результате контаминации двух самостоятельных слов: 1) мар. лум 'снег' (фин. lushi, морд. лов 'тх'; 2) *озо (*узо) 'хищный зверек с пушистым мехом' (Гордеев 1985 : 8).

Из названных выше 64 видов млекопитающих некоторые не имеют параллелей в современном марийском языке (см. мышовка, полевка, ондатра). Другие передаются одним обобщающим названием (см. ночница, ушан, вечерница, нетопырь Натузисуса, кошаны, объединяемые в класс "летучих мышей", в марийском языке имеют лексему касвичыраңге или водовичыраңге). Половозрастные разграничения из диких животных имеют в основном

только крупные. Эти различия передаются лексемами узо 'са-
мец', ава 'самка', иге 'детеныш', например: ава маска 'мед-
ведица', озо маска 'медведь', маска иге 'медвежонок', иге-
маска 'медвежонок второго года'.

Наиболее полно названия диких и домашних животных от-
ражены в словаре В. М. Васильева (ММ 1926). Здесь автор
приводит по возможности все бытующие параллельные названия
как из лугового, восточного, так и горного наречий марийс-
кого языка. Но не всегда четко прослеживается дифференциа-
ция названий животных, особенно маленьких диких зверьков.
Например¹: стр. 169 "пушара, Упша шашке дечат утларак -
маленький зверек, издающий сильный противный запах" (ср. МРС
1956 : 491 'хорь-вонючка'); стр. 259 "шашке - выдра? Вуд
комат, вуд шашкат уло, шем шашке, Жошкар шашке лиеш" (ср.
МРС 1956 : 696 шашке 'норка'); стр. 317 "Йыпар, пеш чот Уп-
ша - зверек меньше бурундука, серый как мышь, живет в лесу"
(ср. МРС 1956 : 163 Йыпар 'выхухоль').

В "Марийско-русском словаре" (Москва 1956) зоонимиче-
ская терминология представлена уже и названиями экзотичес-
ких зверей, проникшими в марийский язык в недавнем прошлом
непосредственно из русского языка.

Не всегда верно даны переводы названий животных и в
"Русско-марийском словаре биологических терминов" (Балдаев
1983). На стр. II под термином 'бурозубки' имеются два пе-
ревода: шурланге Л, цымьни Г. В современной литературной
норме горного наречия данное слово встречается только в
словосочетании кидем цымьни качкеш 'на моих руках появились
цыпки' (Саваткова 1981 : 187). В ряде случаев автор предла-
гает свои собственные варианты перевода, в основном кальки
с русского (стр. 23 двугорбый верблюд 'кок пугыран верблюд';
стр. 86 снежная коза 'лум каза' и т. д.).

В "Этимологическом словаре марийского языка" (т. I-II,
Гордеев 1979, 1983) даны этимологии 20 названий домашних и
диких животных, из которых 7 являются прямыми заимствования-
ми из русского языка, как выхухоль, бурундук, бобр, барс,
барсук и т. д. Остальные в основном возводятся к туркским
языкам.

Хорошим подспорьем при анализе зоонимической терминологи-
и являются двуязычные словари по отдельным наречиям и го-

¹ Примеры приведены в точном соответствии по словарю
В. М. Васильева. В скобках даны современные варианты пе-
ревода из "Марийско-русского словаря" (Москва 1956).

ворам марийского язкка. Так, в "Словаре северо-западного наречия марийского язкка" (Иванов, Тужаров 1971) зарегистрировано 51 название животных, в "Словаре горного наречия марийского язкка" (Саваткова 1981) - 65 наименований. Н. И. Исанбаев, разбирая лексические особенности белебеевского говора, приводит в приложении материалов для регионального словаря 18 зоонимов, отличающихся от современной литературной нормы и заимствованных в основном из татарского, башкирского или русского язкков (Исанбаев 1986 : 147-204).

Анализу зоонимической терминологии в марийском язккознании посвящены две статьи.

Статья М. Калямшина "Зоонимы в марийском язкке" (1983) рассматривает исторические пласты названий животных в марийском литературном язкке, принципы их номинации и способы образования. Автор дает здесь этимологию слова коля 'мышь', которую выводит из турецких язкков, и анализирует составные зоонимы с компонентом коля. Некоторые положения автора, касающиеся этимологии отдельных животных, являются спорными.

Работа В. Васильева "Пол и возраст в марийских зоонимах" (1986) посвящена характеристике поло-возрастных особенностей названий животных в марийском язкке. Используя сравнительно-исторический метод, автор прослеживает развитие геронимии пар домашних животных, а также употребление специальных лексем-разграничителей, как ава 'самка', узо 'самец', иге 'детеныш'.

Исторический путь развития лексики марийского язкка тесно связан с историческими этапами распада уральского праязкка, поэтому в марийской лингвистической литературе стало уже традиционным выделять лексику уральского, финно-угорского, финно-пермского, финно-волжского праязкков и собственно марийскую, хотя в определении данных исторических эпох среди финно-угроведов имеются и некоторые разногласия (Серебrenников 1985 : 10-21).

Марийский народ никогда не жил изолированно. Занимая небольшую территорию по обе стороны Средней Волги, самого оживленного торгового пути, марийцы вступали в тесные контакты как с финно-угорскими, так и с тюркоязычными и другими народами. Все это способствовало тому, что в лексике марийского язкка существует довольно большое количество заимствованных слов, вошедших из разных источников.

Благодаря изучению лексики с помощью сравнительно-исторического метода в общем словарном фонде финно-угорских язк-

ков даны и этимологии отдельных зоонимов. Эти зоонимы свидетельствуют нам о том, что в эпоху уральского праязыка их носители были знакомы, например, с такими животными, как заяц: *nowa-lä > мордЭ нумоло, мордМ нумол, коми ñimel (современный марийский вариант: мебан Л, морен Г); о л е н ь *poša > саам. boaso, удм. пужей, коми пех, мар. пучб; с о б о л ь: *ñukée > эст. puigis 'куница', мар. лумук.

Прафинно-уграм были известны е х: *šije-le > эст. sil, мар. шыл Г, шош Л; л а с к а: *ka'wa или *ka'wa > саам. ka'pt 'самка', манс. kal 'ласка' (мар. колай-ос); л и с а: *gerä(se) > фин. gero, эст. gebane, мар. ривыж; м ы ш ь: *šije-ge > фин. hiiri, эст. hiir (марийский вариант коля); с о б а к а: *pene > фин. peni эст. peni, мар. пий, пи.

К лексическому пласту финно-пермского происхождения относятся б е л к а: *oga > фин. ogava, эст. ogav мар. ур; б о б р: *maja > фин. majava, мор.Э мияв, мия, удм. мий (мар. умдыр) (ОБУЯ 1974 : 404, 416-417, 428-429).

Из данных этимологий шесть являются общими и для марийского языка. Кроме перечисленных выше названий к финно-угорскому периоду относят мар. шашке 'норка'. Хаузенберг пишет: "В. Кипарский (Kiparsky, 58 и след.) поясняет, что к финно-угорскому названию норки восходят только мар. šäške и фин. häähkä < *šäskä. (У Хаузенберг шашке переводится словом 'выдра' - примеч. авт.)." Г. Березки также сопоставляет только марийские и финские слова (Березки 92). Тойвонен (Toivonen, FUF XXI, 98 и XIX, 132) приводит к этим названиям параллели из самодийских языков (цитируется по Хаузенберг 1972 : 51). Бурундук, мар. урымдо также считается словом финно-угорского происхождения, ср. удм. урдо 'бурундук', коми орда.

И. С. Галкин к финно-волжскому лексическому слову относит мар. нерге 'барсук' и сравнивает с фин. mägga 'тх', кар. mägg (Галкин 1986 : 30). Б. А. Серебrenников в свое время также высказал предположение о связи мар. нерге 'барсук' с фин. mägga 'тх'. М. Мосин связывает этимологию морд. нерьгас 'барсук' с мордЭ нер, мордМ нярь, имеющими значения клык, рило, морда, острие, нос. Выводит финно-угорскую праформу в виде *nǝrǝ и производными от него считает фин. nirkko, эст. nirk 'ласка', кар. luminirko 'горноста́й', мар. нерге 'барсук' (Мосин 1975 : 79, 1979 : 78). В. Соколов, разбирая происхождение названия барсука в удмуртском языке, приводит его

древнее наименование нарды (см. также мар. нерде ММ 1926 : 137) и пишет, что "по Ю. Вихману (правда, под вопросом) и И. Шебештьен слово имеет общеуральское происхождение (сохранилось в марийском, удмуртском и самодийских языках)" (Соколов 1969 : 211). Возможно, марийское нерге 'барсук' имеет уральское происхождение, но для окончательного вывода нужны еще более глубокие этимологические изыскания.

Авторы учебника "Современный марийский язык. Лексикология" (1972) к словам, общим для родственных финно-угорских языков, относят также зоонимы шордо 'лось' (хант. суурти 'тж', манс. сурти 'тж'), луй 'куница' (манс. лайса), шурманше 'рысь' (СМЯЛ 1972 : 69).

И. С. Галкин мар. шурманше 'рысь' считает собственно монголизмом, ср. монг. сармагчин 'обезьяна' (Галкин 1986 : 63). Ф. И. Гордеев также разбирает это слово (Гордеев 1985 : 123), выводит древнемарийскую форму в виде *сорманкс (*сорман + словообразующий суффикс -кс + слогообразующий гласный -е) 'рысь'. Приводит параллели саам. согта, сигта 'волк', юрак. satmik 'тж', сельк. saugem 'дикий зверь', коми сер, лтв. шатшо 'дикая кошка; горноста́й', шатшоуш 'ласка', лтш. sagulis 'тж', др.-в.-нем. batso 'горноста́й' и делает вывод, что данный зооним в финно-угорских языках является индоевропейским заимствованием. А. И. Попов пишет: "Фонетическая и смысловая близость отдельных слов в соседствующих друг с другом диалектах и языках, даже неродственных, весьма своеобразные "капризы" так называемой "народной этимологии", извилистые пути распространения слов, часто охватывающие весьма обширные языковые территории, и многие другие обстоятельства создают такую сложную картину образования и истории слов, что применение приемов восстановления исходной единой "праформы" слова становится невозможным и бесполезным." (Попов 1957 : 6).

Г. Берецки подчеркивает, что в финно-угорских языках имеется богатая общая терминология для названий диких животных, особенно пушных зверей. По результатам его исследований в марийском языке для наименования млекопитающих и рептилий имеется 19 терминов финно-угорского происхождения, из которых общих с коми языком 10, с удмуртским - 10, с мордовским - 9 (Берецки 1957 : 7-8).

Как уже отмечалось выше, словарный состав современного марийского языка с точки зрения своего происхождения делится на исконную и заимствованную.

Займствованиа в лексике марийского языка занимают значительное место. Наиболее древними считаются слова индоевропейского происхождения, проникшие еще в период финно-угорской общности. Что касается зоонимической терминологии, то слова, восходящие к праиндоевропейским и праиндоиранским, кроме мар. ривых 'лиса', авест. roarīsch 'лиса, шакал', осет. рувас 'лиса' (Галкин 1986 : 39), не встречаются.

Среди заимствованных слов марийского языка принято выделять следующие группы - иранские, тюркские и русские. Иранскими заимствованиями в марийском и в других финно-угорских языках занимались П. Аристе (1978 : 3-9), Ф. И. Гордеев (1967 : 180-203; 1985), Д. Е. Казанцев (1980 : 90-119, 1985) и некоторые другие. Из зоонимов заимствованным от абашевцев Д. Е. Казанцев считает слово удыр 'крот', авест. udre 'вмдра' (Казанцев 1985 : 64). М. Калямшин признает его собственномарийским словом и связывает с глаголом удыраш 'разгребать' (Калямшин 1983 : 60). Мягисте считает, что если для объяснения одного и того же слова имеются два варианта, один - на базе родного языка, а другой - заимствование, то предпочтение следует отдать первому (Mägiste 1962 : 39). Можно предположить, что данный зооним в марийском языке носит описательный характер.

Марийцы в основном были окружены финно-уграми, но на юге и юго-востоке, начиная с VII века, появились хазары и болгары. Особенно большое политическое и экономическое влияние на народы Прикамья и Среднего Поволжья, в том числе и на марийцев, оказала Волжская Булгария. Историки утверждают, что марийцы жили недалеко от столицы Булгарии, поддерживали с ними тесные торговые контакты. "В арабских источниках X-XI вв. неоднократно подчеркивалось важное значение пушным в торговле болгар. Абу-Хамид ал-Гарнати, посетивший Волжскую Булгарию в 1135-36 гг., отметил, что в области Арв охотятся за бобром, горностаем и белкой. Оттуда вывозят прекрасные шкурки бобра" (История МАССР 1986 : 36).

В начале 30-х годов XIII в. в Поволжье появились монгольские орды, которые в 1236 г. разгромили Волжскую Булгарию, образовали новое государство - Золотую Орду, и марийцы оказались в зависимости от монголо-татарских завоевателей, впоследствии под игом Казанского ханства вплоть до присоединения Марийского края в XVI в. к Российскому государству.

Этот краткий исторический экскурс свидетельствует о том, что тюркоязычные народы на протяжении многих веков оказывали

определенное воздействие на марийцев, и следы его, конечно же, отразились в лексике. Но нельзя утверждать, что это влияние было односторонним, и нельзя согласиться с мнениями отдельных тюркологов о том, что "мари ... отюркизировали свой язык настолько, что число так называемых чувашских и татарских заимствований даже в современном марийском языке поражает нас своим обилием (Федотов 1965 : 52; Егоров 1985 : 61-62). На зоонимическую терминологию болгары не оказали сколь-нибудь значительного влияния. В марийском языке имеется всего небольшое количество болгарских заимствований. Относительно чувашизмов мы можем сказать, что локальное лексическое влияние имело место и в последующие годы, но это никоим образом не отразилось на зоонимах.

Тюркские заимствования в марийском языке исследованы достаточно подробно. Изучением их занимались Рясянен (Räsänen 1920, 1923), Федотов (1965, 1968), Лукоянов (1974), Гордеев (1973 : 9-53, 1985), Исанбаев (1978 : 3-50, 1979а : 42-90, 1979б : 5-41; 1980а : 127-147, 1980б : 148-177; 1986 : 147-204), Галкин (1986) и некоторые другие.

М. Рясянен в марийском языке выделяет 500 чувашизмов и приблизительно 650 татаризмов. Пишет, что турки, как животноводческие племена, во многом явились учителями марийцев в области животноводства и особенно коневодства (Räsänen 1923 : 95-96).

М. Р. Федотов заимствованными из чувашского языка зоонимами считает мар. умдыр 'бобр', тѹе 'верблюд', пушара 'хорек', арлан 'хомяк', арслан 'лев' (Федотов 1968). В качестве заимствований чувашами из марийского он приводит лексемы: сунд. морен, морян, меран < мар. морен, меран 'заяц'; верх. паши, тат. пши < мар. пучы, пучо 'олень'. Лукоянов кроме этого признает марийскими заимствованиями также зоонимы ӓтӓр < мар. удыр 'крот'; шашкӓ < мар. шашке 'норка' (Лукоянов 1974 : 55-56).

В. Г. Егоров (1964) чув. ӓтӓр 'выдра' выводит из индоевропейских языков. Финно-угорскими заимствованиями, по его мнению, являются только зоонимы паши 'олень' и шашкӓ 'норка'. Остальные названия животных, которые имеют параллели в марийском языке, возводятся им к тюркским языкам, ср. ис 'горноста́й', хӓнтӓр 'бобр', пӓсара 'хорек', йӓпар 'выхухоль', ардан 'хомяк' и т. д.

Подробная общая характеристика тюркских заимствований дана И. С. Галкиным (1986 : 46-59). Опираясь на этимологиче-

ские изыскания марийских лингвистов, исследователей по другим финно-угорским языкам, а также тюркологов, к болгарским заимствованиям из зоонимов он относит арлан 'хомяк', пушара 'хорек', умдир 'бобр'. Авторы учебника по лексикологии современного марийского языка болгарским считают также слово Ймпар 'выхухоль' (СМЯЛ 1972 : 81).

Татарскими заимствованиями признаются пире 'волк', яллык 'зверь'.

Отдельную группу зоонимов составляют названия, заимствованные из русского языка. Из истории известно, что марийско-русские контакты начались еще в XI веке. Русским заимствованиям в марийском языке посвящена монография А. А. Саватковой (1969), см. также статью А. Н. Кукулина (1978 : 51-59).

А. А. Саваткова считает, что заимствование из русского языка началось задолго до падения Казанского ханства, но более интенсивный характер оно приняло с середины XVI века (Саваткова 1953 : 5). Из зоонимической терминологии к русским заимствованиям она относит следующие слова: комак 'хомяк', русак, пурсак 'заяц-русак', росомах, рошамах 'росомаха', овеЙзан 'обезьяна', кйрис Г 'крмса', крольык 'кролик', звир, звер 'зверь' (Саваткова 1969).

Г. Берецки также придерживается мнения, что влияние русского языка на марийский началось в основном только с XVI века. Русские заимствования приняли участие в звукопереходе $s(z) > \check{s}(\check{z})$, как, например, рожамак, рошамак, рошомах 'росомаха' < рус. 'росомаха'. По Берецки русским заимствованием является и зооним маска 'медведь' < рус. 'мишка'. Но здесь наблюдается обратный переход $\check{s} > s$. Г. Берецки пишет, что это явление характерно не только для русских заимствований, но примеры с подобным переходом имеются и в татарских, и в чувашских заимствованиях (Вегескй 1968 : 73).

Из всего вышесказанного следует, что названия животных представляют собой весьма разнообразную и интересную с точки зрения происхождения тематическую группу слов в марийском языке. Но как мы видим, данная группа исследована недостаточно. Зоонимы рассматривались только в качестве примеров при анализе общефинно-угорской лексики и заимствований. Все имеющиеся этимологии животных разбросаны по многочисленным источникам. Некоторые из этих этимологий не являются убедительными, происхождение их неясно и требуют более глубоких этимологических изысканий, как, например, маска 'медведь',

коля 'мышь', мераф 'заяц', шурманше 'рысь' умдыр 'бобр' и т. д.

Как уже отмечалось, нет определенной последовательности, четкого разграничения названий животных и в словарях по марийскому языку (см. шанке, которое переводится в одном источнике как 'выдра', в другом как 'норка').

Доскональное изучение зоонимов помогло бы глубже понять историческое прошлое марийского народа, обогатить историческую лексикологию марийского языка, внести ясность в целом в зоонимическую терминологию.

С о к р а щ е н и я н а р е ч и й м а р и й с к о г о я з ы к а

Д - луговое наречие; Г - горное наречие марийского языка.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а - щ е н и я

А р и с т э П. 1978, Прибалтийско-финские и иранские контакты // Труды по финно-угроведению У, Тарту. С. 3-9; Б а л д а е в Х. Ф. 1983, Русско-марийский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола; Б е р е ц к и Г. 1957, Финно-угорские элементы в лексике марийского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Ленинград; В а с и л ь е в В. Н. 1986, Пол и возраст в марийских зоонимах // Марийская филология, Йошкар-Ола. С. 94-101; Г а л к и н И. С. 1986, Марий исторический лексикологий, Йошкар-Ола; Г о р д е е в Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола. С. 180-203; 1973, О татарских лексических заимствованиях марийского языка // Вопросы марийского языкознания Ш, Йошкар-Ола. С. 9-53; Г о р д е е в Ф. И., 1979, Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, Т. I; 1983. Т. II; Историческое развитие лексики марийского языка, Йошкар-Ола, 1985; Е г о р о в В. О. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары; Е г о р о в Н. И. 1985, Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований, Москва. С. 55-66; Е ф р е м о в П. Г., К о р н е е в В. А., Р у с о в Ю. Н. 1984, Животный мир Марийской АССР, Йошкар-Ола; И в а н о в И. Г., Т у ж а р о в Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола; И с а н б а е в Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола. С. 3-50; 1979а, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола. С. 42-90; 1979б, История изучения татарских заимствований в марийском языке // Там же. С. 5-41; 1980а, Татарские лексические заимствования и их типы // Труды МарНИИ, вып. 43, Йош-

кар-Ола. С. 127-147; 1980б, Проблемы разграничения татаризмов от заимствований из других языков // Там же, Йошкар-Ола. С. 148-177; 1986, Лексические особенности белебеевского говора (с приложением материалов для регионального словаря) // Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола. С. 147-204; История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986, Т. I; К а з а н ц е в Д. Е. 1980, К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древне-марийский язык // Труды МарНИИ, вып. 43, Йошкар-Ола. С. 90-119; 1985, Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола; К а л я м ш и н М. М. 1983, Зоонимы в марийском языке // Вопросы марийской ономастики IV, Йошкар-Ола. С. 56-66; К у к л и н А. Н. 1978, Русские лексические заимствования в красноуфимском говоре / Вопросы марийского языка. С. 51-59; Л у к о я н о в Г. В. 1974, Марийские заимствования в чувашском языке, Чебоксары; ММ = Упимарий (В. М. Васильев). Марий мутер, Москва, 1926; М о с и н М. В. 1975, Мордовские этимологии // СФУ. № 2. С. 79; 1979, Финно-угорская лексика (мордовско-прибалтийско-финские лексико-семантические общности и расхождения // Финно-угристика, вып. П, Саранск. С. 65-81; МРС = Марийско-русский словарь. Москва, 1956; МСМ = М у с т а е в Н. Е. Марий синоним мутер, Йошкар-Ола, 1986; ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974; П о п о в А. И. 1957, Из истории лексики языков Восточной Европы, Ленинград; С а в а т к о в а А. А. 1953, Русские заимствования в горном наречии марийского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Москва; 1969, Русские заимствования в марийском языке, Йошкар-Ола; 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола; С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1973, К этимологии некоторых марийских слов // Вопросы марийского языкознания III, Йошкар-Ола. С. 54-56; 1985, Существовала ли финно-волжская языковая общность // Вопросы языкознания, № 2. С. 10-21; СМЯЛ = К а з а н ц е в Д. Е., П а т р у ш е в Г. С. Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972; С о к о л о в С. В. 1969, О некоторых русских названиях птиц и животных в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Май-июнь 1969, Йошкар-Ола. С. 210-212; Ф е д о т о в М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми, Чебоксары. Ч. I; 1968; Чебоксары. Ч. II; Х а у з е н б е р г А.-Р. 1972, Названия животных в коми языке, Таллин.

B e g e s z k i G. 1968, Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum. Helsinki 23.-28. VIII. 1965. Pars 1, Helsinki. S. 70-76; M a g i s t e J. 1962, Ostseefinnische und wolgafinnische etymologische Betrachtungen. T. 2 / Commentationes Balticae VIII/IX, 4, Bonn; R a s ä n e n M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen / MSFOu XLVIII, Helsinki; 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen / MSFOu L, Helsinki; Witsen 1975 = Witsens Berichte über die uralischen Völker (Aus dem Niederländischen ins Deutsche übersetzt von Tibor Mikola) / Studia Uralo-Altaica VII, Szeged. S. 1-13.

M. K u z n e c o v a
(Tartu)

ZUR FRAGE DER GESCHICHTE DES STUDIUMS
DER TIERNAMEN IM MARISCHEN
Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden die Arbeiten behandelt, in denen die Tiernamen der marischen Sprache etymologisiert sind. Im Anfang des Artikels gibt der Autor einen kurzen Überblick über die gegenwärtige Tierwelt der Marischen Republik. Es sei zu unterstreichen, daß der größte Teil der Tiernamen ihrer Herkunft nach finnisch-ugrisch sind. Die anderen wurden aus den indo-iranischen, türkischen Sprachen und aus dem Russischen entlehnt.

Die Tiernamen sind als eine thematische Gruppe des marischen Wortguts noch nicht dem einheitlichen etymologischen, morphologischen und semantischen Analyse unterworfen. Es gibt darum viele Unklarheiten, Streitfälle in der Etymologie einiger Tiernamen, die tiefere Erforschungen brauchen.

Маргарита Кузнецова

(Тарту)

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ коля В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В составе марийской лексики зоонимическая терминология занимает определенное место. В данной тематической группе особо можно выделить названия грызунов. Среди млекопитающих этот отряд является самым богатым как по количеству видов, так и по численности представителей. Только на территории Марийской АССР распространены 27 видов грызунов, в том числе семейство мышей представлено 15 видами (Животный мир Марийской АССР 1984 : 57-58). Роль мышевидных грызунов в природе и хозяйственной деятельности человека весьма разнообразна. С одной стороны, они - злостные вредители сельского хозяйства и источник многих опасных болезней человека и сельскохозяйственных, с другой - многие из них являются основным кормом ценных пушных зверей.

В марийском языке обобщающим термином для названия мыши является слово koła Л - kala Г. В словарях по марийскому языку, как рукописных, так и печатных, отечественного издания и зарубежных, встречается этот же вариант. Несколько иное фонетическое оформление данное слово имеет в словаре М. Силаши: kalā 'мышь', взятое им из "Первоначального учебника Русского языка для горных черемис" (Казань, 1892). Но он в дальнейшем приводит и лексему koła - kala, где перечисляет также сложные слова с этим компонентом (Szilavi 1901 : 65, 86).

Как известно, среди остальных финно-угорских названий мыши марийское коля стоит обособленно (ср. фин. hiiri, мордм шеер, мордэ чеерь, чеверь, коми, удм. шыр, венг. egér 'мышь' < *šine-re ≅ алт.: ср. зынк. šinerokan, hijerokan и т. д. (ОФУЯ 1974 : 416) > доперм. šire 'мышь' (КЭСЯ 1970 : 326, Хаузенберг 1972 : 130). Поэтому в финно-угорско-ведческой литературе отсутствуют работы, в какой-то мере

затрагивающие этимологию зоонима коля. Марийские языковеды в свое время также обходили этот термин стороной (см. Гордеев 1983 : 185, где, разбирая слово вудколя, компонент коля оставляет в виде kälä, kolä 'мышь'). Правда, имеются две статьи, в которых название этого зверька подвергается этимологическому анализу. В. Васильев в своем сообщении "К истории названия птицы колегуш" (Йошкар-Ола 1979) вскольз замечает, что первая часть названия птицы имеет финно-угорское происхождение, и делает ссылку на ОЗУЯ 1974 : 416 (Васильев 1979 : 171).

Более подробную этимологию коля дает М. Калямшин в статье "Зоонимы в марийском языке" (Йошкар-Ола, 1983). Он считает, что слово это заимствованно из тюркского языка: kälä-muš 'крыса, мышь полевая' (узб. kälämüsh, кирг. kälämüsh, гаг. kälämä siran 'суслик, полевая мышь', тур. gələni 'крыса'). Приводит слова А. Шербака о том, что данный зооним состоит из двух компонентов: kälä + muş (Калямшин 1983 : 59).

Напрашивается вопрос: через посредство какого языка - болгарского, татарского или башкирского - данное слово заимствовано марийцами от турков?

В "Древнетюркском словаре" (1969) дано слово kelägy 'разновидность полевой мыши' (ДТС : 296). В татарском и чувашском языках подобного слова со значением мышь или семантически близкого к нему нет. В татарском данный термин звучит тычкан 'мышь' (РТС : 340), в чувашском - шăши (РЧС : 319).

Обычно древнетюркское *ä в большинстве случаев в чувашском дает ä, который в марийском языке соответственно передается ä Г - ä Л. В татарских и башкирских заимствованиях гласный ä (< общетюрк. *ä) во всех случаях в марийских диалектах имеет соответствие ä Г - ä Л: nästä - наста 'вещь, дело' (ср. тат. nästä, тур. nästä) (Грузов 1969 : 98-99). Иногда отражением тюркского *ä в марийском языке является е: кевйт 'магазин, лавка' < каз. kibet, Радл. kebet 'лавка', тоб. kibit, уйг. käbit (Räsänen 1923 : 35). Придерживаясь тех известных фонетических закономерностей, характерных для чувашских и татарских заимствований в марийском языке (см. Räsänen 1920, 1923; Wichmann 1924; Грузов 1965, 1969; Исанбаев 1979), древнетюркское слово kelägy или тюркское kälä должно было дать в марийском языке kälä ~ kalä или kelä, но не kaälä ~ koälä. Поэтому возведение мар. коля 'мышь' к тюркским языкам кажется сомнительным, хотя семантически значения данных слов совпадают.

Е. Сетяля в свое время опубликовал очень интересный материал об этимологии мифологических слов в финно-угорских языках (Setälä 1912 : 170-289). Первым рассматриваемым им словом является фин. koljo 'финно-угорское подземное существо'. В современном финском языке оно означает 'дух, злой дух, вызывающий или причиняющий заболевание; злой дух, нечистая сила' (NS : 452). Второе значение - 'исполинное, громадное существо'. Сетяля с фин. koljo связывает эст. kolj 'чучело, пугало; в детской речи - 'вредное насекомое (животное), паразит'; удм. kil, которое по словарю Мункачи (данные приводятся по Сетяля - МК) означает: 1) 'тяжелая болезнь; заразное инфекционное заболевание'; 2) 'злой дух, который распространяет тяжелые заболевания, живет в заброшенных местах и требует от людей всевозможные жертвы'. Из записей Вихманна kil - 'лихорадка; горячка, тиф; холера, эпидемия'; зырян. kul по Видеманну - 'черт, злой дух; водяной, водяное божество'; манс. по Каннисто: сосвь. xul'-ñtər (ñtər 'господин, князь') - 'владыка ада; это тот, кто вызывает болезни и убивает людей'. Ему приносили жертву только в случаях эпидемии какого-нибудь заболевания, уносящего с собой жизни многих людей. У пелымских манси встречается слово kulñäiər 'судья ада, дьявол'. На Средней Конде kuññäiər имеет значение 'нечистый дух' и является своего рода ругательством. На северной Пелымке kul - 'черт', по другим данным - 'лесной дух, убивающий людей'. Манс. kul 'черт' как по своему значению, так и по широте распространения является, по мнению Сетяля, зырянским заимствованием (Setälä : 176).

В хантыйском языке финскому koljo соответствуют варианты kõl, kõl, kul, kõl, k'õl, kõl 'дьявол, водяной', одновременно и ругательство; xyn 'эпидемия, чума; разг. 'зараза', которое семасиологически совпадает с манс. xul. По Карьялайнену оно имеет следующие формы и значения: xen 'злой дух', kñ 'болезнь, эпидемия', xñc'ampə 'темный (о лесе), xñc'əs 'лицо дьявола'. Хант. xñ имеет черный рот, куда он проглатывает людей и прикосновением краешка своей одежды или рукава заражает людей болезнью (Setälä : 178).

Венгерское слово hagyma 'чумная, страшная болезнь, зараза, лихорадка', современное значение 'тиф, сильный жар', Сетяля сравнивает с вышеприведенными словами. Первая часть его совпадает с фин. koljo. Венг. gy возникло из первоначального спиранта j, который в свою очередь развился из

li: li > i > ky, ср. венг. negy 'четыре' и фин. neljä 'тх' (Setälä : I81). Второй компонент также имеет параллели в остальных родственных языках со значением 'болезнь, как расплата умершего'. В целом, венгерское слово hagymas является по своему происхождению древним и означает оно 'болезнь, приносимую подземным существом в качестве наказания'.

В заключение Сетяля пишет, что все приведенные выше слова означают финно-угорское божество, которое жило под землей или в озерах и приносило людям различные заболевания.

Останавливаясь на происхождении данного слова, Сетяля сравнивает его с прагерманским *haljo, догерманским *koliā 'подземное', имевшем широкое распространение в индоевропейских языках. Но, — как подчеркивает Сетяля, — было бы очень смело утверждать о финно-угорском слове по исчезнувшему в индоевропейском названию *koljo 'дух ада'. Фин. koljo могло возникнуть и на финно-угорской почве (Setälä : I82-I83).

Уже Якобсон (данные приводятся по Joki 1973) был против мнения Сетяля об индогерманском происхождении данной группы слов в финно-угорских языках, так как здесь имеются значительные семантические различия, и кроме того он подчеркивает, что в индогерманском языке следует исходить из слова с начальным палатальным *k̑ или *k'.

По Покорному (цит. по Joki 1973 : 99-100) индогерманская праформа должна была выглядеть в виде *k̑oliā, *k̑eliā *k̑elā 'сокрытие, укрытое место, тайник' < *kel- 'прятать, скрывать' (IEW 553-554).

Тойвонен (SKBS II : 210-211) приводит этимологию, данную Сетяля, без изменения, но сомневается, что фин. koljo можно сравнивать с названными Сетяля словами из других финно-угорских языков, и что оно имеет индогерманское происхождение. Авторы "Краткого этимологического словаря коми языка" этимологию слова куль (кулль) 'бес, черт' дают в соответствии с этимологией Сетяля и считают, что оно является индоевропейским заимствованием. Выводят праформу в виде *kolja 'злой дух' (КЭСКОЯ : I75).

А. Йоки пишет, что финские варианты kolja, koljo, koljuma являются частично дескриптивными и частично, возможно, возникли под влиянием имени Goliath, и что они не имеют соответствий ни в одном из финно-угорских языков, кроме саам. káijja 'большая прямая сосна без веток', где данное слово является заимствованием из финского языка (Joki 1973 : 99-100).

Еще Б. Коллиндер в свое время дал этимологию фин. koljo, считая его словом финно-угорского происхождения (FUV : 90). Финно-угорскую праформу *kolja для данной группы слов выводит и К. Реден (UEW : 173-174). Но только параллели из саамского и венгерского языков, по его мнению, являются сомнительными: саам. kalja из-за его семантической отдаленности, а венг. hagy : hagyvas 'высокая температура; тиф' он считает непрозрачным для этимологизирования данной группы слов.

Для венгерского hagy имеются две этимологии (см. MNY TESz П : 18). Первая возводится к угорской праформе *kyncsz со значением 'часто болеть, сильно страдать; лихорадка'. Вторая связывается с фин. koljo и выводится из финно-угорской основы *kolja.

Мягисте, рассматривая происхождение эстонского слова kolj, -i, сомневается в том, что его можно связать с финно-угорской основой *kolja. По его мнению, в эстонском можно было бы исходить и из koolja 'мертвый' > kolj и koolu 'смерть' > kolu-, kollu с первоначанием 'дух мертвого, мертвый человек и т. д.' (EEW : 917).

Несмотря на такие противоречивые мнения, все же весьма заманчиво связать мар. kola ~ kalá с фин. koljo. В семантическом плане переход: подземное существо, распространяющее различные заболевания → название болезни → животное, распространяющее эти заразные заболевания - вполне закономерен. В силу этого говорит и тот факт, что у марийцев по народным поверьям мышь является созданием нечистой силы, дьявола. Подтверждением отрицательного отношения предков марийцев к мышам служат сохранившиеся в памятниках письменности молитвы, заклинания, приметы, обряды (см. Раазонен 1939 : 54, 67; Веке 1931 : 58, 67; Holmberg 1926 : 42-43). До сих пор у марийцев существует поверье, что, если у человека после обеда на языке появляются болячки, то он съел нечто такое, что успело побывать в зубах у мышей. С тем, чтобы нанести человеку порчу, в своих колдовских целях дохристианские марийцы также использовали мышей.

Не только у марийцев, но и у зырян, и у удмуртов мышь является нечистым, вызывающим бедствия животным. Зыряне, например, если мышь попадала в сосуд, выкидывали ее вместе с сосудом (Fuchs 1924 : 240-242).

Название мыши используется у марийцев и как ругательство. В горном наречии существует фразеологизм роккаля кеок

'чтоб ты провалился сквозь землю; сгинь с глаз моих'.

Рамстедт в словаре к "Bergtscheremissische Sprachstudien" приводит слово sär 'дух, злой дух', которое выступает также в качестве компонента в pörtšär 'домовой' (Ramstedt 1902 : I28, см. также Саваткова 1983 : I24). sär можно связать с названиями мыши в родственных финно-угорских языках (см. стр. I), и отсюда можно также предположить, что финно-угорское название мыши в марийском языке закрепилось за мифологическим словом 'дух, злой дух', а наоборот слово, означающее финно-угорское подземное существо, распространяющее заразные заболевания, в марийском по аналогии перешло к названию мыши.

Что касается фонетической стороны сравниваемых слов, вопрос может возникнуть в отношении а Г СЗ ~ о Л В, т.к. по фонетическим закономерностям здесь после к должен выступать гласный заднего ряда, в данном случае лабиально-велярный о. (Финно-угорский *о в большинстве пермских слов перешел в и, что касается удмуртского варианта ki'i, то i здесь более позднего происхождения, восходит к общепермскому *и (см. Лыткин 1970 : 27, ОФУЯ 1974 : I65).

По установившейся традиции в звукосоответствии а Г СЗ ~ о Л В первоначально принято считать а Г, т.к. в остальных родственных языках здесь выступает гласный а. Но среди финно-угроведов нет единого мнения о происхождении данного соответствия. Ю. Вихман, Э. Итконен считают, что диалектное соответствие а ~ о исторически восходит к древнемарийскому а (Wichmann 1924 : 32-53, Itkonen 1954 : I49-345), М. Ряснен и Э. Беке возводят к древнемарийскому о (Räsänen 1920, Beke 1935 : 66-84). Выводы М. Ряснена и Э. Беке основываются на чувашских заимствованиях, поэтому "... гласный о лугового и восточного наречий в словах, имеющих корреспонденцию а ~ о, следует признать вторичным, возникшим на почве марийского языка, соответственно горно-марийский и северо-западный а является древнейшим" (Грузов 1965 : I05). Отсюда следует, что вариант ка́а должен считаться исходным в марийском языке. Но имеется немало случаев, когда марийский звукопереход а ~ о соответствует *о-ряду в финно-угорских языках, например: Йангыж ~ Йоньж 'тетива' - фин. jousi, joutsii; шапи ~ шопш 'катушка, шпулька' - саам. suorvet; анзыл - ончыл 'передний' - фин. otsa; цама ~ чома 'жеребенок' - фин. sonni; анчем ~ ончем 'смотрю' - фин. osoittaa и т. д. Э. Итконен объясняет их случайным переходом из *о-ряда в а-ряд

(Itkonen 1954 : 251).

Прауральское сочетание консонантов *-lj- почти во всех родственных языках вызвало палатализацию l', ср.: фин. neljä, neli-, эст. neli (nelja-), саам. nelje, nielje, nälje, мордЭ ñile, мордМ ñile, мар. nəl, nəl, nil', удм. ñil', коми ñol', nul', хант. nəɟə, ñəllə, ñəl, ñel, манс. ñili, ñələ, ñilä, венг. négy 'четыре' < ф.-уг. основа *neljä. Подобное явление наблюдается и в сравниваемых выше словах: фин. kolja, koljo, эст. koili, мар. kol', удм. kił', коми kuł', хант. kəɟ', kəɟi', kəɟl, kəɟl', манс. xuı', kuı', венг. hagy < ф.-уг. основа *kolja (Alvte 1985 : 48-49).

Как видно, конечный гласный в большинстве слов отпал, но его отпадение не относится к глубокой древности. В финском варианте koljo o является словообразовательным суффиксом, восходящим в свою очередь к деминутиву -oi (ср. kolja + i > koljoi > koljo), в эстонском языке li > li (Mägiste 1928 : 189-190). В марийском слове koia a можно рассматривать как финно-угорское наследие и как вторичное, образованное уже на марийской почве, как считает Э. Итконен, т. к. для прамарийского была характерна редукция конечного гласного в двусложных словах. Поэтому a, по его мнению, здесь является суффиксальным образованием (Itkonen 1946 : 233). Но при словообразовании и изменении данной лексемы a везде сохраняется. Хорошо известно также, что ф.-уг. *a в исконных марийских словах широко бытует в непервых слогах. Его сохранению могло способствовать и то, что по сравнению с другими гласными a является самым интенсивным и способным перетягивать на себя ударение. Возможно, влиянием ударения и палатальной гармонии гласных, характерной уже для финно-угорского праязыка, можно объяснить a в первом слоге горного варианта kaia.

В целом, как подчеркивает Р. А. Будагов, при изучении истории слова важным является не только когда возникли эти слова и термины, но и что они обозначали в разные эпохи и у разных народов (Будагов 1971 : 64). Это подтверждает и развитие финно-угорского слова *kolja с первоначальным значением 'подземное божество, распространяющее различные заболевания' в родственных финно-угорских языках.

Сокращения диалектов
марийского языка

Г - горный, Д - луговой, СЗ - северо-западный, В - восточный

Литература и ее сокращения

Будагов Р. А. 1971, История слов в истории общества, Москва; Васильев В. Н. 1979, К истории названия птиц колегуш // Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола. С. 171-172; Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка, Йошкар-Ола. Т. II; Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола; 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола; Ефремов П. Г., Корнеев В. А., Русов Ю. Н. 1984, Животный мир Марийской АССР, Йошкар-Ола; ПТС = Древнетюркский словарь, Ленинград, 1969; Исанбаев Н. И. 1979, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола. С. 42-90; Каляшин М. 1983, Зоонимы в марийском языке // Вопросы марийской ономастики, вып. 4, Йошкар-Ола. С. 56-67; КЭСКИЯ = Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва; ОЗУЯ = Основы финно-угорского языкознания, Москва, 1974; РТС = Русско-татарский словарь, Казань, 1971; РЧС = Русско-чувацкий словарь, Москва, 1951; Саватков А. А. 1983, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола; Хаузенберг А.-П. 1972, Названия животных в коми языке. Таллин.

Alvgrén P. 1985, Uurali keelte ajaloolise fonetika harjutusülesanded ja materjalid (konsonantühendid), Tartu; Веке Ö. 1931, Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde, Oslo; 1935, Zur lautgeschichte der tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen // FUF XXIII, Helsinki. S. 66-84; Fuchs D. 1924, Beiträge zur kenntnis des volksglaubens der syrjänen // FUF XVI, Helsinki. S. 237-274; FUV = Collinder B. Fenno-ugric vocabulary. An etymological Dictionary of the Uralic Languages, Stockholm, 1955; Holmberg U. 1926, Die Religion der Tscheremissen // FF Communications 61, Helsinki; Itkonen E. 1946, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // FUF XXIX, Helsinki, S. 222-337; 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, Helsinki. S. 149-345; Jokki A. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen // MSFOu 151, Helsinki; Magiste J. 1928, oi-, ei- deminutiivid laanemeresoome keeltes, Tartu; EEW = Magiste J. 1982, Etnisches etymologisches Wörterbuch, Helsinki; MNY TESz = A maguar nyelv történeti-etimológiai szótára II. Budapest, 1970; NS = Nykysuomen sanakirja I. Helsinki, 1978; Paasonen H. 1939, Tscheremissische Texte. Herausgegeben von Paavo Siro / MSFOu LXXVIII, Helsinki; Ramstedt G. 1902, Bergtscheremissische Sprachstudien // MSFOu XVII, Helsingfors; Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen / MSFOu XLVIII, Helsinki; 1923, Die tatarischen lehnwörter im

tscheremissischen / MSFOu L, Helsinki; S e t ä l ä E. 1912, Aus dem gebiet der lehnbeziehungen // FUF XII, Helsinki, S. 161-289; S z i l a s i M. 1901, Cseremisiz szótár (Vocabularium Ceremissicum), Budapest; SKES = T o i v o n e n Y., I t k o n e n E., J o k i A. Suomen kielen etymologinen sanakirja II. Helsinki, 1959; UEW = R é d e i K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lief. II. Budapest, 1986; W i c h m a n n Y. 1924, Die türkischen lehnwörter im tscheremissischen // FUF XXI, Helsinki. S. 32-53.

Margarita K u z n e c o v a
(Tartu)

ZUR ETYMOLOGIE DES MARISCHEN WORTES kola
Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel wird die Etymologie des Wortes koĭa 'Maus' gegeben. In der marischen Sprache gibt es zwei Versionen über die Entstehung dieses Wortes. Der einer nach hat koĭa finnisch-ugrische Herkunft und wird aus dem Wort *kaδwa abgeleitet (s. Vasiljev 1979), nach der zweiten Version ist es eine türkische Entlehnung (s. Kaljamschin 1983). Nach der Meinung des Autors geht das Wort auf den finnisch-ugrischen Stamm *kolja zurück mit der Urbedeutung 'eine unterirdische Gottheit, die verschiedene Krankheiten unter den Menschen verbreitete'.

Галина Некрасова

(Сыктывкар)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ Д-ОВЫХ
ПАДЕЖЕЙ КОМИ ЯЗЫКА

О. Д-овые падежи коми языка образуют систему из II функциональных единиц*, каждая из которых обусловлена грамматическим строем коми языка и реализует определенные семантические отношения. Большинство рассматриваемых падежей многозначно. Поэтому в пределах всей падежной системы, а также внутри своей группы они обнаруживают между собой функциональные взаимосвязи и перекрещивания. Это проявляется прежде всего в реализации разными падежными формами идентичных отношений.

Объектом исследования данной статьи является рассмотрение функциональных корреляций в системе д-овых падежей коми языка.

Выделяются две разновидности корреляций: 1) собственно языковые, т. е. корреляции д-овых падежей, встречающиеся во всех диалектах и литературном языке, 2) междиалектные, т. е. корреляции д-овых падежей, проявляющиеся лишь в одном диалекте или же при функциональном сопоставлении систем данных падежей разных диалектов.

И.О. К первому типу корреляций следует отнести прежде всего генитив и аблатив в посессивной функции. Данное явление в коми языке характеризуется регулярностью во всех диалектах. Поэтому при реализации значения посессивности генитив и аблатив выступают в качестве грамматических синонимов, проявляя различие лишь в позиции употребления форм. Сферой функционирования аблатива является позиция при переходных глаголах перед прямым объектом: Тайӧ магнитӧй фре-

* С учетом приблизительноместных падежей, см. Некрасова 1985.

зыс ... и тшквдіс Павеллысь вылиник часісѢ (Юш. П : 53) 'Этот магнитный фрез ... и испортил новенькие часы Павла', Тувсов вынѢн пѢлтыѢм Мылва кыскис Миколлысь пыжсѢ Печорань (Дор. : 19) 'Разлившаяся (букв. раздутая) силами весны Мылва несла своим течением лодку Миколы в сторону Печоры'.

В отличие от аблатива употребление атрибутивного генитива отмечается преимущественно при номинативной словоформе: БурильщиклѢн первой отсасысьсѢ кувалдаѢн и сулаліс ... (Юш. П : 51) 'Первый помощник бурильщика с кувалдой и стоял ...; А батьѢлѢн кокис менам дорысь на иджд. (Дор. : 30) 'А ноги моего отца еще больше моих', при постпозиционном положении атрибута: ВѢлмыс и телегамс смылѢн вѢлі туй вылн нин седокѢс виччысьѢ (Дор. : 35) 'Его лошадь и телега уже на дороге поджидали седока', а также при распространенном типе определений: КѢнкѢ сэні жѢ, вылмыс радзясас кмліс петукъяслѢн чирѢм гѢлѢсѢн чуксасыѢм да аслмысьма котсыѢм шыѢн курѢгыясѢс чуксалѢм (Дор. : 16) 'Где-то там же, на верхних рядах слышалось пение петухов охрипшими голосами и зов кур своеобразным кудахтаньем'. Следует отметить, что генитив проявляет также синонимические отношения с номинативом. На синхронном уровне в результате влияния русского языка он начинает вторгаться в сферу употребления последнего, что квалифицируется как нарушение языковой нормы (Бараксанов 1964 : 52-56; 1986 : 20). Напр., СійѢ матыстчис начальниклѢн (→ начальник) пызан дорѢ ... (БК 1983 : 3) 'Он подошел к столу начальника ...'.

Употребление аблатива посессивной функции отличается также в удмуртском и коми-пермяцком языках. Напр. удм. М. Петровлысь "Вуж Мултан" романзы мон кыкетизы лыдаи ни 'Роман М. Петрова "Вуж Мултан" я прочитал вторично' (ГСУЯ : 95); кп. ВелѢта Мошевлысь челядысѢ 'Учу детей Мошева' (КПЯ : 185). Однако в других финно-угорских языках такое явление отсутствует, в них проявляется лишь вариация генитива и номинатива.

По мнению Б. А. Серебrenникова (1963 : 51), первоначальным ядром рассматриваемой семантико-синтаксической функции аблатива послужили конструкции типа *bošta mortliš ruht* 'возьму от человека нож', то есть значение отчуждаемой принадлежности. Постановка аблатива в приименную позицию привело к постепенной затухевке оттенка источника принадлежности, в результате чего происходила нейтрализация семи динамичности и проявление значения собственной принадлеж-

ти. Процесс возникновения нового значения обусловил позиционную реализацию. Выражая значение собственной принадлежности в начале только в позиции при переходных глаголах определенной семантической группы (глаголы отчуждения, взятия, восприятия), эта функция закрепляется и постепенно распространяется на другие семантические группы глаголов данного грамматического типа. Окончательная нормализация употребления аблатива в принадлежности значении происходит примерно к 19 в. В памятниках письменности 17–18 вв. нередко встречается смешение функций генитива и аблатива (Лыткин 1952 : II8; Кузнецова 1967 : I47). Причем в письменных текстах 17 в. наблюдается употребление генитива вместо аблатива, напр., *кыласныс горасѢ йэн пилэн* (совр. *пилысь*) 'услышат глас сына божьего', *ог корш ас гажѢс, чѣкѢ айлѢн гажѢс мѣнѢ ѡстыс'лѢн* (совр. *айлысь, ѡстысьлысь*) 'не ищу воли моя, но воли пославшего мя отца' (Лепёхинский текст, 17 в.) (Лыткин 1952 : II8), а в текстах 18 в. аблатив уже иногда вторгается в сферу функционирования генитива, напр., *бур вѣляис Исус Христослысь* (совр. *Исус ХристослѢн*) 'благодать Исуса Христа', *государыня миянлысь императрица вѣсна* (совр. *миян*) 'о государыне нашей императрице', в то же время имеют место случаи проявления генитива вместо аблатива: *гѣтырсѢ сылѢнѢ медѣ казѣтас* (совр. *сылысь*) 'супругу его да помянет' (Кузнецова 1967 : I47). По мнению З. И. Кузнецовой (там же), в основной своей массе эти два падежа в текстах 18 в. отмежевались друг от друга. Приведенные случаи смешения употребления она объясняет результатом дословного перевода церковнославянского текста, а также сохранением следов недифференцированного употребления двух принадлежностных падежей.

I.I. К собственно языковым функциональным корреляциям можно отнести также генитив и датив при выражении ими значения демиактивного лица, т. е. субъекта, действие или состояние которого представляется как вызванное внешними обстоятельствами, влиянием извне. Оба падежа могут реализовать несколько разновидностей данного значения.

I.I.I. Субъект дебитивного действия. Вариация генитива и датива проявляется в позиции при глаголах модальной направленности со значением необходимости, долженствования. Причем в корреляции участвуют только местоименные формы. Напр., *Менам* (\leftarrow *меным*) *колѢ котѣртны делянкаясѢ* (Юх. II : 87) 'Мне надо бежать на делянки', *КолѢма на сэки мыйѢ шуны*

менам (←→ меным), мед нин кутшвмкб помб воим (Юш. I : 8) 'Надо было мне еще тогда что-то сказать, чтоб уже к какому-то концу прийти'.

Обязательное употребление генитивной словоформы отмечается в конструкциях, в которых предикат представлен модальным глаголом долженствования + глагол давания (речи, созидания):

Менам колб тэныд сетны кык шайт 'Мне надо тебе отдать два рубля', тэнад колб меным висътавын ещб театрад ветлбм йылмь 'ты должен еще рассказать мне о посещении театра'.

Датив с рассматриваемым значением реализуется также в инфинитивных предложениях со значением долженствования, необходимости. Напр., Тэныд, пбжалуй, нинбмла тбдын ассыд вынтб (Юш. I : 2I) 'Тебе, пожалуй, незачем знать свою силу', и в конструкциях с глаголами повелительного наклонения 2 л. ед. ч., выступающих с оттенком необходимости. Напр., А ай сюзылы бни кыкбс нин верд, и дженъд пгид воймс сбмын сылбн (Юш. II : 7) 'А сове (самцу) теперь уже двоих корми, и короткая, светлая ночь теперь только у него'.

I.1.2. Субъект непроизвольного состояния, действия. Обе формы могут реализоваться при пассивно-возвратных глаголах с суффиксом -сь, выражающих непроизвольные, неуправляемые действия, совершающиеся вопреки воле и желанию субъекта. Напр., Мудабм ббрад чбскида и узьсис налбн (Тор. : I4) 'После усталости сладко и спалось им'. А Ильядн прбста эз эскыссы, мый докторла мунис буретш Вера (Юш. I : I50) 'А Илье просто не верилось, что за доктором поехала именно Вера'. При данных глаголах генитив и датив выступают в качестве грамматических синонимов, что проявляется в их взаимной трансформации и совместимости в структуре идентичных конструкции. Ср. Вералы (←→ Вералбн) эз терпитсы мавны Илья йылмь (Юш. I : 35) 'Вере не терпелось спросить про Илью', Мамб, тэ он узь? Оз узьсым меным. - Менам тай оз жб. (Кур. : 79) 'Мама, ты не спишь? Не спится мне. - Мне что-то тоже'.

Однако при глаголах с законченным характером действия употребителен только генитив (Ивлева [1984 : 7]: Стариклбн сэйсис жб нин (Тор. : 84) 'Старик уже тоже поел', Вот коркб сылбн и служитсис (Коми м. : 48) 'Вот когда-то он и отслужился'.

Датив с рассматриваемым значением реализуется также в конструкциях с предикативными словами, обозначающими внутреннее или внешнее состояние: Галина Сергеевалд бнттбб

кбдэмд лолі (Кур. : 72) 'Галине Сергеевне как будто холодно стало', ... и вблисти сылы неуна 'лои бытт'б л'бсьыдджк. (Дор. : 36) '... и наконец-то ему немножко стало лучше', с безличными глаголами, производными от прилагательных со значением внутреннего состояния: сылы неуна кокн'бд'с 'ему немного стало лучше', меным уджмс нин д'ш'бд'с 'мне работа уже надоела'.

Генитив в указанных позициях реализуется редко, только в диалектах. Напр., сс. Мэнам (скр. мэным) д'ш свад' бас'б вб'чн 'мне лень устроить свадьбу' (ССД : 41). В то время как в позиции при глаголах пассивной характеристики типа вунны 'забыть, забыться', бырны 'закончиться, иссякнуть', мынны 'освободиться, избавиться', артмыны 'получиться' данное субъективное значение выражается только формами генитива. Напр., Сыл'бн эз вун Вишкун Ласей ордса кабаламс (Юх. I : 137) 'Он не забыл (букв. у него не забылось) ту бумагу, находящуюся у Вишкун Ласея', Сар ныв бара на дивуйт'б, к'дзи н'б с'дзи арт'б салдатл'бн (Коми м. : 49) 'Царская дочь все еще удивляется, как так получается у солдата'.

1.1.3. Субъект потенциального действия. Обе падежные формы реализуются при глаголе модальной направленности позьны 'можно, быть возможным': Миянды тані д'ыр овны оз позь (Юх. I : 169) 'Нам здесь долго жить нельзя', Миян позь'б аски ветлыны в'бр'б 'Нам завтра можно сходить в лес'. Датив с данным значением встречается также в инфинитивных конструкциях с потенциальной модальностью: Он-'б верм'б вис'тавны, к'дзи меным колхоз'б п'рны (Юх. II : 124) 'Не сможете ли вы сказать, как мне (можно) вступить колхоз'.

В близкородственных удмуртском и коми-пермяцком, а также в большинстве других финно-угорских языков для выражения значений демиактивного лица используется датив-аллатив. Напр. удм. Одиг цехын ужамен Володялы мастерен котькуд нуналэ олокбня пол пумиськылоно луэ 'Работая в одном цехе, Володе приходится встречаться ежедневно с мастером по несколько раз' (ГСУЯ : 99), мар. Чынак вет, самырык удырлан бригадым вуйлаташ куштылгак огыл 'И в самом деле, молодой девушке нелегко управлять бригадой' (СМЯ : 66), морд. м. Лизанди ашель месьт тиендемс 'Лизе ничего не оставалось делать' (ГМЯ : 163), вод. mill'ž piäb mennä 'ich muß gehen' (Adler 1980 : 165) 'я должен идти'. В южных прибалтийско-финских языках в этих случаях употребляется адессив: юж. эст. sinul vajä einu ve-DäDe 'тебе надо возить сено' (Паусалу 1958 : 27), в финском

и водском языках — дативный генитив (ГФЯ : 77; Ariste 1948 : 23; Häsänen 1972 : 71-74).

Принято считать, что в употребление датива для выражения значения демиактивного лица возникло под влиянием индоевропейских языков, первичным и собственно финно-угорским является адессив (Пахсалу 1958 : 18; Алаве 1986 : 156).

2.1. Междиалектные корреляции проявляются в основном в окраинных диалектах коми языка, а именно: в лузско-летском и удорском диалектах. Так, например, в читаевском говоре лузско-летского диалекта зафиксировано употребление форм датива усилительно-личных местоимений в значении собственной и отчуждаемой принадлежности. При этом для выражения указанных значений параллельно используются соответственно также генитивная и аблативная формы: Мэ Л'убабс л'убита, аслым (дат.) мон'џс 'Я люблю Любу, свою невестку'; Пи соб олъ, аслыс (дат.) керкамн 'Сын живет отдельно, в своем доме'; Пыр аслыс (дат.) удж тџдис 'Он всегда знал свое дело'; ср. Аслам (ген.) н ан -солџн ола Лет 'Своим хлебом-солью живу'; Аслад (ген.) вџр-ванд муса 'Своя (родная) природа мила' (ЛЛД : 70); Асмыс (дат.) (наряду с асс мы (абл.)) йував 'спроси у него самого', Аслыным (дат.) н эм ог с этџ 'своего ничего не отдадим' (ЛЛД : 69).

Датив с аблативным значением представлен также в текстах письменных памятников 18 в. Напр., посяломо и любовсо быдџ мирлы мезослы корамџ 'мир и любовь всем мирам (людям) у господа просим', ми босьтимџ ... Христослы гусяко 'мы взяли ... у Христа тайну' (Кузнецова 1967 : 76, 85). Однако З. И. Кузнецова (1967 : 107, 115, 130, 133), ориентируясь на другие списки и смысл конструкции, восстанавливает в данных случаях аблатив (мезџслысџ, Христослысџ).

Следует отметить, что употребление датива при глаголах отнимания наблюдается в старославянском, древнерусском, а также в некоторых современных славянских языках. Напр., укр. одним людям шасте береги, а другим даруеш (Правдин 1956 : 52). Отсюда наличие датива в аблативной функции в памятниках письменности 18 в., видимо, можно объяснить дословным переводом церковных текстов со старославянского языка.

Возникновение такой разновидности датива А. Б. Правдин (1956 : 52) связывает с дательным адресата предоставления, давания. Действительно, языковые элементы вследствие асимметрии плана выражения и плана содержания могут приобретать новые, вторичные функции, в том числе имеет место нейтрал-

зация форм и использование языкового элемента в значении своего противочлена по парадигме (явление транспозиции) (Гак 1985 : 13-14).

Однако вряд ли можно вывести значение отчуждения непосредственно из значения адресата. Представляется более реальным его образование на основе притяжательного значения, которое могла реализовать дативная словоформа при прямом объекте в позиции с глаголами отчуждения. Показателен в этом отношении пример, данный в работе А. С. Сидорова (1950 : 390): Ставсб тбдны вблї колб: кодї бур да кодї лёк, кодї дядьлы юрсб вундїс, кодлы синсб перїис вок 'Все нужно было знать: кто хорош и кто плох, кто у дяди (дяде) голову снял, у кого (кому) его брат выколол глаз'. В данном предложении словоформа дядьлы может иметь двоякую интерпретацию: как лицо, от которого отчуждается предмет, и как лицо, которому принадлежал отчуждаемый предмет. То же самое можно сказать в отношении другой дативной словоформы. При этом вторая интерпретация легко выводится из значения адресата предназначенности. Поэтому процесс становления значения отчуждения датива можно представить как постепенное развитие значений: значение адресата предназначенности (А) → значение смежной принадлежности (→ собственной принадлежности) (Б) → значение отчуждаемой принадлежности (В). Отсюда употреблению языкового элемента в функции противочлена, видимо, предшествует семантическая нейтрализация: если А характеризуется знаком (+), В - (-), то признаком В выступают (+-).

Датив со значением собственной принадлежности в памятниках письменности не представлен, лишь в словаре Д. Фокоша-Фукса зафиксирован единичный пример из удорского диалекта: уд. *te olan aslid kerka in Ud 'du wohnst in deinem eigenen (besonderen) Zimmer'* (Fokos-Fuchs : 43).

Представляется возможным выделить датив с данным значением также в первых компонентах сложных слов типа аслыснога 'своеобразный', аслыспблбс 'своеобразный, оригинальный, специфический', аслыссяма, аслысруа 'своенравный, странный', аслыссыкас 'свойственный отдельным группам, явлениям, сортам, разнородный' (КРС : 27).

Большая часть перечисленных слов имеет варианты, в качестве первого компонента которых выступает притяжательное местоимение ас. Напр., асныра, 'норовистый, своенравный', асруа 'своенравный, своеобразный', ассяма 'тж'. Это свидетельствует о том, что при образовании определенной группы

сложных прилагательных местоимения ас и аслис могли выступать в качестве грамматических синонимов, реализуя при этом значение принадлежности.

Датив в посессивной функции регулярно выступает в венгерском языке: а gyermeknek а játékszere 'игрушка ребенка, а háznak а teteje 'крыша дома' (Майтинская 1955 : 130-131), в других финно-угорских языках он может реализовать лишь значение смежной принадлежности. Напр., ка. ... ме тэнид верней слуга лоя (Коми л. : 42) '... я тебе верной слугой буду', удм. со мыним племянник луэ 'он мне племянником приходится' (РУС : 833), мар. тудо мыланем родо лиш 'он мне приходится родственником' (РМС : 590).

2.2. К междиалектным корреляциям следует отнести также употребление аппроксиматива вместо консекутива каузальности. Данное явление зафиксировано только в удорском диалекте и, видимо, является диалектной инновацией. Примеры: уд. шоньгейланьс отис едді 'от солнца платок выгорел', валаньс кокб кынмас 'от сырости ноги мерзнут', шоньяньс нбшта висьмас 'с горя еще больше заболит' (ССКЭД : 465), ср. скр. Помидорйас тавис коткыл чемас -кулбмас жармсла 'Помидоры завяли от жары' (ПСД : 67).

Для выражения причины в финно-угорских языках используются разные падежные формы, в том числе и лативные падежи. Напр., фин. Et kissa kiroihin (илл.) kuole 'кошка от ругательств (букв.: в ругательства) не умрет' (Хакулинен 1955 : 207), бене. kuuda nāugha (илл.) 'умереть с голода' (Зайцева 1981 : 109).

3. Рассмотрение функциональных корреляций в системе д-овых падежей коми языка показало, что их общая картина характеризуется реализацией идентичных отношений преимущественно в условиях разных контекстов. Это объясняется тем, что каждая грамматическая единица в языке служит для выражения определенных семантических отношений. Частичное совпадение позиций отмечается в основном в диалектах и вызвано дальнейшим функциональным развитием грамматических единиц по своим внутриязыковым законам, а также влиянием соседних языков. В ряде случаев грамматическая синонимия падежных форм и их совместимость в одинаковом типе контекста ведет к постепенному вытеснению одного из формантов (см. напр., отношения датива и генитива при выражении значения демиактивного лица).

Отмеченные функциональные корреляции имеют типологические соответствия в некоторых других финно-угорских, а также славянских языках.

Сокращения языков и диалектов

вепс. = вепский яз., вод. = водский яз., кп. = коми-пермяцкий д., мар. = марийский яз., морд. м. = мокша-мордовский яз., скр. = присыктывкарский д., сс. = среднесольский д., уд. = удорский д., удм. = удмуртский яз., укр. = украинский яз., фин. = финский яз., юж. эст. = южно-эстонский д.

Литература и ее сокращения

А л в р е П. 1986, Беккер Э. Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора филол. наук, Томск, 1984. (Рец.) // СФУ ХХ. № 2. С. 154-157; Бараксанов Г. Г. 1964, Формирование языковых норм коми литературного языка, Сыктывкар; 1986; История коми литературного языка и проблемы языковой нормы. Сыктывкар / Серия препринтов "Научные доклады", вып. 158; Г а к В. Г. 1985, К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики, Москва. С. 5-15; ГМЯ - Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980; ГСУЯ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1972; ГФЯ = Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. Москва-Ленинград, 1958; Дор. = П. Дорони и Парма съблмын. Сыктывкар, 1968; За й ц е в а М. И. 1981, Грамматика вепского языка (Фонетика и морфология), Москва; И е в л е в а Т. М. 1984, Синтаксис глагола в коми языке (связь глагола с подлежащим и дополнением): Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва; Коми д. = Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984; Коми м. = Коми мойдыяс, сыланкывъяс да пословицаяс. Сыктывкар, 1956; КПЯ = Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962; КРС = Т и м у ш е в Д. А., К о л е г о в а Н. А. Коми-русский словарь. Москва, 1961; К у з н е ц о в а З. И. 1967, Язык письменных коми памятников 18 в.: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола; Кур. = К у р а т о в а Н., Бобнянь кбр. Сыктывкар, 1983; ЛЛД = Ж и л и н а Т. И., Лузско-летский диалект коми языка. Москва, 1985; Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь, Москва; М а й т и н с к а я К. Е. 1955, Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология, Москва; Н е к р а с о в а Г. А. 1985, О падежах на -лань(-) в коми языке // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1985. Вып. 690: Труды по финно-угроведению. Т. 12. С. 147-154; П а ю с а л у Э. 1958, Внешнетемные падежи в прибалтийско-финских языках (Функции падеже"). Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Таллин; П р а в д и н А. Б. 1956, Дательный прилагательный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения. Т. XIII, Москва; ПСД = Ж и л и н а Т. И., Б а р а к с а н о в Г. Г., Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. Москва, 1971; РМС = Русско-марийский словарь. Москва, 1966; РУС = Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956; С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва; С и д о р о в А. С. 1950, Синтаксис коми языка. Научный отчет (Архив Коми филиала АН СССР, ф. I, оп. II, ед. хр.

134), Сыктывкар; СМЯ = Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961; ССД = Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесольский диалект коми языка. Москва, 1980; ССКЗД = Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961; Тор. = Торопов И., Тян. Сыктывкар, 1982; Хакулинен Л. 1955, Развитие и структура финского языка. Ч. 2. Лексикология и синтаксис, Москва; Юх. I = Юхнин В. Албй лента. Сыктывкар, 1955; Юх. II = Юхнин В. Диньёльса вьрпункт. Сыктывкар, 1983; Юш. I = Юшков Г. Ловья лов. Сыктывкар, 1979; Юш. II = Юшков Г. Чурра. Сыктывкар, 1981;

Adler, E. 1980, Der dativische Genitiv im Wotischen // СФУ XVI. № 3, Tallinn. S. 101-106; Aristie, P. 1948, Vadja keele grammatika, Tallinn; Fokos - Fuchs D. R. 1959, Syrjanisches Wörterbuch. I, II, Budapest; Räsänen, S. 1972, Kainuun murteiden kaasussyntaksi, Helsinki.

Galina Nekrasova
(Syktyvkar)

FUNKTIONELLE KORRELATIONEN IM 1-KASUSSYSTEM DER KOMI SPRACHE

Zusammenfassung

Im System der 1-Kasus der komi Sprache gibt es zwei Typen der Korrelationen: eigentliche sprachliche Korrelation, die in allen Dialekten und in der Literatursprache vorkommt, und zwischendialektale Korrelation, die sich nur in einem Dialekt und bei der funktionellen Gegenüberstellung der 1-Kasus der verschiedenen Dialekte zeigt.

Zum 1. Typ gehören Genitiv und Ablativ in der possessiven Funktion, sowie Genitiv und Dativ in der agentiven Bedeutung.

Zum 2. Typ gehören Dativ, Genitiv und Ablativ für die Bezeichnung der verschiedenen Zugehörigkeitsschattierungen, sowie Approximativ und Konsekutiv für die Realisierung der kausalen Bedeutung.

Das gesamte Bild der funktionellen Korrelationen wird durch die Realisierung der identischen Beziehungen hauptsächlich in den Bedingungen der verschiedenen Kontexte charakterisiert. Das partielle Zusammenfallen der Positionen kommt in den Dialekten vor und ist durch die weitere funktionelle Entwicklung der grammatischen Formen ihren inneren Sprachgesetzen nach und durch den Einfluß der Nachbarsprachen hervorgerufen.

Вяйно Пойкалайнен, Энн Эрнитс
(Тарту)

К ОПИСАНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВООТКРЫТЫХ ФИННО-УГОРСКИХ
ПЕТРОГЛИФОВ НА БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Наскальное творчество принадлежит к ценнейшим источникам для изучения духовного мира первобытного человека. Доисторические наскальные изображения, т. е. петроглифы и писаницы на былых и теперешних территориях проживания финно-угорских народов служат содержательным объектом финно-угроведения. По мере распространения финно-угорских племен местонахождения наскального творчества протянутся от Сибири до Скандинавии: наиболее значительные из них находятся в Западной Сибири (на р. Томь), на Урале, в Карелии, на Кольском полуострове, в Восточной Финляндии, на севере Норвегии и Швеции. О необходимости взять в поле зрения финно-угроведения столь ценное наследие наших предков высказывались и многие крупные филологи, в том числе академики М. Кууси (Autio 1981 : 124) и П. Аристе (Rölli 1986 : 49). О возрастающем интересе к финно-угорскому наскальному творчеству свидетельствует, между тем, и включение трех докладов (Ю. Пентикяйнена, Ю. Савватеева и А. Столяра) в программу Международного конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 г.).

Расшифровка содержания "каменной книги" чрезвычайно трудна, требующая множества междисциплинарных знаний. Более того, трудности начинаются с отсутствия достоверных публикаций по некоторым местонахождениям. Так, например единственный каталог Онежских петроглифов (Равдоникас 1936) явно устарел: он содержит немало неточностей и, к тому же, охватывает лишь около половины всего материала, известного до сегодняшнего дня.

Петроглифы на восточном берегу Онежского озера близ дер. Бесов Нос открыл для науки консерватор С.-Петербургской академии наук, впоследствии профессор Тартуского университета К. Гревингк в 1848 году. С того времени до конца 1970-х годов в результате случайных находок и целенаправленных поисков общее количество Онежских петроглифов стало почти Ю-кратным.

В 1986 году группе Эстонского отделения Всесоюзного астрономического и геодезического общества, изучающей изображения небесных тел в наскальном творчестве, удалось от-

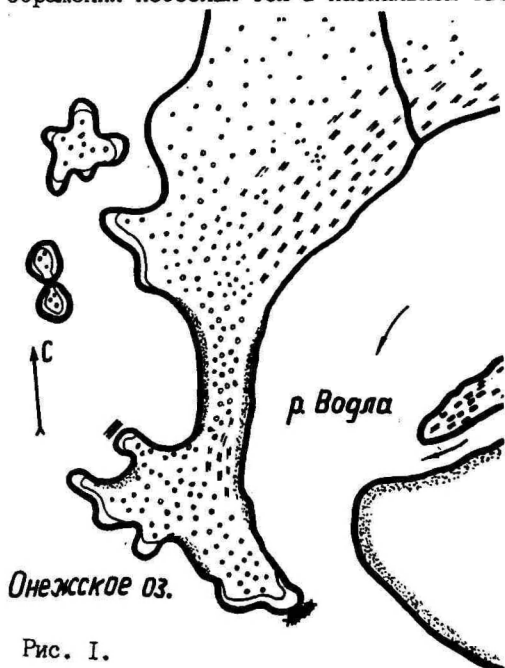

Рис. 1.

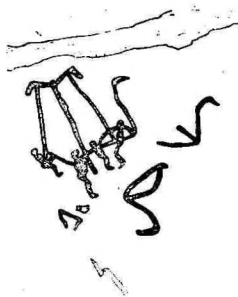

Рис. 2.

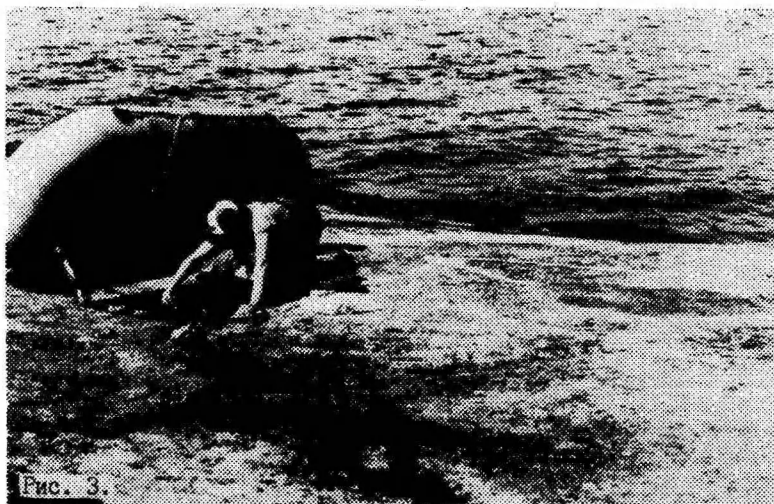
крыть ранее не известные рисунки примерно 1 км севернее от устья р. Водлы (рис. 1). Тогда было найдено 17 отдельных фигур на частично свободной от лишайников скальной поверхности, расположенной сравнительно высоко над уровнем озера. находка не вызывала бы особого интереса специалистов, если наряду с обычными контурными лебедями и оленями не нашлось совершенно уникальное изображение, названное первооткрывателями "чудесной мельницей". Она напоминает некий каркас, который состоит из трех вертикальных линий, покрытых сверху волнистой "крышей" и соединяющихся снизу ломаной линией (рис. 2). С ней сочетаются частично уничтоженные эрозией человекоподобные существа, будто бы носящие "каркас" или "висящие" на нем, и контурный лебедь. Верхняя часть изображения самого левого "человечка" сильно пострадало, поэтому не исключено, что вместо него содержится птица, обращенная головой вниз. В скоплении привлекает внимание ещё большая доля фрагментарных фигур, а также зверь с оленьей мордой и длинным хвостом.

Но этим новые находки не исчерпывались. В следующем

открыть ранее не известные рисунки примерно 1 км севернее от устья р. Водлы (рис. 1). Тогда было найдено 17 отдельных фигур на частично свободной от лишайников скальной поверхности, расположенной сравнительно высоко над уровнем озера. находка не вызывала бы особого интереса специалистов, если наряду с обычными контурными лебедями и оленями не нашлось совершенно

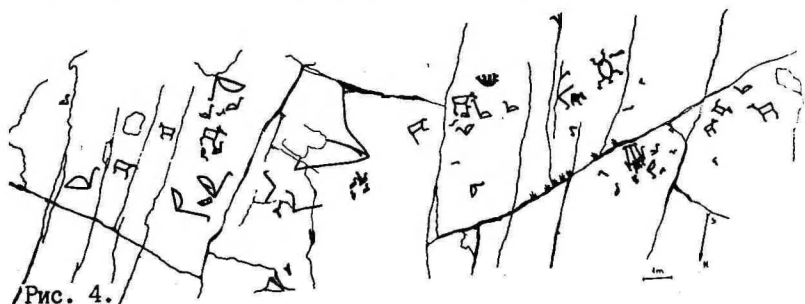
уникальное изображение, названное первооткрывателями "чудесной мельницей". Она напоминает некий каркас, который состоит из трех вертикальных линий, покрытых сверху волнистой "крышей" и соединяющихся снизу ломаной линией (рис. 2). С ней сочетаются частично уничтоженные эрозией человекоподобные существа, будто бы носящие "каркас" или "висящие" на нем, и контурный лебедь. Верхняя часть изображения самого левого "человечка" сильно пострадало, поэтому не исключено, что вместо него содержится птица, обращенная головой вниз. В скоплении привлекает внимание ещё большая доля фрагментарных фигур, а также зверь с оленьей мордой и длинным хвостом.

году членами той же группы было обнаружено, что они продолжают под лишайниками вдоль береговой линии, и даже выше по склону под слоем мха.

Тут была открыта крупнейшая фигура среди Онежских петроглифов: контурный лебедь, наибольший размер (т.е. от клюва до хвоста) которого составляет 4,1 м (рис. 3). К сожалению, часть его спинной линии уничтожена неосторожным костром. По нему, а также по преобладанию фигур лебедя мысок с новооткрытыми петроглифами был назван Лебединым носом.

Относительно большие размеры имеют и многие другие рисунки. Они нередко превышают один метр, что для Онежских петро-

глифов не совсем обычно (рис. 4). Из них пристального внимания заслуживает странная фигура женщины, т. наз. Шальской Венеры. Её ноги и трехпалые руки расставлены и в нижней части

овального туловища выбит треугольник (гениталии), а поза будто-бы указывает на лежащее положение фигуры (рис. 5).

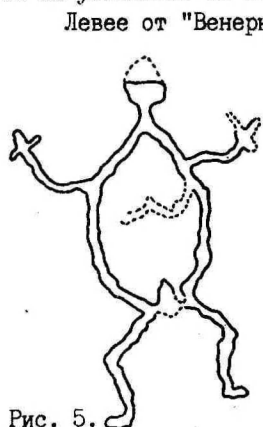

Рис. 5.

Левее от "Венеры" расположен ещё один необычный для Онежского региона петроглиф: лодка с двумя антропоморфными существами и каким-то отрогим предметом (дерево?). Она уникальна и тем, что имеет вогнутый корпус с высоким бортом и птичьей головой на носу (рис. 6). Следует отметить, что и у "Венеры", и у лодки не все детали одинаково четко прослеживаются из-за растёртости вследствие жизнедеятельности мхов. В лучшем состоянии другая фигура лодки с высоким бортом, находящаяся ближе к левому краю на скального полотна, между крупными контурными лебедями. В ней гребцы отсутствуют, а также украшение в носовой части, что не даёт уверенности в правильной идентификации её.

Рис. 6.

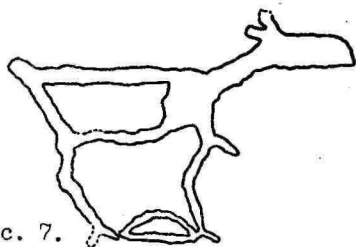

Рис. 7.

ломанный вид (рис. 7). В другом случае грудная конечность лося (оленья?) пронизывает туловище лебедя почти в середине.

Остальные петроглифы рассматриваемой группы (всего около 60 изображений), хотя заслуживающие внимания, имеют соответствия на других мысах Онежского региона. Кроме того, в югозападной стороне Лебединого носа было обнаружено меньшее

Среди более интересных петроглифов нового скопления следует отметить ещё две композиции по сторонам гигантского лебедя. На обоих изображениях фигура лося сочетается с лебедем. Привлекает внимание, что связка произведена посредством грудной конечности зверя. В одном случае большая часть ноги образует шею лебедя, причем и клюв птицы, и копытце животного чётко выбиты, а запястный сустав лося придает шее лебедя своеобразный

скопление с 13 петроглифами. Там преимущественно представлены контурные лебеди и части их тел. Можно отметить также безлюдную лодку с головой зверя (лося?), находящуюся над водой на узкой горизонтальной ступени отвислой скалы.

Выше 2/3 изображений большого скопления и все петроглифы (кроме лодки) малого скопления являются фигурами водоплавающих птиц и их фрагментов (чаще всего головы с шеей). Среди птиц преобладают лебеди, причем контурные. Силуэтно выбиты в основном относительно маленькие изображения, в т.ч. фигура птицы с длинными ногами и шеей, но коротким клювом (журавль?). При размещении петроглифов, по всей видимости, учитывали естественные щели в скальной поверхности, ибо заметно, что возникновение их предшествовало выбиванию петроглифов. Сказанному не противоречит и очевидная связь некоторых фигур (в частности, головы гигантского лебедя и шей птиц) с щелями, вероятно, как попытка первобытного человека указать на связанность их с подскальным миром. Такая же тенденция наблюдается и на других наскальных полотнах Онежского региона петроглифов (Poikalainen, Ernits 1987:180). Внимание привлекают особенности размещения зверей. Исключая вышеописанные гибридные изображения, олени (лоси) расположены или вместе с птичьими фрагментами, или на скальных поверхностях, изолированных друг от друга щелями, а фигура зверя поблизости лебедя-гиганта отличается сильной схематичностью.

В последние десятилетия при интерпретации содержания Онежских петроглифов наиболее перспективным считается направление, начатое В. Равдоникасом, согласно которому наскальное творчество отражает мифологическое мышление первобытного человека. Для исследований привлекают данные из фольклористики, мифологии, этнографии и археологии финно-угорских и других народов. При этом предполагается, что 1) развитие мышления в разных местах Земного шара подчиняется универсальным закономерностям, и 2) в течение тысячелетий проживания в аналогичных природно-хозяйственных условиях представления, обряды и др. имеют относительно постоянный характер.

Новые находки петроглифов на берегу Онежского озера сразу привлекли внимание ученых. Из них финский исследователь Э. Аутио считает, что "чудесная мельница", птицеголовая лодка и сочетания зверя с птицей ярче других свидетельствуют о существовании тотемических представлений у творцов рисунков (Autio 1987b:199). Изобилие фигур водоплавающих птиц, в частности лебедей, что является характерной чертой всего Онеж-

ского региона петроглифов, указывает на их чрезвычайно важную роль в мифологии древних прибалтийско-финских племен (см. Au-
tio 1987a).

По нашему мнению, "чудесная мельница" служила, по-види-
мому, некой ритуальной конструкцией. Она имеет частичное сход-
ство с одним из наскальных изображений в Швеции. В последнем
исследователи видят обрядный майский столб с качелями, причем
аналогичное изображение обнаружено и на стене древнеегипетско-
го храма в Луксоре (Ohlmark 1966:68,71). Майский столб, по
данным Покровской (1983:84), использовался при весенних риту-
алах, связанных с плодородием земли и женщин. Не исключено,
что использование подобной конструкции приурочилось к весенне-
му прилету лебедей. Внимание привлекают различный рост участ-
ников ритуала. Тут одним из возможных объяснений может быть:
"катающиеся" являются, по-видимому, молодыми людьми, а фигу-
ра, стоящая у центрального столба, представляет собой главу
ритуала (шамана).

Мотив женщины с лягушечьим телом имеет широкое распро-
странение, включая Америку, Австралию и Северную Евразию; его
связывают с культом плодородия, поскольку особенно часто ля-
гушки изображаются на женской одежде, используемой в свадеб-
ных и родильных обрядах (Маслова 1978:88). Ещё в доиндоевропей-
ской мифологии лягушка и жаба имели отношение к беременности
и рождению (Gimbutas 1974:177). Они имеют также лунный ха-
рактер (Cooper 1986:61). С другой стороны, поза роженицы или
лягушки свидетельствует о взаимной связи жизни и смерти (Кыз-
ласов 1986:215, 217). Трехпалость также является признаком
потустороннего мира. По-этому "Шальскую Венеру" (впрочем, од-
ним из атрибутов древнегреческой Венеры служила лягушка; Со-
о-
per 1986) можно сопоставить с Матерью-прародительницей или
Матерью земли. В этой связи представляет интерес лягушкооб-
разная лядоедка (видимо, тоже из потустороннего мира) Аччи из
саамской мифологии, относящаяся к Луне и считающаяся праро-
дителем всех диких оленей, лягушек и разных насекомых. Э. Ит-
конен (Itkonen 1960) сопоставляет её с хантыйским и др. ми-
фологическими персонажами, живущими в лесу или под землей.

Лодка с птичьей головой является, по нашему мнению, вы-
ражением комплекса Луна - потусторонний мир. На лунный харак-
тер лодки может указать его вогнутый корпус. Подобные лодки
(правда, с деревом и солярной символикой) представлены на ска-
лах и надгробных стелах Скандинавии. Их рассматривают как "це-
лую картину вселенной, неподвижная ось которой - мировое де-

рево - сопоставлена с движущимся вокруг срединного мира светилам". Сходные ритуальные корабли мертвых имеются также у индонезийцев (Петрухин 1978:152,154). Конечно, лодка Лебединого носа может выражать более ранние и примитивные представления такого же характера.

Петроглифы новооткрытых скоплений выбиты предками прибалтийско-финских народов. Точное время их создания, что дало бы некую опору для суждения за или против вышеприведенных интерпретаций, пока не известно. Для выяснения хронологии требуются работы по стратиграфии и подробному анализу наскальных рисунков, поиски возможных близлежащих археологических памятников. Некоторый свет тут, по всей вероятности, могут проливать ещё сбор и обработка топонимических данных и детальное изучение палеогеографии местности.

И л л ю с т р а ц и и

- Рис. 1. Схема расположения петроглифов в районе устья Водлы: открытое в 1970-е годы местонахождение, новооткрытое местонахождение на Лебедином носу.
- Рис. 2. "Чудесная мельница" с окружающими её петроглифами. Копия К. Пяртна, полученная на базе стереофотограмметрии.
- Рис. 3. Копирование гигантского лебедя. Фото А. Куперьянова.
- Рис. 4. Скопление рисунков в северной части Лебединого носа. Зарисовка К. Паюлуу, П. Теньеса и А. Куперьянова.
- Рис. 5. "Шальская Венера". По копии Э. Селисаара.
- Рис. 6. Лодка с вогнутым корпусом. По копии В. Пойкалайнена.
- Рис. 7. Сочетание лося и лебедя. По копии В. Пойкалайнена.

Л и т е р а т у р а

- Кызласов Л.Р. 1986, Древнейшая Хакасия, Москва;
- Маслова Г.С. 1978, Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник, Москва; Петрухин В.Я. 1978, О картине мира у скандинавов-язычников (По "памятным камням" V-XI вв.)//Скандинавский сборник, 23. Таллин, С. 148-166; Покровская Л.В. 1983, Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. Москва. С. 67-90; Равдоникас В.И. 1936, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Москва;
- A u t i o, E. 1981, Karjalan kalliopiirroksset, Helsinki;
- A u t i o, E. 1987a, Joutsen - karjalaisten pyhä lintu Aanisens kalliokuvissa // Karjalan Heimo, Helsinki, S. 70-75, 112-115; A u t i o, E. 1987b, Aanisens uusimmat kalliokuvallodot ja -nakumat // Karjalan Heimo, Helsinki, S. 199-200; Соопер, J.C. 1986, Lexikon alter Symbole, Leipzig; Гимбутас, М. 1974, The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 BC. Myths, Legends and Cultimages, London; Итконен, Е. 1960, Lappalainen haltijatarpari ja sen siperialainen vastike // Kalevalaseuran vuosikirja, Helsinki. S. 134-144 Ohl-

m a r k s, A. 1966, Hällristningar, Stockholm; P o i k a l a i n e n, V., E r n i t s, E. 1987, Aanisjarve kaljujoonised ja esivanemate loodusetunnetus // Eesti Loodus, Tallinn, Lk. 175-183, 253-258; P o l l u, K. 1986, Kunstiinstituudi kaheksa ekspeditsiooni. (Foto- ja joonistustesarja saateks) // Keel ja Kirjandus. Lk. 49-52.

Väino P o i k a l a i n e n, Enn E r n i t s
(Tartu)

ZUR BECHREIBUNG UND INTERPRETATION DER NEUENTDECKTEN
FINNISCH-UGRISCHEN PETROGLYPHEN AM UFER
DES ONEGASEES

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den Jahren 1986-1987 wurden am Ostufer des Onegasees 1 km nördlich vom Vodla-Strom zwei neuen Petroglyphengruppen entdeckt. Die gro ere Gruppe (insgesamt um 60 Figuren) enthält die unikalenen für diese Region Felsbilder: eine "Karkasse" mit Schwan und anthropomorphe Figuren, einen gigantischen Schwan und anthropomorphe Figuren, einen gigantischen Schwan (die Länge vom Schnabel bis zum Schwanz 4,1 m), eine Frauenfigur mit ovalem Korpus und zwei Zusammengesetzten Figuren aus Schwan und Elch (Ren?). Die kleinere Gruppe (13 Figuren) besteht aus Schwanfiguren und einem Boot. Wahrscheinlich spiegeln die neuentdeckten Petroglyphen am Onegasee den Fruchtbarkeitskultus ab, der mit der unterirdischen Welt, dem Totemismus und dem Mond verbunden war.

А. Н. Ракин

(Сыктывкар)

ЛЕКСИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ⁺

Статья представляет собой лингвистический анализ лексико-семантической группы слов-цветообозначений коми, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Материал, легший в ее основу, извлечен автором из наиболее полных словарей исследуемых языков. (Тимушев 1966, Тимушев, Колегова 1961, Баталова, Кривошекова-Гантман 1985, Вахрушев 1956, 1983).

Известно, что "мир цвета" - феномен чисто психический, в природе существуют только световые волны, а цвет есть порождение глаза и мозга человека. Как утверждают специалисты, число оттенков цвета, различаемых человеком, имеет порядок десятков или даже сотен тысяч. Число же лексических единиц цветообозначений в самых полных словарях не превышает 150 (Фрумкина 1984 : 25).

Всю совокупность слов и словосочетаний, предназначенных для выражения цветоощущений, называют обычно системой названий-цветообозначений. В систему названий цветообозначений пермских языков входит более 300 лексических единиц. Ее ядро составляют исконные названия. В диахроническом плане в составе исконной лексики можно выделить древний (допермские, общепермские, общекоми) и поздний пласты (собственно коми, собственно удмуртский и собственно коми-пермяцкий).

1. Д о п е р м с к и е н а з в а н и я

1. к. вех 'зеленый', виж 'желтый, зеленый', кя. vi'ž 'зеленый, желтый', кп. вех, виж 'зеленый, желтый', удм. вож 'зеленый' общеп. *vež мар. ухар 'зеленый', эрз. ожо 'желтый', ф. vihgreä 'зеленый' доперм. *wiš - 'зеленый, желтый' (Лыткин, Гуляев 1970 : 49).

⁺ В основе статьи лежит доклад, прочитанный на ХУП Всесоюзной финно-угорской конференции (Ижевск 1987).

2. к. лба 'синий', кя. лѹз 'синий', кп. лбз 'синий', удм. лма 'синий' общеп. *лoз- 'синий', мар. лoйта̄ 'синий', лoш 'вид пестряди', т. е. 'пеньковой, грубой ткани, пестрой или полосатой, более синеполосой' доперм. *лбз- (Лыткин, Гуляев 1970 : 162).

3. к. чoчкѹм джал. 'белый', кя. чoчком 'белый', кп. чoчком 'белый' общеп. *с̄'oс̄'кеш или *с̄'oс̄'кеш, мар. чэчан дет. 'красивый, нарядный', ?саам. N бaе akad, с̄eakiv, с̄eakēv 'снежная белизна' доперм. *с' с' (Лыткин, Гуляев 1970 : 310).

4. к. шель уд. 'зеленый, желтый, бледно-зеленый', ? ф. heleā 'ясный, светлый, яркий', эст. hele 'тх' (Лыткин, Гуляев 1970 : 318).

5. к. сьбд 'черный', кя. с'уд, кп. сьбд 'черный', удм. сьбд 'черный' общеп. *в'od, ф. sonta 'навоз' (Лыткин, Гуляев 1970 : 269).

2. О б щ е п е р м с к и е н а з в а н и я

1. к. гбрд 'красный, рыжий', кя. гэрд 'красный', кп. гбрд 'красный, алый, рыжий', удм. горд 'красный, рыжий' общеп. *gord 'красный' (Лыткин, Гуляев 1970 : 81).

2. к. чиж л. 'желтый', ? удм. чуж 'желтый' общеп. *сӣз̄ 'желтый' (Лыткин, Гуляев 1970 : 305).

3. к. еджид 'белый, неспелый, незрелый (о ягодах)', удм. еж 'неспелый, незрелый (о ягодах)' общеп. *je - 'незрелый, белый, зеленый' (Лыткин, Гуляев 1975 : 20).

4. катш- 'белый', к. катша 'сорока', катшбс, катшмс 'кличка черной собаки с белым пятном на лбу или на шее', катшк̄а скр. 'кличка черной овцы с белой отметиной на лбу', катшай 'подкожная плева животных', катшасин 'ромашка', катшашыдбс 'крупка (снег)', удм. кaчкo ср., кaшкa кж. 'белое пятно (в какой-л. окраске)', кaчкo вал 'лошадь с белым пятном на лбу' общеп. *ка̄с- 'белый' (Лыткин, Гуляев 1970 : 118).

Общими для современных пермских языков являются также двучленные наименования:

к. пемьдгбрд 'темно-красный, бордовый', кп. пемьт-гбрд 'темно-красный, бордовый', удм. пеймыт горд 'темно-красный, багряный'; к. пемьдлбз 'темно-синий', кп. пемьт-лбз 'темно-синий', удм. пеймыт лыз 'темно-синий'; к. пемьдвех, пемьдвиж 'темно-зеленый', кп. пемьт-вех 'темно-желтый', удм. пеймыт вож 'темно-зеленый'.

3. Общекомические названия

к. албйгбрд, кп. албй-гбрд 'розовый'; к. гбрдов, кп. гбрдов 'красноватый', к. зарни рбма, кп. зарни рбма 'золотистый', к. кельдлбз 'светло-синий, бледно-синий, голубой', кп. кельлтбз 'бледно-синий'; к. лбзовгбрд, кп. лбз-гбрд 'синий'; к. лбм рбма, кп. лбм-рбма 'темно-коричневый, бордовый'; к. руд, кп. руд 'серый'; к. събдгбрд, кп. събд-гбрд 'темно-красный', к. събдлбз, кп. събдлбз 'темно-синий'; к. чим гбрд, кп. чим гбрд 'ярко-красный'; к. чим събд 'совершенно черный', кп. чим събд 'очень черный, иссиня черный'; к. югд гбрд 'светло-красный, ярко-красный, алый', кп. югт-гбрд 'светло-красный'; к. югдлбз 'светло-синий; голубой, ярко-синий', кп. югт-лбз 'светло-синий' и т. д.

Поздний пласт исконных названий составляют слова и словосочетания, возникшие в каждом из пермских языков отдельно, в период их самостоятельного развития.

В качестве примеров можно привести: к. вижов гбрд 'оранжевый' (ср. кп. гбрд-веж, веж гбрд, удм. Чужалэс горд, гордалэс Чуж), пемдгбрд 'коричневый' (ср. кп. коричневбй, удм. курень), кольквж 'желтый' (ср. кп. веж, вж, удм. Чуж), турунвж 'зеленый' (кп. веж, вж, удм. вож), мырд вж, чав вж 'темно-желтый, совсем желтый' (ср. удм. нап Чуж 'темно-желтый'), смоль събд 'очень черный' (ср. кп. чим събд 'очень черный, иссиня черный', удм. нап събд 'черный, очень темный'); удм. тбдым 'белый' (ср. к. еджид, кп. чочком), пурьсь 'серый' (ср. к. кп. руд), Чыжит лемлет 'розовый' (ср. к. кп. албйгбрд), Зарит лыз 'светло-синий' (ср. к. кельдлбз, югд-лбз, кп. кельт-лбз, югт-лбз), нап събд 'черный, очень темный' (ср. к. смоль събд, чим събд, кп. чим събд) и т. д.

Заемствованный компонент лексики цветообозначения пермских языков представлен названиями русского и тюркского происхождения.

Русские заимствования встречаются во всех пермских языках и составляют небольшой удельный вес — в пределах полтора десятка. В качестве примеров можно привести: к. кп. албй 'алый', к. фиолетбвбй, кп. фиолетовбй, удм. фиолетовой, кп. сиреневбй, удм. сиреновой 'сиреневый', к. кп. голуббй 'голубой', кп. каштановбй, удм. каштановой 'каштановый' и т. д. Следует отметить, что многие русские заимствования функционируют как синонимические варианты исконных названий: к. пемдгбрд, кп. лбзовгбрд 'багровый' (ср. к. багрб-вбй, кп. багровбй), к. албйгбрд, кп. албй-гбрд 'розовый'

(ср. к. розвѣѣи, кп. розовѣи) и т. д.

Что касается коми и коми-пермяцкого названия серого цвета руд, то оно, видимо, было заимствовано в общекоми период и является одним из ранних русских заимствований в системе цветообозначения северно-пермских языков, ср. *rud* 'braun, brünett; grau' рудой 'fuchstroth, rothbraun, dunkelroth' (Kalima 1911 : 122).

Т ю р к с к и е з а и м с т в о в а н и я

1. чагыр 'голубой' булг., ср. чув. чакар 'голубой, светлоголубой; серый; косой (о глазах)', тат. диал. чагыр 'косой (глаз)' (Федотов 1968 : 159, 1965 : 147; Тараканов 1982 : 39).

2. зангари 'голубой' тюрк., ср. тат. нгр, чув. сенкер, узб. зангори 'голубой' (Федотов 1968 : 126; Тараканов 1982 : 140).

3. курень 'коричневый' тюрк., ср. тат. корн 'коричневый, бурый', чув. керен 'темно-рыжий' (Федотов 1968 : 110; Тараканов 1982 : 68).

4. шамай 'фиолетовый' тюрк. (Тараканов 1982 : 69).

На основе денотативных признаков в лексике цветообозначения пермских языков можно выделить основные имена цвета и неосновные.

Исследователи русской колоронимии, основываясь при делении цветовой номенклатуры на историко-культурный фактор, а не на психологический и физиологический, к основным относят, например, 12 названий: черный, белый, серый, красный, синий, голубой, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, розовый, коричневый.

Каковы критерии выделения основных имен-цветообозначений?

О с н о в н ы е и м е н а прежде всего должны обладать широкой сочетаемостью. Они не должны быть составными и относиться к сложным словам. Значение основного названия не должно быть уже значения другого цветообозначения, указывающего на какой-либо близкий оттенок. Основное значение должно быть психологически выделенным, значимым для носителей данного языка.

Перечисленным критериям соответствуют следующие названия пермских языков: събд к. кп. удм. 'черный', лбз к. кп. 'синий', лыз удм. 'синий', гбрд к. кп. 'красный', горд удм. 'красный', виж, веж к. кп. 'желтый, зеленый', вох удм. 'зеленый', еджид к. 'белый', чочком кп. 'белый', тбды удм.

'белый', чув. удм. 'желтый', пурмьс удм. 'серый'.

Если не придерживаться критерия "исконности - неисконности", к основным следует отнести также некоторые заимствования, например, руд. к. кп. 'серый', чагыр удм. 'голубой', курень удм. 'коричневый', намай удм. 'фиолетовый'.

Как видим, все перечисленные выше слова в качестве основных имен цвета представляют собой одночленные названия и являются абстрактными обозначениями соответствующих цветовых субстанций. Большинство из них относится к древним лексемам, не имеющим межязыковых и междialeктных корреляций, обладает широкой сочетаемостью, выступает строительным элементом для других категорий лексики цветообозначения.

К основным названиям-цветообозначениям относятся оттеночные названия и названия, обозначающие денотативный признак по яркости и насыщенности цвета.

1. В системе оттеночных названий самой многочисленной является группа названий, обозначающих оттенки красного цвета - 43 номинативные единицы, далее по мере убывания количества идут: группа оттеночных названий коричневого цвета - 27 номинативных единиц, группа оттеночных названий желтого цвета - 26 номинативных единиц, группа оттеночных названий синего цвета - 16 номинативных единиц, группа оттеночных названий белого цвета - 13 номинативных единиц, группа оттеночных названий серого цвета - 8 номинативных единиц, группа оттеночных названий фиолетового цвета - 8 номинативных единиц, группа оттеночных названий голубого цвета - 6 номинативных единиц, группа оттеночных названий зеленого цвета - 6 номинативных единиц, группа оттеночных названий розового цвета - 2 номинативные единицы.

Оттеночные названия, как правило, строятся на базе основных.

Во-первых, путем непосредственного использования основных названий без каких бы то ни было структурных изменений. Правда, таких примеров немного: к. гбрд 'алый, рыжий, рубиновый', кп. гбрд 'алый, рыжий', удм. горд 'рыжий', ср. основное название красного цвета к. кп. гбрд, удм. горд; к. турунвих 'малахитовый', удм. вох 'малахитовый', ср. основное название зеленого к. турунвих, удм. вох; к. лба 'васильковый', ср. основное название синего к. лба.

Однако, чаще всего оттеночные названия создаются путем сочетания основного названия с определительным компонентом: к. мугбм гбрд 'бордовый' (мугбм 'смуглый'), кп. лбзовгбрд

'багровый, багряный' (букв. 'синевато-красный'), удм. горд-горд 'багровый, багряный, пунцовый, пурпурный', к. събдов-гбрд 'бурый' (букв. 'темновато-красный'), удм. Чужаласвож 'оливковый' (букв. 'желтовато-зеленый'), кп. чочкомвех 'палевый' (букв. 'бело-желтый'), к. пемьд руд 'сизый' (букв. 'темно-серый'), кп. лба-гбрд 'сизый' (букв. 'сине-красный'), удм. лма-пурьсь 'сизый' (букв. 'сине-серый').

Целый ряд оттеночных названий создан по принципу сходства, сравнения с цветом предметов окружающей действительности: к. бмида рьма 'малиновый' (букв. 'цвета малины'), удм. горд эмезь кадь, эмезь кадь горд 'малиновый' (букв. 'как красная малина; красный как малина'), кп. лъбьрьма 'бордовый', к. лъбь рьма 'темно-коричневый' (букв. 'цвета черемухи, цвета ягод черемухи'), к. пъхьм йъв рьма 'бежевый' (букв. 'цвета пареного молока'), к. лма рьма 'песочный' (букв. 'цвета песка'), удм. луо тус 'песочный' (букв. 'цвет песка'), кп. идзас рьма 'палевый', к. идзас рьм 'соломенный' (букв. 'цвета соломы, цвет соломы'), к. мьрпом рьм, мьрпом рьма 'соломенный, янтарный' (букв. 'цвет морозки, цвета морозки'), к. пълъбанича рьма 'васильковый' (букв. 'цвета василька'), удм. лма сяська (лизйр) выллем кадь 'васильковый' (букв. 'подобный как василек'), к. энэж рьм 'лазурный' (букв. 'цвет неба'), удм. инбам кадь лма 'небесный' (букв. 'как небо синий').

2. Группа названий, обозначающих денотативный признак по яркости цвета, также не однородна по своему составу.

Названия, обозначающие светлые (бледные), яркие тона являются двучленными конструкциями, в качестве определяющих компонентов обычно выступают: в коми языке кельмд 'светлый, бледный', югмд 'светлый, яркий', в коми-пермяцком языке блед 'бледный, неяркий', кельт 'бледный', югмт 'светлый, яркий', в удмуртском языке Зарьт 'бледный, светлый', тбды 'белый'.

Примеры из коми языка: кельмдвж 'светло-зеленый, бледно-зеленый', кельмдгбрд 'светло-красный', кельмдлба 'светло-синий, бледно-синий', югмдвех 'светло-желтый', югмдгбрд 'светло-красный, ярко-красный', югмдлба 'светло-синий, ярко-синий' и т. д.

Примеры из коми-пермяцкого языка: блед-лба 'бледно-синий', кельт-руд 'бледно-серый', югмт-вех 'светло-зеленый, светло-желтый', югмт-гбрд 'светло-красный', югмт-лба 'светло-синий' и т. д.

Примеры из удмуртского языка: Зарыт горд 'бледно-розовый, светло-розовый', Зарыт лыз 'светло-синий', Зарыт чагыр 'светло-голубой', Зарыт вож 'бледно-зеленый, светло-зеленый', тбды-лыз 'светло-синий'. Для выражения яркости тона в пермских языках употребляются также повторяющиеся слова, например, к. гбрдысь-гбрд 'ярко-красный', удм. горд-горд 'ярко-красный'.

В конструкциях, обозначающих темные тона, функционируют обычно следующие определительные компоненты: к. пемыд 'темный', събд, събдов 'темный', кп. пемыт 'темный', събд 'темный', удм. пеймыт 'темный', събдалэс 'темноватый'.

Примеры из коми языка: пемыдгбрд 'темно-красный', пемыдлба 'темно-синий', пемыдвж 'темно-зеленый', събдгбрд, събдовгбрд 'темно-красный', събдлба, събдовлба 'темно-синий' и т. д.

Примеры из коми-пермяцкого языка: пемыт-гбрд 'темно-красный', пемыт-лба 'темно-синий', събд-гбрд 'темно-красный', събд-лба 'темно-синий' и т. д.

Примеры из удмуртского языка: пеймыт горд 'темно-красный', пеймыт лемлет 'темно-розовый', пеймыт лыз 'темно-синий', събдалэс горд 'темно-розовый', съдалэс лыз 'темно-синий' и т. д.

3. В системе названий, обозначающих цвет по признаку насыщенности, можно выделить следующие типы номинативных единиц: суффиксальные образования, составные названия.

Суффиксальные образования обозначают цвета малой степени насыщенности: к. вежов, вежоват 'зеленоватый', вижоват 'желтоватый', гбрдоват 'красноватый', лбзов, лбзоват 'синеватый', рудов 'сероватый', кп. гбрдов 'красноватый', гбрдкодь 'красноватый', рудкодь 'сероватый', удм. гордалэс 'красноватый, рыжеватый', лблялэс 'розоватый', чагыралэс 'голубоватый', лызалэс 'синеватый', лбльмыт 'розоватый'.

Составные названия обозначают цвета большой степени насыщенности. В качестве определительного слова в них употребляются: к. мырд 'густой, темный', чав 'совсем, сплошь', чим 'совсем, совершенно', смоль 'очень', кп. чим 'совсем, совершенно, очень', удм. нап 'густой, темный'.

В удмуртском языке в целях выражения насыщенности цвета применяются также повторяющиеся слова.

Примеры из коми языка: мырд вж 'темно-желтый', мырд лба 'темно-синий', чав еджыд 'очень белый', чим гбрд 'ярко-

красный', смоль събд 'очень черный' и т. д.

Примеры из коми-пермяцкого языка: чим лба 'темно-синий', чим събд 'очень черный, иссиня черный' и т. д.

Примеры из удмуртского языка: нап чуж 'темно-желтый', нап горд 'темно-красный', лыз-лма 'синий-синий', чуж-чуж 'очень желтый, желтый-прежелтый' и т. д.

Анализ лексики цветообозначения пермских языков, таким образом, показывает, что она имеет древние истоки. К допермскому и общепермскому периоду восходят названия 6 основных цветов - зеленого, желтого, синего, черного, красного, белого. Тот факт, что языковые данные не допускают реконструкции для этих названий других значений, кроме цветовых значений (значений цвета), позволяет предполагать, что уже в общепермскую эпоху большинство из них функционировало в качестве абстрактных обозначений цвета, развившихся, безусловно, на основе конкретных значений. Этот процесс хорошо прослеживается на некоторых современных языковых явлениях. Например, названия типа к. турунвиж 'зеленый', кольквиз 'желтый', кя. кулквиз 'желтый' функционируют как абстрактные цветообозначения, но их прозрачная внутренняя форма показывает, что, видимо, еще совсем недавно эти составные названия воспринимались как оттеночные, передававшие конкретный оттенок зеленого (зеленый цвета травы) и желтого (желтый цвета яичного желтка). Малочисленность по сравнению с другими языками, например, с русским, где 12 основных имен цвета, не дает оснований говорить о неразвитости древней системы цветообозначений пермских языков и их создателей. Скорее всего это результат того, что для наших предков именно этот набор цветовой номенклатуры был достаточен для выражения своих цветоощущений, поскольку каждая лексическая единица, как абстрактное цветообозначение, обладая широкой сочетаемостью, могла быть использована как для обозначения основных цветов, так и их оттенков. Свидетельством того, что набор основных имен цвета для разных языков может быть различным, и что не все основные цвета могут иметь специальные обозначения, могут служить английский и немецкий языки. В этих языках русским названиям синий и голубой соответствует одно слово - blue англ., blau нем. Исследование показывает, что дальнейшее развитие лексики цветообозначения пермских языков и формирование современной разветвленной системы колоронимии осуществлялось на основе внутренних ресурсов и под влиянием соседних языков - русского (на коми и коми-пермяцкий) и тюркских (на удмуртский).

Одной из особенностей лексики цветообозначения пермских языков является также то, что в ней имеется множество промежуточных, переходных явлений, которые в определенной степени нарушают четкость границ между отдельными категориями и рядами цветовой номенклатуры. Это прежде всего употребление некоторых основных названий для обозначения оттенков цвета (к. гбрд 'красный; алый', удм. курень 'коричневый; бурый'). Далее, обозначение отдельных основных цветов по типу неосновных (к. кельдлбз 'голубой'; 'бирюзовый', 'светло-синий', 'бледно-синий'). Наблюдаются случаи совпадения и между оттеночными названиями и названиями, в основе которых степень насыщенности и яркости цветового тона (удм. горд-горд 'багровый', 'ярко-красный'; удм. нап горд 'бордовый', нап горд темно-красный'). Внося некоторую условность во внутреннюю дифференциацию лексики цветообозначения, подобные явления в то же самое время усиливают номинативные возможности языка в системе цветообозначения.

В целом система лексики цветообозначения пермских языков не является закрытой, ее пополнение, если возникнет в этом необходимость, следует ожидать за счет заимствований и реализации моделей образования оттеночных названий.

Л и т е р а т у р а

- Б а т а л о в а Р. М., К р и в о щ е к о в а-Г а н т м а н А. С. 1985, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва; В а х р у ш е в В. М. 1956, Русско-удмуртский словарь, Москва; 1983, Удмуртско-русский словарь, Москва; Л ы т к и н В. И., Г у л я е в Е. С. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва; 1975, Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка / Коми филология (труды Института языка, литературы и истории, вып. 18), Сыктывкар; Т а р а к а н о в И. В. 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке, Ижевск; Т и м у ш е в Д. А. 1966, Русско-коми словарь, Сыктывкар; Т и м у ш е в Д. А., К о л е г о в а Н. А. 1961, Коми-русский словарь, Москва; Ф е д о т о в М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I, Чебоксары; 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II, Чебоксары; Ф р у м к и н а Р. М. 1984, Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа), Москва;
- K a l i m a J. 1911, Die russischen Lehnwörter im Syrjänschen / MSFOu, XXIX, Helsingfors.

A. N. R a k i n
(Syktyvkar)

LEXIK DER FARBENBEZEICHNUNG IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN
Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Beitrag wird linguistische Analyse der Volksfarbennomenklatur der permischen Sprachen behandelt, deren Grundlage ureigenste Lexik ist. Die Entlehnungskomponente des Farbenbezeichnungssystems ist durch Bezeichnungen russischer und türkischer Herkunft vertreten. An Hand der denotativen Merkmale werden verschiedene Typen von Grund- und Nichtgrundnamen der Farbenbezeichnungen ausgesondert und behandelt.

Олег Сергеев
(Тарту)

О РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЯХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА
АЛЕКСАНДРА СМИРНОВА

В Отделе рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета хранится большое количество рукописных материалов по марийскому языку (подробно об этом см. Радаиевская 1958 I : 7-12, 1958 II : 9-II, 1959 : 33). Среди них имеются и рукописные словари. Это: "Словарь черемисского языка" (ед. хр. № I360), "Русско-Черемисский Словарь" (ед. хр. № II46), "Русско-Черемисский Словарь Луговаго нарѣчя" (ед. хр. № I755) Александра Смирнова, "Словарь Черемисско-Русский" (ед. хр. № I420) и отрывок из этого же словаря от "Цал" до "Шим" (ед. хр. № 258I) Земляничного, "Черновые материалы для словаря черемисского языка" (ед. хр. № I558) Козьмодемьянского уездного врача Н. Толмачева.

В последнее десятилетие рукописные материалы относятся к числу наиболее изучаемых. В свое время А. П. Феоктистов справедливо заметил, что значительная часть сохранившихся памятников письменности на отдельных финно-угорских языках еще не вошла в научный обиход и не тронута научным анализом (Феоктистов 1971 : 7). К сожалению, это относится и к марийскому языку. Марийские рукописные памятники до сегодняшнего дня остаются вне поля зрения исследователей, хотя можно назвать несколько работ, в той или иной мере касающихся рассматриваемой проблемы (Васильев 1953; Патрушев 1964; Казанцев, Патрушев 1972; Иванов 1975; Исанбаев 1979; Ефремов 1983; Гордеев 1985; Галкин 1986).

Как известно, наша старинная лексикография... не мертвый груз, принадлежащий истории. Они могут дать полезного и нам, людям XX столетия, навести на плодотворные идеи, помочь решить современные проблемы ... (Якимович 1985 : 29).

Они должны быть не только старинными литературными памятниками, но нашим научным и справочным фондом.

Все выше перечисленные рукописи находятся в ветхом состоянии. Листы пожелтели, многие из них изогнуты, порваны, углы растрепаны. Иные слова трудно поддаются чтению. Рукописи все без переплета, исключая словарь № II46. Надо помнить, любой памятник — произведение своего времени, своей эпохи. Они — первичные источники для изучения прошлого. Все это говорит нам о том, с какой бережностью должны относиться мы к ним, чтобы сохранить их в первоизданности и целостности. В современной кодикологии (Мазаи 1950 : 279-293, Лебедева 1972 : 66-77, Киселева 1981 : 123) для этого имеются разные пути: микрофильмы и микрофиш, ксерография, просто фотография, цветные слайды и т. п., т. е. — репрография. К сожалению, не все виды репрографии универсальны, поэтому ряд рукописей подвергается многократному репродуцированию разными способами. Все это, несомненно, приводит к утрате ее прочности и долговечности. Осуществить эту идею можно только получением более совершенных копий, которые могли бы в полной мере удовлетворить очень разнообразные и высокие требования исследователей и читателей. На сегодня, пожалуй, только факсимильная полиграфическая копия может отвечать этим требованиям (Эрастов 1981 : 63). И рукописи в факсимильных изданиях должны дойти не только до исследователей, но и до простых читателей. Безусловно, такое издание сохранит ее на последующие века.

Все рукописные словари были подготовлены в XIX веке, в частности, "Материалы ..." Толмачева — примерно в 50-е годы, словарь № II46 Смирнова — в 1869 г., № I360 — в 1867 г., № I755 — примерно в 70-е годы. И. С. Галкин в одной из своих работ пишет: "В рукописном фонде Казанского университета хранится несколько марийских словарей. Среди них "Русско-черемисский словарь, составленный ... Александром Смирновым 1869 года". Другой его вариант называется "Русско-черемисский словарь лугового наречия ...". На основе этих словарей А. Смирнов составил "Словарь черемисского языка" (Галкин 1986 : 12).

Действительно, в словаре № II46 год написания указан, но из-за неясности последней цифры (I или 9) возникает двойное мнение. С. Б. Радзиевская пишет, что словарь составлен в 1861 году (Радзиевская 1958 II : 10), а И. С. Галкин — в 1869 г. Возникает вопрос: если рукопись была подготовлена в

1861 г., то могла ли она пролежать целых 10 лет, когда она была просмотрена в 1871 г. цензором А. Готвальдом. А если подготовлена в 1869 году, то А. Смирнов в марийской части слов должен был бы употребить такие буквы как В, У, Н, которые вводились с 1867 г. после образования переводческой комиссии, но, к сожалению, в данной рукописи они не встречаются. Эти специфические буквы марийского языка он использовал при подготовке следующего словаря № 1755. Автор придерживается мнения, что словарь составлен в 1869 г., хотя при написании словаря данные буквы не использовались. Хочется отметить, что не каждое новое явление сразу претворяется в жизнь. Как нам кажется, свои недостатки автор сумел понять, и, используя вновь введенные буквы для обозначения специфических марийских звуков в 70-е годы, Смирнов готовит к печати более усовершенствованный "Русско-Черемисский Словарь Луговаго наречія ...".

Нельзя согласиться с И. Галкиным в том, что "Словарь черемисского языка" (№ 1360) был подготовлен на основе словаря № 1146 и № 1755. Из вышеизложенного видно, что словарь № 1146 составлен в 1869 г., № 1755 - в 70-е годы. "Словарь черемисского языка" составлен в 1867 г., что указано в самом словаре. Поэтому невозможно согласиться, что основой черемисского словаря послужили "Русско-черемисские словари" № 1146 и № 1755.

Авторами рукописей, кроме Н. Толмачева, были церковно-служители. Например, А. Смирнов (Элксандр поп - поп Александр, так называли его марийцы - О. С.) - священник села Арино Царевококшайского уезда Казанской Епархии (ныне с. Арино Моркинского района Марийской АССР), воспитанник высшего отделения Казанской духовной семинарии. Он, по-видимому, был мариец, что подтверждает его хорошее знание языка, сумел тонко уловить семантические оттенки марийских слов. Смирнов смело создавал новые слова на базе словообразовательных возможностей марийского языка. Например: пызырмаш 'давление', тослык 'дружба', сотэмдарэм 'просвещая' (№ 1755); кидаштармаш 'обручение', кушмо 'растение', сагче 'Ангель' (№ 1360); ашнэмаш 'воспитание', кугужанмыш 'государство', сотэмдарше 'просветитель', (№ 1146) и др. Земляничий был учителем духовного училища. Можно полагать, что подготовка этих словарей связана с миссионерской деятельностью. Именно с XIX в. большое внимание стало уделяться распространению православия в быту марийцев (Попов 1987 :

109). Марийский язык стал предметом внимательного изучения в силу той роли, которая была необходима царской власти для распространения христианства и руссификации нерусских народов. Об этом же говорит обильное употребление слов, связанных с церковью и ее деятельностью. Например: Аркерей 'Архиерей', видынче 'ангелъ', Евангелій-Серемо 'Евангелие', картъ 'жрецъ', каратунъ 'монахъ' (№ 1360), цёрке 'церковь', язык "судук" касарман 'покаяние', ултэмашъ 'молитва' (№ 1755), юмультэмъ 'молюсь', танэмъ-Пуртамо 'крещенный', юмо-чурй, юм-онга 'икона' и др.

Было бы неверно полагать, что в XIX веке языки изучались только по миссионерской линии. Также они изучались по академической линии (Вдовин, Терещенко 1959 : 35). Со второй половины XIX века появляется множество печатных изданий на марийском языке, в том числе и словари (Castren 1845, Budeuz 1866, Васильев 1887, Троицкий 1894).

В настоящей статье описываются рукописные словари Александра Смирнова № 1146, № 1360 и № 1755.

№ 1146. Название словаря имеет следующее содержание: "Русско-Черемисский Словарь составленный Казанской Епархией, Царевкокшайскаго Уезда, села Шиншей иныя села Арина, священникомъ Александромъ Смирновымъ 1869 го года". На некоторых листах в правом верхнем углу имеется билигрань (водяной знак): "Косинской фабрики № 6 Румянцевых". На обороте листа подпись - автограф: "Цензурою дозволено. Казань, 6 марта 1871. Отдельный цензор А. Готвальд" и место утраченной печати. Через всю рукопись, по одному слову на странице, красными чернилами надпись-автограф: "Печать дозволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было узаконенное число экземпляров отдельному цензору. Статский советник и кавалер Иосифъ Федорович Готвальд", также на правых углах листов через всю рукопись надпись-автограф: "Братчик Николай Золотницкий".

Формат словаря 17,5 x 22 см, 4⁰ (в полдесть, или четверка), т. е. лист, сложенный дважды. Позднее название "полдести" - "in quarto" (кварта) (Муравьев 1975 : 25).

Итого в словаре 73 листа, что соответственно составляет 146 страниц. По объему словарь не богат, содержит примерно 3 тысячи слов. Листы I-20 составляют предисловие, в котором кратко рассмотрены основные отличия лугового и горного наречий марийского языка. Например, Смирнов пишет: "... Звуки Горно-Черемисскаго наречия мягче звуковъ Лугово-Черемиска-

го; а, э, и, х в Лугово-Черемисском произносятся о, а, е, к, такъ наприм. каласэм, валэм, пиш, калык в Лугово-Черемисском каласэм, волэм, пеш, калык". Или другое сравнение. "... Лугово-Черемисское наречіе сохранило болѣе письменной самостоятельности и точности; въ составъ же Горно-Черемискаго вошло много словъ Русскихъ; Многія изъ нихъ употребляются только съ перемѣною ударенія, а иныя съ измененіемъ звуковъ: силá, воля́, время́, домá, полата́, долотá .. и проч; скова /скоба/, трува /труба/, равотат /работат/ ...; сва-таэм, хвалэм, крестэм, перед /черед/ которыя только склоняются и спрягаются по черемисски..." (с. I-2). В предисловии же дана краткая грамматика, составленная автором, которую он рассматривал как первый опыт... "правила, въ особенности необходимыя при первоначальномъ ознакомленіи съ Лугово-Черемисскимъ наречіемъ и которыми можно объяснить способъ слово-производства, для удобнѣйшаго пользованія моимъ к о р н е в м ь (курсив наш - О.С.) словаремъ" (с. 4). В Лугово-Черемисском наречіи автором выделены следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречіе, предлог, союз и междометіе. Два числа: единственное и множественное. Шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный и склоняет некоторые имена существительныя, местоименія в единственном и во множественном числах. В марійскомъ языкѣ А. Смирновъ различает 4 разряда местоименій: личные, вопросительныя, определенныя и неопределенныя. Выделяет четыре залога: действительный, страдательный, средний и условный; 5 наклоненій: изъявительное, сослагательное, желательное, повелительное, неопределенное; 4 времени: настоящее, 2 прошедших: а) прошедшее, б) давно-прошедшее, будущее. Для образца дано спряженіе вспомогательнаго глагола улам 'есть'. Указывает междометія, означающія радость: Ай!; плачь: Ой!; болезнь: Атан, Эй! Галтак; сожаленіе: Э! Шеремет!; зовъ: Эй; удивленіе: Э Э Э! У у у!!! Несмотря на свои недостатки эта грамматика после грамматики 1775 г. была первой попыткой созданія марійской грамматики.

После предисловія со страницъ 45 начинается словарь. Слова расположены по строгому алфавиту. К многимъ словамъ добавлены слова другимъ почеркомъ. Например: Богородица 'Юмо-Шочеше', 'юмомъ шочоктошо'; подать 'Юзакъ', 'люмъ окса';

* Здесь и далее: слово, написанное другимъ подчеркомъ черными чернилами.

'вуй окса'. Имеется и третий неизвестный почерк, написанный карандашом: барсук 'нерге'⁸, больной 'тужо, сусорь', 'кертме', 'начар' и др. Кроме добавления встречаются многочисленные поправки: бородада 'анга-ирань' 'межа', а бородада 'ирань', кроха 'пырча' 'зерно', а кроха 'падрашь, пудур', лиса 'рубижь', 'рмбижь' и т. д.

Все марийские слова написаны обычной русской транскрипцией, без диакритических знаков.

В словаре имеется один вложенный лист, с форматом 2⁰, 22,5 x 34,5 см. Наверху листа надпись: "Учитель Авксентий Филиппович Юртов (село Старая Басовка Ставропольского уезда) сделал отгатки карандашом". С. Б. Радзиевская пишет: "На вложенном листе марийские имена - 2 столбца на "А" и "Г" и 23 слова на букву "А" с переводом" (Радзиевская П : 10), с чем автор не согласен. Рассмотрим некоторые собственные имена: Адмай, Адуш 2р, Алика - жен., Байсара, Беляса - жен., Бузай, Байбулат и др., которые не характерны марийцам (см. марийские имена XIX века: Изйбай, Кельдибай, Ямпарис, Настай, Айварис, Васкелдз, Васинка, Лстай, Лсталче, Лстави и др. (рукописный материал, ед. хр. № 1406), также нарицательные слова: аксерань 'выбрасивать', алья 'арень, мужчина', ардамс, ардемс 'путешествовать, ехать, ухажать, бжгать' и др. Выяснилось, что эти слова из мордовских языков, в частности, из мокша. Собственные имена не на "Г", как полагает С. Б. Радзиевская, а на букву "Б". Сравни: аля, -ат 1) отец, 2) мужчина, 3) перен. молодец; вов сонтаксала! вот так молодец! (Потапкин, Имяреков 1949 : 16), ардомс, -дс 1) бежать, скакать (о животных); 2) ехать (о человеке; об автомобиле и т. п.); 3) идти; 4) объездить (там же : 20). Юртов был мордвин, родом из Мензелинского уезда Уфимской губернии (Феоктистов 1976 : 219-220).

№ 1755. Словарь имеет следующее название: "Русско-Черемисский Словарь Лугового нарчия съ предисловіемъ, составленъ священникомъ Царевококшайскаго Уезда села Шиньней Александромъ Смирновымъ". На обложке имеется штамп Миссионерского приюта в Казани. Как в предыдущем словаре филигрань находится в правом верхнем углу листа: "Косинской фабрики № 5 Рязанцевых".

Формат рукописи 4⁰, 18 x 22 см. Всего в словаре 52 листа, без переплета. Рукопись принадлежала бывшему в 70-е

⁸ Слово, которое написано карандашом.

годы XIX в. в Казани Миссионерскому приюту. К этому же времени, вероятно, относится и составление ее. Это подтверждает также использование характерных для марийского языка букв как в, н, р, н и отсутствие ъ, ѣ (ять). Например: тумор 'барабан', кумуж 'блюдо', вудур 'веретено', удрямах 'женщина', бпкялен-оляш 'выговариваю', рушарня 'воскресенье празд.', ана-иран 'борозда', но, к сожалению, они употреблены не во всех случаях: турня-пйочйох 'клюква' (см. турня пбчыж), вюд-вондо 'камнешь' (см. вуд-вондо), пуче 'лань' (см. пучб), онглаш 'подбородок' (см. онлаш), знгер 'рыка' (см. знер), шонго 'старый' (см. шонго), менге 'столп' (см. менге) и т. д.

Словарь сохранился до наших дней с некоторыми потерями, в частности, отсутствует предисловие и несколько конечных листов. Рукопись срывается на слове чекушка 'ораба-пашкар'.

Проанализировав словари № II46 и № I755, можно сказать, что словарь № I755 является вариантом словаря № II46. Русский словник в обоих словарях один и тот же, хотя в словарь № I755 добавлены или, наоборот, выкинуты отдельные слова. См. таблицу № I:

Словарь № I755	Словарь № II46
<u>ирэм</u> 'гр юсь'	-
<u>лавырэм</u> 'грязнусь'	-
<u>комбо-узо</u> 'гусакъ'	-
-	<u>тул-вуй</u> 'головня'
-	<u>толош</u> 'грядущий' и др.

В обоих словарях по 52 листа, если не считать предисловия в словаре № II46, и которое потеряно в словаре № I755. В рукописи № II46 приблизительно 3000 слов, а в № I755 - примерно 2900, где утеряны слова на буквы "ч" - 39 (ср. 49-10), на "ш" - 31, на "щ" - 14, на " " - 4, на "я" - 24. Русские глоссы и их марийские параллели в обоих словарях на букву "а" - 22, на "л" - 95, на "ф" - 3, на букву "е" в словаре № II46 - 17 слов, в словаре № I755 - 18, на "х" соответственно 40-42, на "ц" - 18 - 19 и т. д. Орфография в словаре № I755 лучше, чем в № II46. Иные русские слова на марийский язык переведены синонимом. См. таблицу № 2:

Словарь № I755	Словарь № II46
<u>чйокрак</u> 'глухой'	<u>пылштмъз</u> 'глухой'
<u>кече-лекмаш</u> 'восток'	<u>кечелъльтмашъ</u> 'востокъ'
<u>шѹ</u> 'гной'	<u>шу</u> 'гной'
<u>шор-вондо</u> 'грабли'	<u>шоршпондо</u> 'грабли'
<u>понго</u> 'груздь'	<u>понтго</u> 'груздь'
<u>тѹрбйо</u> 'губа'	<u>тѹрбйо</u> 'губа' и т. д.

Все вышеизложенное говорит о том, что при составлении "Русско-Черемисского Словаря Лугового нарѣчія А. Смирнов пользовался своим словарем 1869 г.

№ I360. "Словарь черемисского языка" А. Смирнова. В правых нижних углах каждого листа по одному слову читаем следующее: "Словарь черемисского языка составленный священником села Арина Александром Смирновым, в бытность его "воспитанником высшего отделения Казанской духовной семинарии". На последней странице имеются надписи-автографы: "Итого въ этомъ словарѣ находится 3366 слова. Александръ Смирновъ. "Смотрел Н. Золотницкий". 1867.

Словарь содержит 27 листов, что соответственно составляет 54 страницы. Как и словарь № I755 без переплета.

Формат рукописи 2^о, 22 x 35 см. Слова расположены по строгому алфавиту, имеют отдельную нумерацию на каждую букву. Есть многочисленныя добавления и исправления, сделанные неизвестной рукой и красными чернилами. Они не только в марийской части слов, но и в русском словнике. Например: ашпѣт-пѹртъ* 'кузница', аяплэмъ 'извиняю', кугу-Карагунъ 'Архiereй', пюнджеръ 'соснякъ', боръ и 'долото', 'годъ', малместанъ 'кровать' (малмѣстанъ), кжжкюндю 'лепешка' (кжжкюндэ), поланъ-чѹдра 'калинникъ' (поланъ чѹдра) и др.

Словарь составлен в 1867 году, но, по-видимому, до образования переводческой комиссии, на что указывает отсутствие в словаре букв Ѣ, Ѥ, Ѧ, если не учесть одно слово: кандашъюдо '800' (кандашъѹдо).

Обобщая, можно сказать: во всех словарях А. Смирнов пользуется русской графикой. Известныя трудности доставляло обозначение специфических марийских звуков Ѣ, Ѥ, Ѧ. Со-

* Здесь и далее: слова, которые исправлены и добавлены красными чернилами неизвестной рукой.

ставитель словаря и в марийской части пытался найти применение всем графемам русского алфавита. В марийских языках встречаются буквы: ѣ (ять), ь (ер), ь (ерь), Ѹ (и десятиричное с двумя точками наверху), Ѩ (ю со знаком каморы), даже употребление грависа (`), которым обозначалось окончное ударение. Буква ь в основном употребляется в конце слова и изредка после первого компонента сложных слов для обозначения твердости согласных. Иногда встречается смешение букв ь и ь. В передаче аффрикат наблюдается разное написание. Например, аффриката ч передана следующими буквами или сочетанием букв х, з, дж: пюнджо 'сосна' (вм. пѸнчѸ), пюнджерь 'соснякъ' (вм. пѸнчер), кюнджелә 'кудель' (вм. кѸнчыла), кюнжемь 'копая' (вм. кѸнчем), шинзалтэм 'солн' (вм. шинчалтем) и т. д. В иных случаях перед аффрикатой ч пишется буква д: волгондчо 'молния' (вм. волгенче), шаргендче 'гнида' (вм. шаргенче) и др.

Многие слова — диалектизмы и архаизмы — встречаются и в других рукописных словарях, что свидетельствует о былой распространенности этих слов. Например: твз 'верблюдь' (№ I755), твз 'верблюдь' (№ II46), твз 'верблюдь' (№ I360), твз 'верблюдь' (№ I420); топъ 'пушка' (№ I360), топъ 'пушка' (№ I420), топъ 'пушка' (№ II46), топ 'пушка' (№ I755), топ 'пушка', (ф. 20I3, оп. 602^a, ед. хр. I86); чаршау 'заваса' (№ I755), чаршау 'заваса' (№ II46), чаршау 'заваса, занаваса' (№ I360), чаржаву 'занавась' (№ 2I6) и др.

Так священник из села Арино вышел из неизвестности благодаря своим словарям и оставил свое имя в истории марийского языкознания. Его словари стали научным источником для исторической лексикографии и исторической лексикологии — наук, занимающихся историей составления словарей и историей слов.

В другой статье автор полагает еще остановиться на рукописных материалах А. Смирнова.

Л и т е р а т у р а и р у к о п и с и

В а с и л ь е в В. М. 1953, Письменные памятники на марийском языке конца XVII и первой половины XIX века // Ученые записки МарНИИ, вып. У, Йошкар-Ола. С. 255-271; В а с и л ь е в Ф. 1887, Черемисско-русский словарь / Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии, Казань; В д о в и н И. С., Т е р е щ е н к о Н. М., 1959, Очерки истории палеоазиатских и самодийских языков, Ленинград;

Галкин И. С. 1986, Марий исторический лексикологий. Ту-
 немне книга, Йошкар-Ола; Гордеев Ф. И. 1985, Истори-
 ческое развитие лексики марийского языка, Йошкар-Ола; Ефре-
 мов А. С. 1983, Рукописный словарь XIX века // *Repos-
 ugristica* Ю. Труды по финно-угроведению, Тарту. С. 42-46;
 Землянички И. Словарь черемисско-русский // Отдел
 рукописей и редких книг библиотеки Казанского государственного
 университета, № 1420, № 2581; Иванов И. Г. 1975 Исто-
 рия марийского литературного языка, Йошкар-Ола; Исаев
 Н. И. 1978, История изучения татарских заимствований
 в марийском языке // Вопросы марийского языка. Вопросы истори-
 ии и диалектологии, Йошкар-Ола. С. 5-41; Казанцев
 Д. Е., Патрушев Г. С. 1972, Современный марийский
 язык. Лексикология, Йошкар-Ола; Киселев Л. И. 1981,
 Кодикология и новые методы описания рукописей // Проблемы на-
 учного описания рукописей и факсимильного издания памятников
 письменности. Материалы Всесоюзной конференции, Ленинград. С.
 123-129; Лебедева И. Н. 1972, Кодикология - наука о
 рукописных книгах // Вспомогательные исторические дисциплины,
 вып. IV, Ленинград. С. 66-77; Муравьев А. В. 1975,
 Палеография, МГУ; Отдел рукописей и редких книг библиотеки
 Казанского государственного университета, № 1406; Патру-
 шев Г. С. 1964, Марийские словари XIX и начала XX века //
 Вопросы марийского языкознания, вып. I, Йошкар-Ола. С. 17-36;
 Попов Н. С. 1987, Православие в марийском крае, Йошкар-
 Ола; Потапкин С. Г., Имяреков А. К. 1949,
 Мокшанско-русский словарь, Москва; Радзиевская С. Б.
 1958, Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лоба-
 чевского, вып. I. Фольклор, Казань; 1958, Описание рукописей
 научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, вып. II, Лингвисти-
 ка, Казань; 1959, Описание рукописей научной библиотеки им.
 Н. И. Лобачевского, вып. IV. Археология, этнография и нумиз-
 матика, Казань; Словарь черемисского языка с русскими пе-
 реводами // ГАГО, ф. 2013, оп. 602², ед. хр. 186; Словарь язы-
 ка Черемисского. Гос. публ. биб. им. С.-Щ., зрм. собр. № 216;
 Смирнов А. Словарь черемисского языка. Отдел рукописей
 и редких книг библиотеки Казанского государственного универ-
 ситета, № 1360; Смирнов А. Русско-Черемисский Сло-
 варь. Отдел рукописей и редких книг библиотеки Казанского го-
 сударственного университета, № 1146; Смирнов А. Рус-
 ско-Черемисский Словарь Лугового наречья. Отдел рукописей и
 редких книг библиотеки Казанского государственного универси-
 тета, № 1755; Толмачев Н. Черновые материалы для
 словаря черемисского языка. Отдел рукописей и редких книг би-
 блиотеки Казанского государственного университета, № 1558;
 Троицкий В. П. 1894, Черемисско-русский словарь, Ка-
 зань; Феоктистов А. П. 1971, Русско-мордовский
 словарь. Из истории отечественной лексикографии, Москва; 1976
 Очерки по истории формирования мордовских письменно-литера-
 турных языков. Ранний период, Москва; Якимович Ю. К.
 1985, Деятели русской культуры и словарное дело, Москва.

V u d e n z, J. 1866, *Erdei- és helyi-cseremisiz szótár*,
 Pest; C a s t r é n, M. A. 1845, *Elementa grammaticae*
Tscheremissae, Kuopio; M a s a i, F. 1950, *Paleographie et*
codicologie. Scriptorium.

Oleg Sergejev
(Tartu)

ÜBER DIE HANDSCHRIFTLICHEN WÖRTERBÜCHER VON
ALEXANDR SMIRNOV

Z u s a m m e n f a s s u n g

In dem Handschriftenzimmer der Lobatschewsky-Bibliothek der Kasaner Staatlichen Universität gibt es zahlreiches handschriftliches Material in der marischen Sprache. Hier werden auch handschriftliche Wörterbücher des XIX. Jahrhunderts aufbewahrt. In diesem Artikel behandelt der Autor die Wörterbücher von A. Smirnov. Sie sind: "Словарь черемисского языка" (№ 1360), "Русско-Черемисский Словарь" (№ 1146) и "Русско-Черемисский Словарь Лугового нар. чия" (№ 1755).

Alexandr Smirnov war Priester aus dem Dorf Arino des Tsarewokokschajsker Kreises des Kasaner Gouvernements. Die Handschriften waren von ihm Ende der 60-er - Anfang der 70-er Jahre des XIX. Jh. vorbereitet.

A. Smirnov benutzt in allen seinen Wörterbüchern die russische Schreibweise. Die gewissen Schwierigkeiten bereitete die Übergabe der eigentümlichen marischen Laute ö, ü, к.

Vielen dialektalen Wörtern und Archaismen aus seinen Handschriften begegnet man auch in anderen Wörterbüchern, daB von Verbreitung in früheren Zeiten, zss.: түэ 'Kamel' (1755), түэ 'Kamel' (1146), түя 'Kamel' (1360), түа 'KAMEL' (1420), usw.

Vielen dialektalen Wörtern und Archaismen aus seinen Handschriften begegnet man auch in anderen Wörterbüchern, das von ihrer Verbreitung in früheren Zeiten spricht, z.B.: түэ 'Kamel' (1755), түэ 'Kamel' (1146), түя 'Kamel' (1360), түа 'Kamel' (1420); топъ 'Kanone' (1360), топъ 'Kanone' (1420), топъ 'Kanone' (1146), топ 'Kanone' (1755), топ 'Kanone' (2013, 602-a, 186); чармау 'Gardine' (1755), чармау 'Gardine' (1146), чармау 'Gardine' (1360), чърмау 'Gardine' (216).

Е. А. Цыпанов

(Сыктывкар)

ОБЩЕЕ В ПРИЧАСТИЯХ ПЕРМСКИХ, ОБСКО-УГОРСКИХ
И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ*

О. На прошедшем в 1985 году в г. Сыктывкаре VI Международном конгрессе финно-угроведов много выступлений было посвящено проблеме этногенеза пермских народов, а также выяснению межъязыковых взаимосвязей финно-угорских языков на разных языковых уровнях. Например, в докладе Р. Аустерлица проводилась мысль о специфической природе пермских языков в сравнении с другими уральскими языками в фонетике и фонологии, грамматике и лексике (Austerlitz 1985 : 99-109). Однако исследователи давно уже обратили внимание на ряд особенностей, общих для пермских и марийского, пермских и венгерского, пермских и обско-угорских языков, однако, делая при анализе этих черт совершенно разные выводы. Например, Б. А. Серебрянников в одном недавнем исследовании на основе общих моментов в пермских и обско-угорских языках сделал вывод о былом ближайшем родстве этих групп языков, тем самым поставив под сомнение традиционную схему разделения уральских языков на финно-пермские и обско-угорские (при интерпретации Б. А. Серебрянникова следует принимать лишь гипотетическую группу обско-угорско-пермских языков) (Serebrënnikov 1981 : 257). Естественно, такое объяснение не бесспорно (см., например, скептическую оценку Е. А. Хелимского, 1982 : 20). Однако, необходимо и далее проводить типологические и сопоставительные исследования разных подструктур в вышеуказанных языках (пермских, марийском, обско-угорских языках, т. к. крупных сопоставительных работ, посвященных глубокому историко-компаративному анализу соседних по географическому рас-

* В основу статьи положен доклад, сделанный автором на I7 Всесоюзной конференции финно-угроведов (Ижевск, 1987).

положению финно-угорских языков на всех языковых уровнях, в уралистике пока нет.

Разработка более точной картины глоттогенеза этноса (в конкретном случае пермян) определяется пространственной стратификацией языка в период его возникновения и становления, а также реконструкцией предшествующего ему языкового состояния (Мартынов 1983 : 4). В современной уралистике нельзя еще констатировать о более или менее полных реконструкциях разных структур общепермского праязыка, а тем более сложно говорить о более ранних праязыковых (допермских) общностях. В этом отношении многое еще неясно.

Дальнейшее освещение и интерпретация общих элементов в истории соседних языков может иметь положительное значение в освещении протодиалектов, праязыков и их дальнейшего развития. Попытаемся, во-первых, представить основания для сопоставительного рассмотрения материала пермских, обско-угорских и марийского языков и связать их с современными работами по истории уральских языков, и, во-вторых, ввести в научный оборот материал причастий этих языков. В системном виде причастия пермских, марийского и обско-угорских языков как материал в сопоставлении групп языков еще не привлекались.

I. Достижением современной исторической уралистики является углубленное внимание исследователей к изучению межгрупповых отношений языков, отдельных ветвей финно-угорских языков во взаимосвязи с другими, соседними языками и ветвями. Вероятно, это и закономерно, ибо схема генеалогического древа уральских языков, как убедительно показал Е. А. Хелимский (1982 : 10), лишь упрощенно и прямолинейно представляет возникновение и развитие языков и неполно отражает картину их подлинной дивергенции. В работах последних лет (например, в упомянутой, а также в статье М. Корхонена (Korhonen 1986)), четко прослеживается тенденция к группированию языков и к анализу их истории в связи с историческими изменениями в целом в группах языков. М. Корхонен, например, все уральские языки (а также и их протодиалекты в пределах позднеуральского языка-основы) подразделяет на боковые ареалы и центральную или внутреннюю группу языков (Korhonen 1986 : 160). Близость многих соседних уральских языков и групп языков, по Е. А. Хелимскому, объяснима былым существованием близких протодиалектов в уральском / финно-угорском праязыках (Хелимский 1982 : 24-25).

Однако, вдобавок к исследованным им угорско-самодийским языковым связям вполне возможно взять в качестве объекта анализа и пермско-марийские или пермско-обско-угорские ареально-генетические связи. При сопоставительно-историческом рассмотрении материала групп языков опираемся также на выводы М. Корхонена. Представляя поздний протоуральский языковой континуум в виде узкой продолговатой сферы, М. Корхонен протофинско-саамские и протосамодийские диалекты рассматривает в линейности запад-восток как соответственно западную и восточную периферии, протоугорские, протокоми и протомарийский диалекты считает внутренним, а протомордовский промежуточным звеном между ними. Подобные группировки он сохраняет и за современными языками, считая, что боковые ареалы языков сохраняют больший архаизм в фонетике и морфологии, а внутренние наоборот, отличаются большим количеством общих инноваций (Korhonen 1986 : 161). Опираясь на группировку пермских, обско-угорских и марийского языков как внутренних, центральных в пространственной стратификации уральских языков, мы считаем возможным на материале одной грамматической структуры сопоставить соседние языки.

При сопоставлении языков вовсе не имеется в виду какая-то тесная былая общность из пермских, марийского и обско-угорских языков. Для этого, вероятно, нет оснований. Скорее всего есть схождения между двумя группами - пермскими и марийским и пермскими и обско-угорскими языками. Однако по материалу причастий три группы языков, по нашему мнению, можно сопоставить как с точки зрения истории суффиксов, так и по семантике причастных форм.

2. Материал причастий (как и в целом инфинитных глагольных форм) представляет значительный интерес для историко-сопоставительных исследований родственных языков, так как инфинитные глагольные формы (далее ИГФ) развились уже в отдельных группах и языках относительно поздно. Обычно в обобщающих исследованиях по уральским языкам праязыковые системы инфинитивов, причастий и деепричастий не реконструируются. Поэтому материальная близость формантов ИГФ, а также и функционально-семантические схождения грамматических форм могут иметь показательную роль для освещения былой близости сравниваемых языков. Систему ИГФ марийского языка в сопоставлении с другими языками в докладе на 6 МКФУ рассмотрел П. Кокла. Он пришел к выводу, что система марийских ИГФ имеет лишь единичные точки схождения с соответствующими формами родст-

венных языков, хотя составляющие элементы суффиксов — финно-угорские по происхождению (Кокла 1985 : 87). Однако же, на наш взгляд, можно более обоснованно говорить об общих чертах в системах причастий пермских и марийского языков. Ниже рассмотрим пермские и марийские причастия. Примеры взяты из исследований Н. Т. Пенгитова (1951) и И. С. Галкина (1964), ради краткости даются лишь причастно-именные сочетания. Праязыковые суффиксы даются по работе Х. Рятсепа (Rätsep 1954).

2.1. В формально-этимологическом аспекте почти все суффиксы причастий пермских и марийского языков совпадают и восходят к единым прафинно-угорским источникам, а именно — к суффиксам древних отглагольных имен.

К прафинно-угорскому *-s восходят имена деятеля и активные причастия на -ше (-шо, -шб) в марийском, напр., кайше 'идущий' и на -ись в коми, на -ись в удмуртском языке, напр., к. вурись ныв, удм. вурись нылмурт 'шьющая девушка'.

К прафинно-угорскому *en восходят в марийском языке ныне деепричастный суффикс -нн (-ен), который ранее образовывал причастия, напр., цужен пире 'голодный волк' (Галкин 1964 : 168-169), в пермских языках суффиксы причастий настоящего времени, коми -ан, -ана, удмуртский -но, (-оно), напр., веськбдан район, кивалтоно район 'руководимый район'.

К прафинно-угорскому *-n восходят суффиксы марийских пассивных причастий на -ме, (-мо), напр., мумо документ 'найденный документ', суффиксы причастий прошедшего времени в коми -бм, -бма, в удмуртском -м, (-ем), напр., коми локтбм нывбаба, удм. дыктэм кышномурт 'пришедшая женщина'.

К прафинно-пермскому каритивному суффиксу *-tсш восходят суффиксы отрицательных причастий в марийском -дыме (-дымо), напр., уждымо 'невиданный', и суффикс отрицательных причастий в коми языке, напр., аддызвэтбм 'невиданный', а также суффикс отрицательных форм причастий в удмуртском языке, напр., арамтэ зег 'несжатая рожь'. Нет взаимных этимологических соответствий у суффикса причастий будущего времени -шаш в марийском и у причастий на -мон и на -мын в удмуртском языках. Все эти форманты вторичного происхождения и составные по структуре.

Совпадение этимологически почти всех суффиксов причастий пермских и марийского языков трудно объяснить случайным совпадением, т. к. в финно-угорском праязыке реконструировано намного больше суффиксов отглагольных имен, легших в ос-

нову ИФФ. Х. Рятсеп в своем исследовании реконструирует 9 общих финно-угорских суффиксов ИФФ (Rätsep 1954 : 462-463), Ю. Янхунен приводит 7 разных формантов (Janhunen 1982 : 34), а Б. Коллиндер 6 суффиксов прауральских отглагольных имен (Collinder 1965 : II0-II5). Из них все консонанты суффиксов причастий пермских и марийских языков совпадают.

2.2. Этимологическая идентичность формантов сопровождается интересными фактами функционально-семантической идентичности или близости. Например, и в пермских, и в марийском языках функционируют на синхронном уровне языков омонимичные, но по происхождению единые имена деятеля и активные причастия. Например, в марийском языке шылле 'беглец' и 'бегущий', в коми пшйысь 'беглец' и 'бегущий', в удм. эктйсь 'танцор' и 'танцующий'. С точки зрения истории активных причастий с общим элементом -й картина в пермских и марийском языках идентичная: согласно И. С. Галкину, в древности имя действителя расширило синтаксические функции и превратилось в действительное причастие (Галкин 1964 : 163-164). Подобная же картина, по мнению автора статьи, была и в пермских языках, хотя в существующих исторических грамматиках причастия на -ись, -ись в пермских языках считаются исконно древними, первичными причастиями (Серебренников 1964 : 172-173).

Язык сближает и то, что образования с общим М-овым элементом в пермских и марийском языках ныне функционируют как причастия и как имена действия. В пермских языках есть омонимичные суффиксы отглагольных имен -ым в коми, -м в удмуртском, напр., кыным, кынем 'замерзание' и с другой стороны причастие - кыным кяс, кынем кяс 'замерзшие руки'. Также и в марийском, напр., шочмо кече 'день рождения' (имя действия) и лудмо книга 'читаемая книга' (пассивное причастие) (Пенгитов 1951 : 8). Что касается ш-овых причастий в рассматриваемых языках, то здесь наблюдается пересечение значений форм. Если марийские причастия в целом являются пассивными, напр., штыме 'делаемый, сделанный', то пермские причастия прошедшего времени несут также значение пассивного действия, напр., коми вочым 'сделанный', удм. омырен шобьртэм гурт 'покрытия мраком дерева'.

Отрицательные причастия в марийском и коми языках этимологически идентичны, семантически близки: они обозначают несостоявшееся или не совершающееся действие, напр., мар. луддымо 'нечитающий, нечитавший, нечитанный', коми луддытым

'непрочитанный'. Отметим здесь и то, что с помощью каритивных суффиксов -дыме и -тѳм в этих языках идентичным образом образуются и каритивные прилагательные, напр., мар. точшы-дымо 'бездетный', коми челядьтѳм 'тж', удм. сиртѳм ыж 'безрогая овца'.

Причастные системы марийского и пермских языков, имея много схожих черт, отличаются характером семантических оппозиций форм: если в марийском основные формы положительных причастий на -ше и -мо различаются по выражению активного и пассивного действия, то в пермских языках причастия на -сь, -н и на -м разграничены по выражению временных отношений. И все-же известные схождения пермских и марийских причастий в истории формантов, в семантике и функциях форм очевидны. К тому же в литературе отмечено большое количество причастных конструкций, из них часто абсолютных (с маркированным в формах падежей субъектом действия) в марийском и пермских языках, что, вероятно, является сохранением типологических особенностей финно-угорского праязыкового состояния.

С другой стороны, историко-сопоставительный анализ систем причастий традиционно включаемых в волжскую группу марийского и мордовских языков показал, что системы причастий этих языков, наоборот, резко различаются. Опираясь на анализ причастий мордовских языков, следанный В. А. Ледайкиной (1981), можно по предварительным наблюдениям отметить, что в мордовских языках система причастий состоит из большого количества форм и имеет совершенно иные суффиксы, например, форманты активных причастий -ий, пассивных причастий -вт, -кс, -н. Есть этимологические и функциональные совпадения, например, м-овые пассивные причастия. Однако общей системности в формах и семантике причастий волжских языков, на наш взгляд, выделить трудно.

3. Причастия пермских и обско-угорских языков объединяются единими по происхождению и по семантике ш-овыми причастиями прошедшего времени, которые восходят к финно-угорскому отглагольно-именному суффиксу *-ш. Например:

коми мунѳм, удм. мунѳм 'ушедший';

хант. wexѳm 'сделанный, приготовленный';

манс. totѳm 'унесший, унесенный' (Основы III : 328).

Следует отметить, что системы причастий обско-угорских языков по количеству форм уступают причастиям пермских языков и состоят из 2 форм (Основы III 328). Однако общее функционально-семантическое подразделение систем причастий обе-

их групп языков идентичное-позитивные причастия разделяются на причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени. Материал показывает, что из обско-угорских языков причастия мансийского языка наиболее близки пермским. П. Хайду отмечает, что уже с отделения обско-угорской ветви угорские языки развивались без тесных связей между собой, поэтому и немного у них наблюдается общеугорских особенностей (Хайду 1985 : 195).

Пермские и мансийские причастия системы объединяются как по общим формально-этимологическим источникам $-ш$ и $-п$, так и по идентичности семантической структуры причастных форм. Если иметь в виду то, что действительные причастия с суффиксами $-ись$, $-ись$ в пермских языках вторичны, то первоначальная структура из положительных причастий настоящего времени на $-н$ и прошедшего времени на $-м$ в пермских и мансийском языках получается удивительно схожей. Семантическая структура рассматриваемых причастий включает два основных значения: 1) значение активного действия, выполняемого субъектом, выраженным в определяемом слове, например: у причастий настоящего времени: коми доктан морт, удм. дыктоно мурт 'приходящий человек'; манс. saxwa'tn luw 'лягающаяся лошадь' (Ромбандеева 1973 : 146); у причастий прошедшего времени - удм. кымем киос 'иззявшие руки', к. pōttōds сэйбм понпи 'досыта наевшаяся собачка', манс. tē-ш kūt'uwris 'тх' (Ромбандеева 1973 : 146); 2) значение пассивного действия, переходящее на объект, выраженный в определяемом слове, например, у причастий настоящего времени - удм. яратоно, коми радейтана 'любимый'; манс. xoratan 'xōwt 'украшаемая ёлка' (Ромбандеева 1973 : 146), и у причастий прошедшего времени - к. вибм кбин 'убитый волк', удм. кымам пых 'опрокинутая лодка', манс. alim sāli 'убитый олень' (Ромбандеева 1973 : 146).

Формальное и функционально-семантическое совпадение причастий пермских и мансийского языков, таким образом, представляет интересное явление как в истории, так и современном состоянии языков. К этому можно добавить и близкие соответствия в языках в области истории возникновения II прошедшего времени на базе m -овых причастий прошедшего времени как в пермских, так и обско-угорских языках (мансийском и хантыйском).

Для удобства и наглядности материал причастий трех групп языков можно представить на таблице (см. таблица I), где отчетливо видны формально-этимологические и семантические сходства в разных языках.

4. Вопрос об интерпретации фактов общих элементов в системах пермских и марийского, пермских и обско-угорских языков очень сложен. Вдобавок к приведенным ранее в литературе данным, по нашему мнению, вполне можно оперировать в дальнейших исследованиях по этому вопросу и материалом причастий в соседних группах языков.

В заключение приведем возможные и выдвинутые разными исследователями гипотезы, объясняющие многообразие общих элементов у рассматриваемых групп языков. Перечислим основные: 1) они могли возникнуть в результате случайного совпадения; 2) могут являться свидетельствами их былой генетической соотнесенности (родства) языков; единого праязыкового состояния; 3) они могут объясняться наличием в родственных языках общих типологических характеристик; 4) могли развиться благодаря поздним контактам между языками; 5) общие элементы могут объясняться ареально-генетическими связями между бывшими прото-диалектами уральского / финно-угорского праязыков.

1 и 2 точки зрения наиболее уязвимы, т. к. для случайных совпадений в сравниваемых языках есть слишком много сходств. Точка зрения о праязыковой природе (пермско-марийский и пермско-обско-угорские праязыки) в уралистике не раз подвергалась конструктивной критике. 3 точку зрения о типологической природе, на наш взгляд, также трудно полностью принять, т. к., по одной из распространенных точек зрения, языковая типология предполагает лишь функциональное и структурное сходство и необязательное материальное, формально-этимологическое сходство (Мартынов 1983 : 10). В рассматриваемых же образованиях (системах причастий трех групп языков) этимолого-формальное сходство в ряде случаев совпадает с функциональным и структурным. Данное обстоятельство заставляет сомневаться так же и в причинах типологического характера. На наш взгляд, 4 и 5 точки зрения наиболее подходят для объяснения явлений сходства в группах далеко-родственных языков.

Возможно также предложить и более интенсивный характер взаимодействий между протодиалектами и отделившимися языками и группами языков между собой. Традиционно на этот фак-

Т а б л и ц а I

Языки Источники	Марийский язык	Пермские языки	Обско-угорские языки
	Имена деятеля и активные причастия	Имена деятеля и активные причастия	
Финно-угор. *-s'	-шо <u>лудшо</u> 'читающий, читатель' -ше -шб <u>Йогышо</u> вуд 'вытекающая вода'	-мсь к. <u>мтшкмсь</u> 'косарь' -йсь <u>мтшкмсь</u> морт 'косящий человек' удм. <u>эктйсь</u> 'танцор, танцующий'	
	Деепричастия, возникшие на основе причастий	Причастия настоящего времени	Причастия настоящего времени (в мансийском языке)
Финно-угор. *-n	-н <u>лудми</u> 'читая' (дееприч.) <u>шужен</u> пире 'голодный волк' (др. прич.)	-ан к. <u>локтан</u> , удм. <u>лыктоно</u> -ана 'приходящий человек' (активное действие) -но к. <u>радейтана</u> , удм. <u>яратоно</u> -оно 'любимый' (пассивное действие)	-н <u>saxwa'tn</u> luw 'лягающаяся лошадь' (активное действие) <u>xoratan'</u> xowt 'украшаемая елка' (пассивное действие)
	Пассивные причастия	Причастия прошедшего времени	Причастия прошедшего времени
Финно-угор. *-m	-м <u>лудмо</u> книга 'читаемая, прочитанная книга' -мо -мб Имена со значением имя действия <u>шочмо кече</u> 'день рождения'	-бм к. <u>локтбм</u> , удм. <u>лыктэм</u> 'при- шедший' (активное действие) -зм к. <u>пбрдбм</u> удм. <u>кымам</u> 'опро- кинутый' (пассивное действие) Имена со значением имя действия <u>кмабм</u> им 'звук капля'	-м х. <u>маным</u> 'ушедший', мс. 'причалившая лодка' (ак- тивное действие) х. <u>верым</u> 'сделанный', мс. 'убитый олень' (пассивное действие)
	Отрицательные причастия	Отрицательные причастия (в коми языке)	Отрицательные отглагольные при- лагательные (типологическая черта)
Финно-перм. *-temV	-дмме <u>луддммо</u> 'нечитающий, нечитаемый' -дммо <u>уддммо</u> 'невидящий, невидимый'	-тбм <u>гбгбровотбм</u> 'непоминающий, непонятный' <u>аддэвтбм</u> 'невиданный'	-tāl <u>sustāl</u> ut 'невидимый предмет' (мс.)

тор в исторической уралистике уделяется мало внимания. Так, обычно некоторые общие черты пермских, марийского, обско-угорских языков (наличие большого количества отглагольно-именных, причастных, деепричастных конструкций, сходства в структуре и семантике форм II прошедшего времени) объясняют иноязычным (туркским) влиянием. Но ведь более древние и последующие фазы развития языков, по-видимому, сопровождались и конвергентными процессами, которые сказывались во взаимодействии, контактировании родственных языков. Подобное объяснение сходств в дальнеродственных языках, на наш взгляд, также правомерно. Естественно, такая позиция нуждается еще в большей фактографической и историко-лингвистической аргументации и выдвигается лишь как возможная.

Такие глобальные проблемы исторического финно-угроведения, вероятно, могут быть разрешены лишь в будущих крупных исследованиях ведущих уралистов. Факты причастий пермских, марийского и обско-угорских языков вполне могут послужить материалом для подобных исследований.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

- Г а л к и н И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, Йошкар-Ола; К о к л а П 1985, Система инфинитных форм и глагольные имена в марийском языке // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы, Сыктывкар; Л е д я й к и н а В. А. 1980, Причастия в мордовских языках. Канд. дисс., Саранск; М а р т ы н о в В. В. 1983, Язык в пространстве и времени // К проблеме глоттогенеза славян, Москва; Основы III = Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва; П е н г и т о в Н. Т. 1951, Причастия в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Ленинград-Москва; Р о м б а н д е е в а Е. И. 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва; С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва; Х а й д у П. 1985, Уральские языки и народы, Москва; Х е л и м с к и й Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва; A u s t e r l i t z, R. 1985, The Permian Centre // СЭУ XXI. P. 99-109; C o l l i n d e r, B. 1965, An Introduction to the Uralic Languages, Berkeley and Los Angeles; J a n h u n e n, J. 1982, On the structure of Proto-Uralic // FUF XLIV. P. 23-42; K o r h o n e n, M. 1986, History of the Uralic languages and the principle of lateral areas // FUF XLVII. P. 156-162; R ä t s e p, H. 1954, Infinitised verbivormid soome-ugri keeltes, Tartu (Kandidaadiäitikirj); S e r e b r e n n i k o v, B. A. 1981, Die Züge der Ähnlichkeit in der Casus und Verbsystemen der permischen und ugrischen Sprachen als Zeugnis ihrer mehr engeren Beziehungen in Altertum // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI, Turku. S. 250-257.

J. A. C y p a n o v
(Syktyvkar)

DIE ÄHNLICHEN BESONDERHEITEN DER PARTIZIPIEN IN DEN
PERMISCHEN, OB-UGRISCHEN UND MARISCHEN SPRACHEN
Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden die etymologischen und gemeinen funktionellen Elemente in den Systemen der Partizipien der permischen, ob-ugrischen und marischen Sprachen behandelt. Die Ausgangstellungen zu dieser Analyse sind dem Artikel von M. Korhonen "History of Uralic languages and the principle of lateral areas" (FUF 47 : 156-162) entnommen, in dem alle uralischen Sprachen in westliche und östliche Sprachgruppen und in Gruppe der zentralen Sprachen eingeteilt sind. Die letzte Gruppe umfaßt die permischen, ob-ugrischen und marischen Sprachen. Das Material der Partizipien dieser Sprachen ist für die zukünftigen historisch-vergleichenden Untersuchungen in der diachronischen Uralistik bestimmt.

Валерий В е р ш и н и н

(Йошкар-Ола)

ЧУВАШСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРИКАМСКИХ ГОВОРАХ
МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Контакты между марийским и чувашским языками были очень продолжительными, их история измеряется по крайней мере тысячами лет. Поэтому чувашские заимствования в марийском языке давно привлекали внимание финно-угроведов. Капитальным трудом, квалифицированно выявившим многие сотни чувашских заимствований в марийском языке, является книга Мартти Рясянена "Чувашские заимствования в марийском" (Räsänen 1920). Однако ко времени написания этого труда лексика марийского языка (в особенности его восточного наречия) была сравнительно слабо изучена, поэтому в список Рясянена многие слова чувашского происхождения не попали.

К настоящему времени в прикамских говорах марийского языка (ПГ) лексем чувашского происхождения, имеющих диалектный характер в отношении марийского литературного языка, автором статьи выявлено полторы сотни. Эта цифра должна быть признана очень значительной — учитывая то, что ПГ уже в течение нескольких столетий не контактирует с чувашским языком, и многие чувашизмы ПГ (напр., *paуala* 'уважать') устарели, нередко вытеснены татаризмами и русизмами. В некоторых случаях чувашским заимствованиям лугового наречия в ПГ соответствуют сохранившиеся в них незаимствованные лексемы, напр., *обсан* — в ПГ *ku* 'со' 'глиста', *турлаш* — в ПГ *шпнда* 'отстаиваться, осаждаться'.

В последние годы историческое изучение марийской лексики сделано крупные шаги, например, вышли в свет первые два тома Этимологического словаря марийского языка Ф. И. Гордеева. Однако в них этимологии предшествующих исследователей подчас незаслуженно обойдены вниманием, в частности, нет ссылок на вышеуказанную работу Рясянена: так, при рассмотрении

слов адеме 'человек', аза (азза и т. д.) 'младенец', агур, аур 'омут', агун (аун, авун, ан) 'овин' и т. д. Некоторые чувашизмы объяснены как татарские заимствования: адиркан 'корь' со смыслом на кирг. адырай- 'выпучиваться (о глазах)' без каких-либо примеров из татарского языка (ЭСМЯ I 51), но ср. чув. катаркан 'что-то, заставляющее зудеть' (Ашм. VI 161), которое вполне могло иметь фонетический вариант хатаркан; мар. алгантарап 'соблазнять' возводится к тат. алгантыр- 'пленить, увлечь', хотя как в фонетическом, так и семантическом отношении к нему ближе чув. алхастар 'соблазнять'; приводить в кумливое, смешливое настроение - ср. сарал. ајъап алуајтагај 'привести младенца в шумливое настроение'. В первые два тома ЭСМЯ не вошли некоторые слова и лексикализованные сочетания, характерные для ПГ, напр., абеш сүге'т бран. (со значением более мягким, чем 'недочеловек'), ср. чув. етем сүри 'детеныш человека', презр. 'человек' (Ашм. III 37), в ПГ непонятное сүри было заменено на общеизвестное вүрет 'картина, рисунок' (из тат.); аја'г ши'зо бран. (слово без определенного значения, употр. для выражения досады или раздражения) - полукалька чув. хайар амак 'духи, мучание детей умершего за неисполнение обещаний духам' (Ашм. I 195) при чув. амак и мар. мухо 'болезнь'; агѣп, агеш (чаще: а'гѣп сег) уст. 'болезнь, вследствие которой наступало полное облысение', ср. также марГ арып 'вредитель волос' (СЛГНМЯ 16) - от чув. херѣп 'тяжелый, трудный, в большом недостатке; некрепкий' (Ашм. XVI 78); бшап 'ураган; очень сильный - о ветре', ср. чув. таман 'буран, вьюга, метель, пурга; снегопад' (ЧРС 1982 : 454), тат. (мелекесск., сергачск. говоры) туфан 'песчаная буря, вихрь', считаемый арабизмом (ТТДС 430), фонетически несколько дальше от бшап в ПГ.

Чувашским заимствованиям диалектного характера в ПГ дать подробную лексико-семантическую классификацию несколько затруднительно, поскольку приходится отбрасывать очень большое количество слов чувашского происхождения, имеющих как в ПГ, так и в марийском литературном языке. Поэтому автор этой статьи исследуемые чувашизмы считает целесообразным разделить на пять больших разрядов: 1. Человек и общество. 2. Природа. 3. Материальная культура. 4. Трудовая деятельность. 5. Духовная культура.

1. Ч е л о в е к и о б щ е с т в о. Этот разряд лексики очень значителен, его можно подразделить еще на более мелкие группы.

1.1. Термины родства и свойства, названия лиц по ка-ким-л. признакам: tuулар (марл тулар) 'сват', tuулаче (марл тулаче) 'сваха; сватья'; kōgaуа уст. елаб. 'почетный гость (напр., на свадьбе); наиболее уважаемый человек в общине', ср. чув. kēреке 'почетное место за пиршественным столом; стол, уставленный яствами' (ЭСЧЯ 1964 : 107); karci'k 'ря-женный во время праздника Шорчол (соответствует масленице)', ср. чув. (савърни)карчак 'ряженая на масленице' (Ашм. У1 120), в ПГ karci'k вряд ли прямо от тат. карчик 'старуха'; бикај уст. 'милый (о ребенке)', бикагај шутл., Ниргинда 'карапуз, малыш', здесь основа бик - может иметь болгарское происхождение - учитывая звукосоответствие о, у в чувашском языке и а общетюркского характера в татарском, ср. тат. чага в составе бала-чага 'детвора, дети' и тат. диал. чага 'детеныш' (ТРС 1966 : 627).

1.2. Слова, каким-либо образом характеризующие челове-ка. Эта группа более многочисленна: a'rsɛr 'шаловливый; бестолковый' (Räsänen 1920 : 115); ertənʒa'š 'разбаловать-ся, начать вести себя слишком вольно; пресмытаться; пересто-яться; зайти далеко (напр., о болезни)' от чув. иртён 'воз-гордиться перед старшими; испортиться вследствие долгого пребывания в чем-л.; перестояться на корню' (Ашм. III 142); кум., елаб. jolko, сарап. jo'lko (марл його) 'ленивый' (Räsänen 1920 : 134); jomat 'приветливый; жизнерадост-ный, веселый, коммуникабельный, простой в обращении' от чув. юмарт 'сердечный, ласковый; простой, бесхитростный, радуш-ный и т. д.' при тат. юмарт 'щедрый' (семантика марийского слова скорее указывает на чувашский источник); jotašna'š уст. 'чураться, чуждаться; стесняться' от чув. ютшан 'то же' (ЧРС 1982 : 643); jɛlrɛna'š и jɛlrəna'š 'шалить; безобраз-ничать', ср. чув. елпён 'то же' (там же, 98); kajɛklanaš са-рап. 'стать прытким - о младенце', ср. чув. кайяклан 'оди-чать' (там же, 135); kanɛʒrlana'š уст. 'ёрзать или метаться из-за обеспокоенности' - от чув. кансёрлен или канясёрлан 'становиться беспокойным' (там же, 141, 140); pü'sö, püšö 'развитый, толковый, разумный', ср. чув. писё 'крепкий, проч-ный; гибкий, выносливый', а также чув. пис 'зреть; приобре-тать навык, умение и т. д.', püvəläpəš мамад., püvəläš В. Их-Бобья 'вмешиваться в чужие дела, считая себя умнее; быть нахальным; придирааться к кому-л.', ср. чув. писёлен 'стано-виться закаленным и т. д.' (там же, 298); so'jɛr уст. са-рап. 'дурацкий, чудной, чудаковатый' (правда, в чувашском

язмке близкая форма не зафиксирована, но от тат. сээр 'чуждой, странный, загадочный' в ПГ ва'жэг 'интересный, возбуждающий любопытство'); топбөгө'а, төпбөгө'а, түпбөгөс сарап. 'неприветливый и бестолковый, необщительный и неучастливый (человек)', ср. чув. түнтерле 'шиворот-навыворот' (Ашм. XIV 213) и түнтер 'изнанка, оборотная сторона', но в ПГ түпбөгөс и т. д. могли образоваться от контаминации чув. түнтер, таттаризма тү'пбөк, русизма бипбу'к; төпсэг уст. 'крайне нетерпеливый' от чув. тәнсәр 'неблагоразумный и т. д.' (ЧРС 1982 : 456); үмәт- в үмәттәмө 'бессовестный, предосудительного поведения, невоздержанный', ср. чув. әмәт 'способность насматся' и әмәтсәр 'жадный' (Ашм. IV III).

1.3. Слова, отражающие взаимоотношения людей. К этой группе относятся слова агуаһа'ә 'ругаться с кем-л.' от чув. харкаш 'ругаться, гриматься'; иста'ә 'заставлять, настойчиво угощать' от чув. хисте 'принуждать', а также 'настойчиво угощать' (Ашм. XVI 136); паллаһа уст. 'знакомиться, представляться для знакомства', палла 'знать; узнавать' - ср. чув. палла 'то же' и т. д.; жәк - только в выражении жәккәш жукта уст. 'надоест до последней степени' (букв: "довести до жәк'а"), ср. чув. йәк кәтарт 'надоест' (Ашм. V II2) при чув. кәтарт 'покрывать; проявлять и т. д.'; жәлжәк в устаревшем выражении жә'лжәккәш жукта'ә 'сильно надоест, надоест до крайности' - ср. чув. йәлжәк и йәлжәк 'пресмытаться' (Ашм. V 57, 59); выражение дәпжәш ортагрен ила 'коптить небо, прожигать свою жизнь' - частичная калька с чув. тәнчене шәршлантарса пурән 'прозябать, коптить небо' (ЧРС 1982:472), в обоих языках букв.: 'жить, позоря мир', причем глагол ортагрен в ПГ от чув. хуртар 'срамить', как и от 'посрамление' (в ПГ чаще в составе сложного слова Үҗо'г 'то же' при мар. вуй 'голова; головы', ср. чув. хур, хор 'обида, поношение, хула' (тат. хур 'позорный' по своей семантике несколько дальше). Чувашизмами в ПГ являются также глаголы ортапбара 'срамить, обижать', ср. чув. хурлантар 'огорчать, обижать'; зүһана'ә 'чувствовать озноб; чувствовать сильное стеснение' от чув. сүҗен 'ежиться от озноба; пережить, перенести потрясение' (ЧРС 1982 : 431); тәккитата Кадряково (только в выражении жә'lme тәккитата 'язык болтае', ср. чув. тәккитат 'постукивать, стучать; стрекотать и т. д.'; боуа 'доносить, ябедничать' (Räsänen 1920 : 232).

В ПГ глагол жәһага'ә сохранился только в форме деепричастия-компонента составного глагола жәһага'п ола'ә 'презв-

личивать; привирать' (ср. мар. ешараш 'добавлять; набавлять; пополнять'). Здесь корень ješ, а также суф. -ар- чувашского происхождения (Галкин 1966 : 135), в ПГ ješ 'семья; супруг или супруга; кучка стеблей растений' от чув. йиш 'количество; семья; группа, коллектив', при этом чувашский корень йиш может быть связан с идеей увеличения, умножения, ср. йишлантар и йишлат 'множить, умножить, увеличивать численно и т. д.' (ЧРС 1982 : 133). Но в словарях чувашского языка не зафиксирован глагол йишар, поэтому мар. Йешараш - скорее всего собственномарийское образование из чувашских элементов для основы этого глагола.

1.4. Лексика, связанная с анатомией и физиологией. За последние годы в ПГ автором этой статьи зафиксированы заимствования: каван в составе термина каван лу уст. елаб. 'большая берцовая кость' - от чув. касан 'спина; зад, ягодница' (Ашм. VI 147); сарап. каси 'рагла' при обычном каза парня 'микинец', ср. чув. кача пурне и диал. качй порни 'то же' (Ашм. VI 192); токмак уст. 'негибкий (о суставах)' ср. чув. тукмак ала 'руки-крюки, неумелый человек' (ЧРС 1982 : 491) при чув. ала 'рука'.

1.5. Названия болезней. К их числу относятся: абькап 'корь', агаш, агаш 'какая-то болезнь волос'; сүвап 'фурункул'; азга, ажга, азга 'острое заболевание кишечника человека; дизентерия; дух этих болезней'. От них образованы фитонимы азга вош, ажга вош, азга шубо, ажга шубо уст. 'какие-то растения, в том числе черный коровяк', в д. Унур-К. ажгап шубо уст. 'растение, в прошлом использовавшееся от болей в суставах'. Компоненты азга, ажгап и т. д. по фонетическому облику часто идентичны с мар. азрен, азрепне, айзрен 'ангел смерти'. Х. Паасонен зафиксировано слово азга 'резь в животе' (Paasonen 1948 : 6), возводимое к тат. уфимск. азга 'злой дух' (там же). Однако татарскими лексикографами это слово не зафиксировано. У башкирских же мари в настоящее время есть бранное слово азга, азга 'обжора; большая глотка'. Слово, не сохранившееся в речи уфимских татар, как и мар. азга, азга и т. д., на наш взгляд, чувашского происхождения, ср. чув. Есрейё, Есрейлё 'дух смерти', а также Есрехун - бранное выражение (Ашм. III 33, 34), где компонент -хун - от чув. хун 'хан'. От чувашской формы есрейё - мар. азрене 'дух смерти, в представлении марицев - ужасное существо с огромным ножом', поэтому -не конца слова вряд ли возможно считать суффиксом уменьши-

тельности и прямо возводить к тат. газраил, азраил 'ангел смерти' (см. ЭСМЯ I : 58). Варианты же азьган, азьге^п могут иметь окончание генитива-прилагательного -н и объясняются наличием в прошлом слов азьга^а, азьга^а от чув. есре- (в Есрехун), а также фонетическим и семантическим влиянием мар. азыр 'клеши; видирка для гвоздей' (т. е. 'что-то очень сильно сжимающее, хватающее', напр., о боли в животе).

2. Природа. Чувашских заимствований диалектного характера, относящихся к природе, за последние годы в ПГ зафиксировано значительное количество.

2.1. Названия природных явлений и объектов. К ним относятся буша^п 'буря; ураганный'; бунза^а, тунза^а 'мир, вселенная', то, что это слово не от тат. денжэ 'то же', доказывается наличием других параллелей в ПГ и чувашском языке: б. jolko 'очень ленивый, сверхлентяй', б. шожа^к 'прожженный плут' - в чувашском тёче укманё 'набитый дурак' (Ашм. XV 56); йьга^а 'грядка; межа' (марЛ 'грядка') при чув. йьран 'межа, грядка, граница'; о.то сарап. 'остров', ср. чув. диал. утя 'то же'. Не совсем ясно происхождение компонента сопаг- в сопагрб^л, сопагбү^л 'радуга' (-бүл рл, рл 'облако' финно-угорского происхождения). Носителям ПГ неизвестно слово сонар 'охота' (чувашского или татарского происхождения). Очевидно, сопаг- в ПГ не имеет связи с этим словом, его, как и шон- в марЛ шонанпил 'радуга' лучше возвести к чув. суи 'гореть, светить, пылать', вариант же сопаг- мог появиться под влиянием чув. сумар 'дождь', ср. еще чув. диал. видём сумарё 'мелкий дождь при солнце' (ДСЧА 1968 : 63).

Термин йог 'болото' сохраняется у сарапульских мари в нескольких топонимах, а в кукморском говоре йог- содержится в термине йога^й 'болотистое место' - ср. чув. мур 'болото'.

Глаголы йьмалана^й, йьмага^й, йьмагча^й 'затягивать небо серыми однотонными тучами (при наступлении затяжного дождя)' и прилагательное йьма^{гче} 'однотонно-серый - об облаках' появились в ПГ благодаря наличию чув. шамал 'заволакивать, затягивать небо - о тучах' и шамар 'хмуриться, становиться ненастной (о погоде)' (ЧРС 1982 : 609).

Неясна этимология слова те^{ске} уст. 'половодье; вешний (о воде)', мамад. 'обратное течение реки (в низовьях Вятки в начале лета)', сопоставление его с чув. тачка 'сырой; сильный; полный, сочный, мясистый, тучный, жирный, толстый' не совсем безупречно как с точки зрения фонетики, так и семан-

тики. По значению к марВ *teske* ближе тат. ташкын 'разлив, половодье; сильно разливающийся' (ТРС 1966 : 524), но по своему фонетическому облику оно обнаруживает еще большую разницу.

2.2. Названия, связанные с фауной. Их сравнительно немного: *kütlaṣa* 'я' 'участвовать в гоне, быть в периоде течки, бегать (о собаках и кошках)' от чув. кёртлеш 'быть в периоде течки - о собаках', ср. также чув. кёрт 'время течки; стая собак во время течки' (Ашм. VII 297); *kərkā* Сарамак, Куклик 'вид мелкой рыбы длиной в 10 - 12 см., с белым животом и довольно крупной чешуей', ср. чув. кёркке 'форель; пескарь' (однако не совсем ясно направление заимствования); *tu'təyṣa* фолькл. 'какая-то птица (летающая)', ср. чув. гурткаш 'павлин' (ЧРС, 1982 : 497), в чувашском орнитониме -р- является вставным звуком, ср. тат. тутый кош 'то же' (которое, однако, в ПГ звучало бы как *toti kuṣ, totiçuṣ*).

Слово слан в ПГ самостоятельно не употребляется, оно чаще всего по отношению к самкам животных может придавать значение 'двулетняя' (Унур-К.), 'не давшая приплод на втором году жизни' (сарап.), 'имеющая уже второй приплод' (елаб.). В ПГ также широко распространен термин *slan pū'nḃō* 'лиственница', ср. мар. пунчб 'сосна', и только в д. Марийское Гондырево - 'старая, могучая сосна', это последнее значение должно быть первично, поскольку еще в недавнем прошлом лиственница была неизвестна прикамским марийцам, перенос же семантики понятен: у лиственницы очень плотная и прочная древесина. Столь различные значения у *slan*, например, в *slan ko'pbo* 'гусыня, не выведшая гусят на второй год' (Пелемеш), *slan maṣka* 'медведица уже со вторым приплодом' и *slan šo'gṣk* 'овца второго окота' (Ильнеть) и т. д., могли развиться от значения 'двулетний', далее в свою очередь - от 'сильный, крепкий, могучий'. Это обстоятельство позволяет сближать мар. *slan* с чув. услан в зоониме услан кайк фолькл. 'лев'. Можно, однако, быть уверенным, что это животное жителям Среднего Поволжья конкретно не было известно, поэтому фольклорное услан кайк ими часто понималось как 'могучий зверь' и даже как 'могучая птица', ср. марЛ арслангайк 'орёл' (МРС 1965 : 35) при мар. ар(ы)слан 'лев' (татарское заимствование), ср. также *atsla'n šo'gṣk* Унур.-К. 'дикая, пугливая овца', в этих случаях на чувашизм (ṣ) *slan* наложилось заимствование из татарского языка. Таким образом, в ПГ семантика чувашизма

(8)slap развилась следующим образом: 'лев, могучий зверь' > 'крепкий, могучий (о звере, животном)' > 'здоровый, достаточно выросший, с нормальным развитием' > 'двухлетний' > 'способный (неспособный еще) дать приплод на втором году своей жизни' и т. д.

2.3. Слова, связанные со флорой. Фитоним окга (чаще: окга ѡи*бо) 'дикий лук, черемша' в ПГ широко распространен (ср. марл кырашудо, Г охира), компонент окга близок с чув. мхра 'чеснок', а окга ѡи*бо может быть полукалькой чув. мх-рути 'то же'. В. Г. Егоров этимологию чув. мхра 'чеснок' считает неясной и сопоставляет под вопросом с рус. укроп (ЭСЧЯ 1964 : 345). Однако это сопоставление ненадежно. Многие виды рода Allium (шнитт-лук, победная черемша, чеснок горный и т. д.) обычно растут на травянистых склонах и скалах, а это обстоятельство в какой-то мере позволяет обратиться к др.-тюрк. оугау 'изгиб, пережат, седловина' (ДТС 1969 : 363), ср. также мар. кильмес. окгак в фитониме окгак ѡи*бо 'дикий лук'.

Представляется чувашизмом компонент ѡи в составе фитонима ауѡтан ѡи (марл агитан ора) 'боярышник' при мар. агитан 'петух, петушиний', ср. чув. чие 'вишня' (от тат. чия - марВ чийе 'вишня', а мар. красноуфим. ѡија в ауѡтан ѡија 'боярышник' - от башк. сейз 'вишня'). Само же название агитан чи - собственномарийское образование из заимствованных (чувашских) элементов.

Компонент -леге в мар. тумлеге 'желудь' считается чувашизмом (Räsänen 1920 : 125), он в подговоре мамадыжских мари имеет вариант - пеге: тумле*ге 'желудь'. В этом подговоре мар. чодыра, чодра 'лес' сохраняет значение 'лес преимущественно лиственный', ср. чув. сатрака, сатра 'хворост; кустарник, мелколесье и т. д.; густолиственный' (ЧРС 1982 : 400). На наш взгляд, прямо возводить мар. чодыра к чув. сатра(ка) трудно, в марийском было бы сатра, садра или с'атра. Мар. чод(м)ра 'лес' может быть результатом контаминации чув. сатра с мар. ѡобѡга, ѡобга (фонетический вариант к ѡолѡбѡга, ѡолѡбѡга, ѡалѡбѡга) 'крупный', т. е. мар. чодыра первоначально означало 'крупный лиственный лес', ср. мар. диал. то*јга 'мелкий лиственный лес', пѡге*ге сарап. 'мелкий хвойный лес', ѡѡѡѡга сарап. 'мелкий березняк; рощица небольших деревьев', мамад. коѡла 'крупный преимущественно хвойный лес' и т. д. - у мари в прошлом слова со значением 'лес вообще' могло даже и не быть.

3. М а т е р и а л ь н а я к у л ь т у р а. Чувашский язык как непосредственно связанный своим происхождением с несохранившимся языком волжских болгар сохраняет многочисленные доказательства очень продолжительного и интенсивного влияния волжских болгар и чувашей на марийцев в этой области. Общеизвестно считаются чувашизмами *kū'gək* 'шуба', *ога-ре** (марл *орва*) 'телега; колесо', сарап. *ока** (марл, В *ока-са*) 'деньги', *сава* (кукм. *śśаВа**) 'коса для кошения' (здесь *śś* - звук, средний между *с* и *ч*) и т. д.

В ПП ряд чувашизмов имеет диалектный характер из-за фонетического облика этих слов: *ibe'm* (марл, В *иды*) 'гумно', ср. чув. диал. *итем* 'то же; ток'; *i'sək*; *i'śək*, *e'śək* (марл *изике*) 'подсвечник', уст. 'светец' от чув. *хайчикки* 'светец'; кукм. (Чигайка) *śār* (в ПП *варкге'm*, марл *сап*, *сапкерем*) 'вожжи' - ср. чув. *шапа* 'металлическая развилка для пристегивания вожжей к узде и т. д.' (ЧРС 1982 : 604), *tole** (марл *туле*) - от чув. *тылă* 'мялка, трепалка'. Но чувашизмы в ПП могут отличаться и только своей семантикой: *a'śśək* уст. 'попона; занавес' при марл *ашык* 'мат из соломы; попона; покрывало', *so'lăk* 'платок' - марл *солык* 'вышитое полотенце'.

В рассматриваемых говорах встречаются и изолированные диалектизмы чувашского происхождения, относящиеся к лексике материальной культуры: *jeyo** Мадык - чув. *йёкев* 'подпилоч, напильник'; *шоśа'k* 'горнушка у печи' - чув. диал. *мучах* 'очаг и т. д.' (Ашм. VIII 281); сарап. уст. *muska'l* - чув. диал. *мускал* 'золотник' (Ашм. VIII 276); *роśта'k* сарап. 'носочки, толстые чулки' - ср. чув. *пушмак* 'башмак'; *рго*, *рĕго** 'бурав; шопор' - ср. чув. *пăро* 'бурав' (Ашм. X 134); *pi'ske*, *рĕ'ske* - чув. *пăскă* 'пила' (Ашм. X 125), *śoj*, *soj* 'боковой край лаптей (у марийцев он получался путем наплетания строклыка на веревку) - ср. чув. *сай* 'палочка для завязывания сломанного дерева и т. д.' (Ашм. XI 3).

Интересно, что прикамские мари называли в прошлом всех остальных марийцев *kū'žyō jol* 'толстоногие' и *śem jol* 'черноногие', точно так же низовые чувашки называли верховых чувашей 'толстоногими' и 'черноногими' (Ашм. I 222-226). На близкие связи предков носителей ПП с чувашами указывают и названия этнографического характера, отсутствующие у луговых мари, например, сарап. *śuk*, иногда *śuk* 'лента с монетами, идущая от женского нагрудника на спину' - ср. чув. *śыхă* 'завязка, повязка и т. д.' и *мăй śыхки* 'ожерелье' при чув. *мăй* 'шея; шейный'; *śага** *ü'śtō* 'широкий разноцветный женский

пояс' (в прошлом широко распространенный у прикамских мари)-здесь мар. Уитӧ 'пояс', а компонент ӹага без сомнения восходит к чув. сарӹ, сар 'сара, пояс с привешенным сзади холщовым четырехугольником с монетами и бисером' (ЭСЧЯ 1964 : 179).

4. Т р у д о в а я д е я т е л ь н о с т ь. Большинство слов чувашского происхождения, относящихся к этой сфере, в марийском языке получило широкое распространение. Диалектный характер имеют заимствования ӹижна сарап. от чув. вине 'общественная помощь, помочь'; истӹгӹӹ мамад. 'закать, прижать чем.-л.' от чув. хестер 'сжимать; заземлять и т. д.' (ЧРС 1982 : 556); каса, (k)asa в слове икаса (ikkasа, ikaṣа) 'некоторое время - обычно о продолжительности работы', 'некоторое количество' - полукалька чув. пӹр касӹ 'некоторое время' (мар. ик и чув. пӹр 'один, одно; некоторый'); ogollaӹ мамад., куки, - от чув. хуралла 'караулить, сторожить', toltaӹ 'таскать, перетаскивать; перевозить, заниматься перевозкой' (в части подговоров ПГ слово отсутствует) ср. чув. тулт 'носить, таскать' (там же, 493); ӹӹг уст. 'огрех' - ср. чув. чӹрӹх 'обрывок, ключок' или же шырак 'огрех' (Ашм. XVII 191).

5. Д у х о в н а я к у л ь т у р а. Специфических слов чувашского происхождения в ПГ, относящихся к различным элементам духовной культуры, сравнительно немного. В марийском языке многие слова чувашского происхождения, очевидно, подвергались фонетическому и семантическому влиянию сходных татарских слов, тем более, что большинство восточных мари и сейчас владеет татарским языком. Например, в ПГ а'рӹӹ, а'рӹӹ зе 'языческий жрец' по своему фонетическому облику ближе к тат. абыз 'чтец, писарь', но чув. апӹс идентично по своей семантике - 'жрец на молениях', поэтому нельзя считать его не имеющим отношения к мар. арӹӹ(е) Устаревшее слово шӹжтаӹп, шӹжбаӹ 'подарок' в отношении семантики также ближе к чув. майтан 'складчина; в складчину' (ЧРС 1982 : 224), чем тат. мӹйдан 'площадь; соревнование, состязание'. Лексема оваӹ1 'злой; зло; драчливый, озорной; плохой' в ПГ означает также 'злой дух; дух мщения убитого' - ср. чув. усал, осал 'зло и т. д.; нечистый дух, нечистая сила', у тат. усал 'злой; зло' значение мифологического характера не зафиксировано. Слова заманаӹ, замаӹп уст. 'година, время (обстоятельства в какое-л. время)' также трудно вывести из тат. заман 'время; эпоха, век, период', но ср. чув. самана время, обстоятельства, момент' (Ашм. XI 41). Глагол ӹӹнаӹӹ 'наблюдать, изу-

чать, примечать, подмечать' в ПП также ближе к чув. сана 'наблюдать, следить; присматривать; испытывать', чем к тат. сына 'испытывать, пробовать; экзаменовать'.

К числу чувашизмов этого разряда лексики можно отнести междометие-возглас религиозного характера smāla (также e'smāla, š'smāla, в некоторой мере соответствующее рус. господи! ср. чув. ёсмелле примерно с этим же значением (Ашм. IV 139), варианты же ββ'smāla; βismila татарского происхождения. В ПП слово tōg 'ровный и т. д.' имеет также устаревшее значение 'истина, правда, аргумент', ср. чув. туре 'прямой, стройный; правда, честность' (ЧРС 1982 : 503-504). Слова kūle 'гусли' и kūle'že 'гуслиар' (у местных мари в прошлом - обязательное лицо на свадьбе) - чувашского происхождения, ср. чув. кёслеё 'гуслиар' и т. д., в марийском языке не могло не быть собственного названия для гуслей, ср. марГ кярш и удм. крезь 'гусли', вытеснение же этого термина достаточно вероятно лишь в условиях развитого двуязычия. Несколько столетий назад вряд ли могло существовать марийско-русское двуязычие - широкое развитие оно получило лишь в XX веке.

В ПП заимствования могут отражать и различные диалектные варианты чувашских слов, напр., ср. сарап. уст. jekəsu'-ко 'дурной, дрянной; дрянь (о человеке) и ikeəsu'ко Унур-К. 'дрянной' при чув. йёксёк 'гадость, что-л. плохое; негодяй; дрянной' и чув. диал. иксёк 'плохой'.

Исследование диалектной лексики чувашского происхождения в прикамских говорах марийского языка показывает, что, несмотря на отсутствие прямых контактов ПП с чувашским языком за последние столетия, в них пласт чувашских заимствований довольно значителен. Часто эти заимствования в ПП отличаются большей близостью своей семантики и фонетического облика к соответствующим словам чувашского языка, чем соответствия в луговом наречии. В ПП также значителен слой изолированных диалектизмов чувашского происхождения. Все это может указывать на то, что хотя бы часть предков носителей ПП некогда имели более тесные и продолжительные контакты с чувашами, чем предки основной массы луговых мари.

С о к р а щ е н и я

Я з ы к и : башк. = башкирский язык; др.-тюрк. = древнетюркский язык; мар. = марийский язык; тат. = татарский язык; чув. = чувашский язык.

Д и а л е к т ы м а р и й с к о г о я з ы к а : елаб. = елабужский говор; кукм. = кукморский говор; мамад. = подговор мамадишских марийцев елабужского говора; марВ = восточное наречие; марГ = горное наречие; мар. кильмес. = кильмесский говор; мар. красноуфим. = красноуфимский говор; марЛ = луговое наречие; сарап. = говор сарапульских мари.

Н а з в а н и я м а р и й с к и х н а с е л е н н ы х п у н к т о в Н и ж н е г о П р и к а м ь я : в Т а т а р с к о й А С С Р : Ильнеть = с. Ильнеть; Кадряково = д. Кадряково; Куклюк = д. Старый Куклюк; Мадик = д. Мадик; Пелемеш = с. Пелемеш; Чигайка = д. Чигайка; в Удмуртской АССР: В. Иж-Бобья = д. Верхняя Иж-Бобья; Мари-Гонд. = д. Марийское Гондырево; Нырмында = д. Нырмында; Сарамак = д. Марийский Сарамак; Унур-К. = д. Унур-Киясово.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Ашм. I-XVII = Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, I - XVII. Казань-Чебоксары, 1928-1950; Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Ч. II, Морфология. Йошкар-Ола, 1966; ДЮЧЯ = Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968; ДТС = Древнетюркский словарь. Л., 1969; МРС 1956 = Марийско-русский словарь. М. 1956; СЛГНМЯ = Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981; ТРС 1966 = Татарско-русский словарь. М., 1966; ТТДС = Татар теленен диалектологик сузлере. Казан, 1969; ЧРС 1982 = Чувашско-русский словарь. М., 1982; ЭСМЯ I = Гор-де в Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Том I, А - Б. Йошкар-Ола, 1979; ЭСЧЯ 1964 = Б г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.

R a s a n e n N. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki, 1948; R a s a n e n M. Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen / MSFOu XLVIII. Helsinki, 1920.

Valeri Verschinin
(Joschkar-Ola)

TSCHUWASSISCHE LEHNWÖRTER IN DEN KAMA-MUNDARTEN DER MARISCHEN SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden tschuwassische Lehnwörter in den Kama-Mundarten der marischen Sprache betrachtet: abžrkan 'Ma-sern', abž(e) 'heidnischer Priester', isak u. a. 'Leuchter', jevo 'Feil', jesaraš 'übertreiben', jotašnaš 'scheuen; verlegen sein', slan 'zweijährig - von Tiere' usw.

Paul A r i s t e
(Tartu)

KOMI-SYRJÄNISCHES AUS DEM DORFE KONI

Im Jahre 1941 traf der Unterzeichnete in Tartu den komi-syrjänischen Landbauer Pavel Kustyšev (32 J. alt), der aus dem Dorfe Koni des Knjažgorodsker Bezirk der Komi ASSR stammte. Von ihm wurden einige Märchen, Erzählungen und Lieder aufgezeichnet. Mit den Aufzeichnungen wurden die Komi-Mundartenforscher J. Igušev und V. Ljašev bekannt und haben konstatiert, daß sie für die komi-syrjänische Mundartenforschung gewissermaßen wichtig sind. Deshalb werden einige von den Aufzeichnungen in diesem Bande der "Fenno-ugristica" veröffentlicht. Die Texte der komi-syrjänischen Aufzeichnungen sind wortgetreu übersetzt worden.

1.

važen eki siktin terguitis eki ozir olis. nalen čelád ninem iz vev. a zev radeš velini čelád vile. i zev jona veli keimeni jenli. i bernas nedir ov mišti, korke silen getirlen rušku kutis bidmini. i bidmem berin vaje kaga.no nali veli kole pi. no vajs niv. rediččem beran bak icet nivli jansedis torja komnata. i sije bittem vile medalis narošnei polnei niv-baba. i taje kaga vidžisli setis sečem nakaz, med taja menam nilis iz adžil kiž arežž nekučem mortes, bapskei ni mužskai. i vidžisni sije vo dasvi.t. loi nin neve.sta. i vot korke eččid silen bak sevtis jačike sečem posni tevar. i medečcis kuim lun kežle terguitni muked siktjase. i sije vetlig kosti služanka boštis kipeledis miča niles, i sue:lok: petalam illaę paleččini. jesse vidžedlan, ašte petkedlan. - no tajeli miča niv ninem veli os.ted. dasvit arežž olis, da mortes iz adžil. ni sije neked oz. i niv

seglaši. ócis petni illaę služankaned, kuććisemen. i kutisni
 guľaitni. i drug niv adđzis: zev ícet kaga stečevę. i koken
 vefle, taje kagaıs mića nivli sečem loi divekoğ. i kuš sı
 vile kuććis viđzedni i si bersá veććini. ta berin kutis
 šuni služankali: menim tačemıs koleže. - i pegib kuććis
 voštini služankas. berdig tirji kuććis korni, a služanka
 niles kutis jona vidni. i bidnogis ilędlini kuććis, no ninem
 vile os seglaši. óci. - kole men, šuas, i stavis. tačem ka-
 gajs. služankas vivti jona nin denđzedis. i loi guľai-
 tig kosti pirtni gorte. no šorovno berde. kole kaga, služan-
 ka sili šue: meine te koran mensim? me nebni og vermi. semei
 os tirmi. karni bara etnam og vermi. te vot, mi, koleę jona
 tenid kaga, kor voaz bakid, kor siliš. gaškešija vajas, še-
 ras. - niv veliski uspokoi. ócis. služankajs kuććis viććisni
 bakli, kor voas bak. no bağ dir keže iz mun. korke i vois.
 voemen čęč niv as komnatajs mijen kilis voemse, pišjen loktis
 bağ dore. šue: menim kole kaga. - bak sin paškedis. kivse,
 mi taje loema. mortes iz adđzil. a kiš tali dum vilas use-
 ma? a bernas as nivli i šue: nebni kaja os sur. a karni
 sie zev šekid. kerpitni on vermi. - niv šue bakli: šorovno.
 kerpita. a kaga kole. - no i vot, bak služankali čektis
 jitni vev. i koris seće asšis nivse puhtędis dodde. neredis
 aslas sadje. i pu beke čektis suwti. niv suwtis i dumaite,
 mi kagaıs tađzi i artme. sesša bađ boštis gez i kertallis
 topida. zavedi. tis neitni. neitis, i kuććis vir iskotni
 jalšis. i ta berin niv etkažiććis kagaıs, mi karni zev še-
 kid. niv taja kosti vois kiž are. kuććis nimovni bidlae,
 mi sečem mića. kuććisni voavni korašjas. a niv korašlis
 srazu pervoi i juale: kaga karni šamman on? - dak veđ nekod
 ošsu: mi og šammi. pirže vetle sije. korašli no taja delese
 aslas siktis stavne tedmedis, i šue mamli: me petala korašni.
 - dugdi, jeite. kučem bur jezli iz mun, a te saje munas. - no
 sija is kivzi. petis niv dore. niv juale: kaga karni kušan on?

- sija šue: og. niv mune karisni pir stav selgas. a piruitem
beran kole icmognozjali vodni pervei voi kežle. sija assis
drugse voi šer kežle koris ešin doras. i vit minut čektis
gižjavni. vodisni icmognozja. ras šuas: oG sámmi, to oz
lišti vois. voi šer kutis kotke gižjavni. baba juale: kodne
taja? - a taja lokte kein me dine. mene šoini. menam viim
jaitor. silen dukis kile. - baba juale: ozem poždžebni? -
pože semin te orde. - požekene, mi vicóan?

In den alten Zeiten trieb in einem Dorfe ein reicher
Einwohner Handel. Sie hatten aber kein Kind. Aber sie hat-
ten Kinder sehr gern. Und sie beteten stark zum Gott. Und
nicht lange nachher begann einmal seiner Frau der Bauch zu
wachsen. Und nach dem Wachsen gebärt sie ein Kind. Aber sie
hatten einen Sohn nötig. Aber sie gebar eine Tochter. Nach
der Geburt sonderte der Vater der kleinen Tochter ein be-
sonderes Zimmer ab. Und für ihre Erziehung nahm er absicht-
lich eine beleibte Frau. Und dieser Kinderwärterin gab er
solch eine Vorschrift, daß diese seine Tochter bis zum
zwanzigsten Jahre keinen Menschen sehe, weder weiblich noch
männlich. Und sie hatte sie fünfzehn Jahre bewacht. Sie wur-
de schon mannbar. Und nun, irgendeinmal stopfte ihr Vater
einen Kasten mit solcher Kurzware voll. Und er ging für
drei Tage in ein anderes Dorf, um zu handeln. Und während
seiner Abwesenheit nahm die Dienerin das schöne Mädchen an
einer Hand und sagt: "Komm! Wollen wir hinausgehen und uns
auslüften. Du wirst Leute sehen, (und) dich selbst zeigen."
- Nun, dieses schöne Mädchen wußte nichts. Es hatte fünf-
zehn Jahre gelebt und keinen Menschen gesehen. Und keiner
(hatte) sie (gesehen). Und das Mädchen willigte ein, von
der Dienerin gestützt hinauszugehen. Und sie fingen an zu
spazieren. Und plötzlich sah das Mädchen: ein sehr kleines
Kind geht mit schwankenden Füßen. Dieses Kind war für das
schöne Mädchen solch ein Wunder. Und es begann bloß es zu
schauen, und ihm zu folgen. Nachdem fing es an, der Diene-
rin zu sagen: "Ich habe solch eines doch nötig." - Und es
begann die Dienerin in eine große Not zu stürzen. Weinend
fing es an (sie) zu bitten. Aber die Dienerin begann das
Mädchen stark zu schelten. Und auf allerlei Weise begann
sie (es) zu überreden. Aber es willigt auf nichts ein. -

"Ich muß (es) haben, sagt es, und alles." Solch ein Kind. Es belästigte die Dienerin, schon sehr. Und man mußte inmitten vom Spaziergang nach Hause gehen. Aber es weint doch. Es bittet um ein Kind. Die Dienerin sagt: "Warum bittest du mich darum. Ich kann (es) nicht kaufen. Mein Geld reicht (dazu) nicht aus. Allein kann ich (es) wieder nicht machen. Sieh du, wenn du ein Kind sehr nötig hast, wie der Vater nach Hause kommt, bitte ihn darum. Vielleicht ordnet er (es) mit sich." - Erst darauf beruhigte sich das Mädchen. Die Dienerin begann den Vater abzuwarten, wann der Vater kommen wird. Der Vater war aber nicht weit gegangen. Nach einer Weile kam auch er. Sobald das Mädchen in seinem Zimmer seine Ankunft hörte, so kam es laufend zum Vater. Es sagt: "Ich muß ein Kind haben." - Der Vater sperrte seine Augen auf. Er hörte an, was geschehen ist. Es hat keinen Menschen gesehen, aber wo ist (dies) ihm eingefallen? Aber später sagt er dann seiner Tochter: "Es gelingt nicht, ein Kind zu kaufen. Aber es zu machen, das (ist) sehr schwer. Du kannst es nicht aushalten." - Das Mädchen sagte dem Vater: "Einerlei. Ich halte es aus. Aber man muß das Kind haben." - Nun dann, der Vater hieß der Dienerin, das Pferd anzuschirren. Und er rief seine Tochter dahin. Er setzte sich auf den Schlitten. Und er brachte (sie) in seinen Garten. Und er befahl (ihr) neben einem Baume zu stehen. Das Mädchen stand und denkt, daß ein Kind auch so geboren wird. Dann nahm der Vater einen Strick. Und er band (sie) fest an. Er begann sie zu schlagen. Er schlug sie, und das Blut begann aus dem Körper zu rinnen. Und nachdem verzichtete das Mädchen auf ein Kind, weil es sehr schwer ist, (es) zu machen. Inzwischen wurde das Mädchen zwanzig Jahre alt. Es hieß überall, daß es so schön (sei). Es begannen Freier zu kommen. Aber das Mädchen fragt je vor allem sofort den Freier: "Verstehst du ein Kind zu machen oder nicht?" - Nun, keiner sagt doch: ich kann (es) nicht. Sofort jagt es diesen Freier fort. Nun, diese ganze Sache erfuhr ein Einwohner des einsamen Dorfes, und sagt der Mutter: "Ich gehe freien." - "Laß (es), dümmer! Sie hat sich mit so guten Leuten nicht verheiratet, aber mit dir wird sie sich verheiraten!" - Nun, er hat (ihr) nicht gehorcht. Er ging zum Mädchen. Das Mädchen fragt: "Verstehst du ein Kind zu machen oder nicht?" - Er sagt: "Ich (verstehe es) nicht." Das Mädchen verheiratete sich. Sie machten ein Fest für das ganze Dorf. Aber nach dem Schmausen muß das Brautpaar

sich für die erste Nacht hinlegen. Er bat seinen Freund um Mitternacht zum Fenster (zu kommen). Und er hieß (ihm) fünf Minuten zu kratzen. Die Brautleute legten sich hin. (Da) er einmal gesagt hatte: "Ich verstehe (es) nicht," so sagt er (es) nicht. Es wurde Mitternacht. Jemand begann zu kratzen. Die Frau fragt: "Wer (ist) denn dies?" - "Aber, es kommt ein Wolf zu mir, um mich aufzufressen. Ich habe Fleisch. Er wittert den Geruch." - Die Frau fragt: "Können wir (es) nicht verstecken?" - "Man kann (es) nur bei dir." - "Wenn man (es) kann, was wartest du (noch)?"

2.

važen vėli služitėnį saldatin kiž vit vo. i vot, ęki druge služitis kiž vit vo. i petis gortę lokni. važen pojezdjas iz vėvni. vetlenį vėli poden. i saldat tožę loktę poden. loktę vėli trak vįvtį. i voćća voįs ękik vuzasįs. munę posni tevarjasen vuzasni dėrevnįjase. saldat silis juale, vėmąis vėli rit: įlįnėnę dėrevnįędįs? - vuzasįs sįli šuę: dėrevnį tani matin dorin abu. no menam dem loktas matin. getir kofi etnas. da ledžāske užni te, kor vqan me orde, vištav getirli: mįi mužikid čęktis užni ledžni menęli. a me aski voa. me votędž in mun. - no vot, naja jansećcisni. korke matįsis dem dore, i zavęditis pirni. no getir silen mate is sįbedli saldateš. iz verit mįi čęktis mejam mužik ledžni užni menęli. i vot saldat sod dorin i dumaicće, kiććę munnį užni. kais kerka saję. adđže: seni žev bur pivsán sulale. munįs pivsán dore. voštis qdžesli. seni sulale pizan. i pizan vilin samevar puę. saldat i dumaite: mįinę taje? čas me taćće sajasla. taćće kotkę voas. i piris pać kolase. i ćev seni kuile. voįs sećće vuzasįslen getir. vaįs sećće bićama juanšojanse, raznei peļes vinajas. bernas acįs püksis pizan dore kįstale stokanjase ćai. sećće loktę pop. vuzasįslen getir šuę poplei: mįike tai zev kuža in vo? tekete stavis is, keidav. vek vićća. vai püksį pizan sajas. matįsi tani. nin meikę bešeduitam oļem-vilemse. - no i vot, püksis pizan saje

pop. i zavedi-tisni junj šoinj, juisni šoisni. i bernas
 kikkannis jona gažmisni. i šornitni bičama girš šornijasse.
 i vot, pop šue: stav šorni šornitim. no ekies ig šornite. -
 miine sečemes? - vot mi. te gored: i, o, o, o, - a me go-
 reda: o, o, o, o. saldat goredis: ψu, ψu, ψu. - si,berin
 ... saldat stavse pīran vīlīs čukertis burse. i nuis gorte.
 pom.

Es wurde in alten Zeiten fünfundzwanzig Jahre als Sol-
 dat gedient. Und nun, einer von meinen Freunden diente fünf-
 undzwanzig Jahre. Und er kam heraus, um nach Hause zu kom-
 men. Es gab in alten Zeiten keine Züge. Man kam zu Fuß. Und
 auch der Soldat kommt zu Fuß. Er kam die Landstraße entlang.
 Und (ihm) kam ein Kaufmann entgegen. Er geht mit Kurzwaren,
 um (sie) in den Dörfern zu verkaufen. Der Soldat fragt ihn,
 es war abendszeit: "Ist es noch weit bis zum Dorfe?" - Der
 Kaufmann sagt ihm: "Hier in der Nähe gibt es kein Dorf. Aber
 mein Haus ist (= kommt) in der Nähe. Die Frau blieb allein.
 Und wenn sie (dich) zum Schlafen (hinein) läßt, wenn du zu
 mir kommst, sage der Frau: "Dein Mann befahl (dir), mich zum
 Schlafen (hinein) zu lassen. Aber ich werde morgen kommen.
 Geh nicht weg, ehe ich kommen werde." - Nun also gingen sie
 auseinander. Als er sich zum Hause näherte, so begann er
 hineinzugehen. Aber die Frau ließ den Soldat nicht nahe kom-
 men. Sie glaubte nicht, daß ihr Mann (ihr) befohlen hätte,
 (ihn) zum Schlafen (hinein) zu lassen. Und nun! Der Soldat
 denkt an der Treppe, wohin schlafen zu gehen. Er stieg hin-
 auf hinter das Haus. Er sieht: dort steht eine sehr gute Ba-
 destube. Er ging zu der Badestube, öffnete die Tür. Dort
 steht ein Tisch und auf dem Tische ist ein Samovar. Der Sol-
 dat aber denkt: "Was ist denn das? Ich werde mich schon hier
 verstecken. Es wird jemand hierher kommen." Und er ging in
 den Zwischenraum hinter dem Ofen. Und er liegt dort. Es kam
 dahin die Frau des Kaufmanns. Sie brachte dahin allerlei Ge-
 tränke (und) Speisen, Brandwein von verschiedener Art. Nach-
 her setzte sie sich selbst an den Tisch. Sie gießt Tee in
 die Gläser. Es kommt dahin ein Pope. Die Frau des Kaufmanns
 sagt dem Popen: "Warum kommst du denn so lange nicht? Alles
 wäre beinahe kalt geworden. Immer warte ich (auf dich). Komm,
 setze dich hinter den Tisch. Komm hierher näher. Wir werden

schon uns irgendwie über das Leben unterhalten." - Nun also, der Pope setzte sich hinter den Tisch. Und sie begannen zu trinken (und) zu essen. Sie tranken und aßen. Und nachher wurden sie beide stark berauscht. Und (sie begannen) allerlei große Reden zu sprechen. Und nun, der Pope sagt: "Alle Gespräche haben wir gehalten (gesprochen). Aber eins haben wir nicht gehalten." - "Was für eins denn?" - "Sieh mal, was! Schreie du: i, o, o, o, aber ich schreie: o, o, o, o." Der Soldat schrie: "ψu, ψu, ψu." - Dann....

Der Soldat sammelte vom Tische die Habseligkeiten. Und er brachte (sie) nach Hause. Schluß.

3.

šondi - banej olemei;
da tom olemei, tom gažej,
dai tom pera kófiálemei,
das-kvait ares tirtemei,
dai kiž ar pera vičćemei,
tom niles radeitemei.
tuvćik tirje jektemei,
posjas kušta vetlemei,
dai lampa-tui tafalemei,
dai tom olemei, tom gažej.

Meine Sonne, mein Leben,
und mein junges Leben, meine junge Lust,
und mein Verleben der Jugendzeit,
da ich sechzehn Jahre alt wurde,
und das Alter von zwanzig Jahren wartete,
und ein junges Mädchen liebte,
als ich gehend tanzte,
als ich über Treppen schritt,
und als ich auf Schispuren trat,
und mein junges Leben, meine junge Lust.

Пауль А р и с т э
(Тарту)

ПРИМЕРЫ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ДИАЛЕКТА ДЕРЕВНИ КОНИ

Р е з ю м е

В 1941 году автор настоящей статьи записал в Тарту от коми колхозника Павла Кустышева из деревни Кони Княжегородского района Коми АССР разные народные предания, сказки и песни. В настоящей статье приведены две шуточные сказки и одна народная песня в фонетической транскрипции с немецкими переводами.

NÄITEID KARJALA KEELE VESJEGONSKI MURRAKUST IV

Seekord tulevad avaldamisele sõjamälestused. Keeleli-
selt vastanduvad nad eelmisel korral avaldatud muinasjuttu-
dele. Kui muinasjuttude keel on säilitanud suhteliselt "puh-
ta" ilme, st. et ümberlülituste ja hiliste laenude hulk on
seal suhteliselt väike, siis sõjamälestused on vastupidiselt
küllastunud ümberlülitustest ja laenudest. On ju sõjamäles-
tused pärit teiskeelsest keskkonnast. Et siin on keelekon-
takt eriti tugev, siis avalduvad karjala keele vana kontakt-
keele - vene keele - mõjud eriti selgelt. Sama võib märgata
ka näiteks usutemaatika puhul. Seega kaks temaatilist rühma,
kus laensõnade kontsentratsioon on kõige suurem ja ümberlü-
litused kõige sagedasemad, on usutemaatika ja sõjatemaatika.

Avaldatav materjal pärineb ühelt keelejuhilt.

Viktor Dmitrijevits K r ö l o v on sündinud 1922 a.
praeguse Kalinini oblasti Vesjegonski rajooni Dobritsa külas
(endine ametlik nimi Popovka, rahvasuus r e d u - p o p o f -
k a, seega Pori-Popovka). Kõrgema pedagoogilise haridusega,
erialalt ajaloolane. Suurema osa elust on elanud kodukandi
erinevates külades, viimased parkümmend aastat Dudinos. Mõn-
da aega elas ka Ukrainas. Töötanud pedagoogina, kõige pike-
malt, üheksateist aastat, Tšamerovo keskkoolis (koduküla Du-
dino asub Tšamerovost umbes kahe kilomeetri kaugusel). Sõ-
jast võttis osa algusest lõpuni.

Kõik järgnevad tekstid on lindistatud 1984. a. Keeleju-
hile on iseloomulik mõningate soome sõnade tarvitamine (mär-
gitud tärnikesega), mis johtub ühelt poolt asjaolust, et ta
on laiade huvidega ja huvi tundnud ka soome keele vastu, tei-
selt poolt jututeemast.

1. miula n̄in udawdu / j̄ain elošša

voinan / voianan mie ol'in p̄i'te'ri'ss̄ä / i
k a r j a l a n kangaš on / t'ijät / k a r e - l ' s k i pere-
šē'jek / k a r j a l a n kangaš // sto dvatcat' trēt'jaja
strelkō-vaja d'ivī-žija / ordena l'ē n i n a / ka šiel'ä //
mie / müö ol'imma abaronašša / i finat šežo abaronašša /
abaronāšša / vähäžin ammuimma i hūo i müö / vähäžin / nu eu-
lun moišta nastup'neijja / ni hūo ni müö emme nastupainu //

a konža l'ieni nel' l'äkümmeñd'ä kolmas' vuozi // ka / miän d'ivižija ol' i snimit' t'ü siel' dā / nu šada kaksikümmeñd'ä kolmas' d'ivižija / i l'ükät' t'ü na prari-f blokā-dj / blokjadja // talvella nel' l'äkümmeñd'ä kolmas' ta vuotta / janvarilla / ka mie t'ässä nastupeičin / i nemča / minalla rjaničči / ka jalga on / i šsas t'ial'ä oskolka on / jalga on rjanittu / t'amä ol' i devjatna-tcatava janvarä. / sorok tret' i got / i pütüin ka čerepofcah / gospital' ih // p i t' e r i h // poto-m jäl' geh čere.... / čerepofcah / l'ätokkja müöt' / t'amä / kuin / dorō-ga ži žñi / ka t'ad'ä müöt'en / čerepofcah / a jäl' geh tiäšen karjalalah // svi-ri / jogi oq / i ka oloncah päij / t'amä / p i t' k ä r a n t a / to kuin ol' i / unahin nāmā / nu sortavalah päij ka / liatokka / randja müöt / järvi liatokka / randja müöt' nastupeičin / ka siel' ä pütü miula hüvin / šežo / moničči / jallat vain miästä [...] / nävüt' t'ih / suomen... / nu snaradoilla annettih / da // tapettuo äijä ol' i meid' ä / vähää jäi elošsa / ka.

Mul oli šne, jain ellu

Sōjas, sōja ajal olin ma Leningradis (= Piiteris) ja (seal) on Karjala maakitsus. Lenini ordeniga 123. laskurdiviis, vaat seal ma (olin). Meie olime kaitstes ja soomlased samuti kaitstes. Laskime vähe, nii nemad kui ka meie, vähe, noh, ei olnud sellist pealetungi. Ei nemad ega meie ei tunginud peale. Aga kui algas neljakümne kolmas aasta, meie diviis viidi (= oli vōetud) sealt ära, see tähendab 123. diviis, ja suunatud blokaadi murdma. Neljakümne kolmanda aasta jaanuaris tungisin ma siin peale ja sakslane haavas mind miiniga. Jalas on siamaani kild. Jalg on haavatud. See oli 19. jaanuaril neljakümne kolmandal aastal.

Ja sattusin Tšerepovetsi hospitali. Algul Leningradi (= Piiterisse), (sealt) hiljem Tšerepovetsi, mööda Leadogat. See (oli), kuidas (teda kutsutigi), Elu tee. Vaat seda mööda (sõitsin) Tšerepovetsi. Aga hiljem taas Karjalasse. Sviri jõgi on. Olonetsi poole on see Pitkäranta, oli mingi, olen ära unustanud need. Noh, Sortavala poole, Leadoga kallast mööda - Leadoga järv on - kallast mööda tungisin peale. Seal sain ma kõvasti (= hästi) pihta. Samuti mitu korra. Tõstad vaid jalad maast (kõrgemale), nähti, anti mürskudega. Jaa, tapetuid oli palju, vähe jäi ellu. Noh, mul

oli õnne (= õnnestus), jäin ellu.

2. tapoin kaksi šadja vižikümmeñdä t'äidä

mie f_sõrok pervom godu· vojuiõin p i t' e r i l l /
frontalla / l' e n i n g r a t s k i front venäh' äksi / a
näl'gä ol'i / kül'üö eulun / i frontalla vain n'in / ol'i äjã
vet't'äidä / saldiatoilla // kerran mie dežurin telefo-
nal luona i rubein / heit'in šovat / tapoin kaksi šadja vi-
žikümmeñdä t'äidä / šovat l'ükkäin lumeh t'amän jäl'geh / ei
šjan kaikkie tappia / jäl'geh ot'in // päiväl'l'ä vzvõdnoi
komand'ira / l'eitenanta / t'üõnd'i miun / l'ina svjãzi rik-
kuoõci / l'õüd'ie mišsã snarada pütü / provodah // mie pa-
nin jalloilla šukset / ol'in bot'inkoišsã i remeñil'l'ä / nu
/ zast'ig'in / nübl'it'in bot'inkat i l'äks'in / kolmekümmeñ-
d'ä gradussja ol'i pakkane / a kaksi il'i kolme õjassuo mie
ol'in zadanalla // konža tul'in / zeml'apkašsã müö emmä
heit't'iačen / emmä jaksiačen // üöl'l'ä mie külüšsin / jal-
lat kivišset'äh / konža heit'in bot'inkat / dogad'in što jal-
lat on kül'met't'ü // nu kolme küda f_pol'evom gospital'e
viruin / a jäl'geh t'amä pareñi // a vošmõ·je šent'abrä sõ-
rok pervava gõda / p i t' e r i s s ä mie näin kuin nemeckoi
aviã·cija bombi p o d ä · j e f s k i j e prodovo'lstvennije
sklãdi // eskadril'i l'endi / miän artil'l'eristat oldih
nuoret / opitnoit kadroit oldih frontalla / i ei šjan / ei
šjan zbeiija nemeckoida samal'ottja / hüo poltettih p o d ä -
j e f s k i j e sklãdi / devjatka t'amä ul'et't'i jãrešt'i
// näin i toizie bombiškoida p i t' e r i n / konža nel'l'ä-
kümmeñdä vižikümmeñdä samal'ottja l'ennãt't'ih i bombittih/
p i t' e r i e // frontalla ol'i näl'gã / puol'i kilja l'ei-
bie privarttia keittuo / eulun lihja / eulun ražvja / šuri-
mja eulun / ol'i näl'gã // ken vahnembi ol'i / n'in tja gieh
kuoldih / a kaikin laihuimme äijäl'di / n'in laihuimma / što
keviel'l'ä sõrok ftarõ·va gõda konža kül'üt lja·jimma iče /
l'ähemmä kül'üh / rahvašta šiel'ã eulun / mirnoida / heit'-
t'iačet i / barçuo keräimmä / čilahaista keit'imme / keräim-
mä / i söimmä / i kažieççi t'amä hüvä süomiñe / fso.

Tapsin kakssada viiskümmeñd täid

Neljäkümne esimesel aastal sõdisin ma Leningradi (= Pii-
teri) rindel. Vene keeles Leningradi rinne. Oli nälg, sauna
ei olnud ja aina olid rindel. (Aga) sõduritel oli ju palju
täisid. Kord ma olin telefoni juures valves ja hakkasin (täi-

sid tapma), võtsin riided seljast ja tapsin kakssada viiskümmend täid. Riided viskasin pärast seda lumme. Kõiki tappe ei jõudnud, hiljem võtsin (riided) ära. Päeval saatis rühmakomandör, leitnant otsima - sideliin oli katkenud - kus mürsk oli juhtme peale sattunud. Ma panin suusad alla (= jalgadele). Olin saabaste ja sineliga (= rihmaga). Noh, panin nõõbid kinni, nõõpisin saapad kinni ja läksin. Kolmkümmend kraadi oli pakast. Aga mina olin kaks või kolm tundi ülesannet täitmas. Kui tulin, ei jõudnud muldonni pikali minna, ei jaksanud. Öösel tundsin (= kuulsin), jalad valutavad. Kui saapad maha võtsin, märkasin, et jalad on külmavõetud. Noh, kolm kuud lamasin välihospitalis, aga siis paranes.

Aga 8. septembril 1941. aastal nägin ma, kuidas Saksa lennuvägi pommitas Podajevi toiduaineladusid. Eskadrill lendas, meie kahurväelased olid noored, kogenud kaadrid olid rindel, ja ei saanud Saksa lennukeid alla tulistada. Nad põletasid Podajevi laod ära. Need üheksa (lennukit) lendasid kõik tagasi. Nägin teisi Leningradi (= Piiteri) pommitamisi, kui(das) nelikümmend-viiskümmend lennukit lendasid ja pommitasid Leningradi (= Piiterit).

Rindel oli nälg. Pool kilo leiba anti, et leent keeta. Liha ei olnud, rasva ei olnud, tangu ei olnud, nälg oli. Vanemad surid tihti. Aga kõik läksime kõvasti kõhnemaks. Nii kõhnaks jäime, et Neljakümne teise aasta kevadel tegime ise saunad, läheme sauna - seal tsiviilelanikke polnud -, ja korjasime oblikaid, keetsime nõgeseid. Korjasime ja söime ning tundus, et see on hea söök. Kõik.

3. snarada lanpei metrašša

nu / f^{tt}issa devjato:t sorok četvjo.rttom godū. / kezäl' l'ä
 / kezäl' l'ä / mie ol'in k a r j a l a n frontalla / a for-
 čiruicimma s v i r' i n joven / dvatocat'ftarō.va ijuña /
 sōrok četvjo.rttava gōda // t'äl' l'ä puol'ie s v i r' i e
 meid' ä / meih amuttih / finskoit artil' l'eristat / miän ba-
 tal'onašta ol'i tapettu kolmekümneñ ä miest' ä / miun za-
 val' i miälla / vain jallat nāvūt' t'ih / nu tovariššat piäs-
 šet' t'ih mjašta / kaiken k a r j a l a n mie proijin /
 s o r t a v a l a h šia / nu kül'ät oldih / nu euldu koški-
 ettu / suomalaiset* ei koškiettu / rahvas el'et' t'ih nu kuin
 iel' l'ä / živattija ol'i / l'ehmät / hebožet / kai / kojit /
 ni mid' ä ei koškiettu / suomalaiset* // a s o r t a v a -
 l a n luona / nel' l'äkümneñ ä kilometrija / miäh / t'ännē /

kuin / m e l' u k / ka // miän batal'ona ol'i / pütü / nu
 pahoin pütü / jügleh bojuh / jäi vähä meid'ä // müö gora-
 žella l'iajimme okopat / ka mie icelle haudažen kaivoin /
 ziastupalla / i viruin lügazella / a t'äl'l'ä puol'ie šuoda
 / oldih suomalaizet* sotamiehet* il'i finskije solda-ti / ve-
 nähi ak'si šanuo // ka // hüö näht'ih / i finskoi art'il'e-
 rista alottj ambumah miuh // enzimäne snarada langei šeiöce-
 meššä metrašša / mie haudažeh ka viruttjačin / kivüöt / pes-
 ku / pirizöw miun piel'l'ä / mie korvat t'ükičün šormilöilla
 / ka avain sün / nu / štobi ei l'ieni gluxoina / a toine
 snarada viješšä metrašša langei miušta / viel'ä pahambi miu-
 la l'ieni // mie dümaičün / tapetah / ššas tappaw kolman-
 žella // kolmas langei metrašša / metrašša al'i puol'itoi-
 zeššä / ei enämbiä / i t'amän jäl'geh / vižitoišta vuotta /
 miulma träss'i / kuin t'amä ol'i / en t'ijä kuin šanuo / nu
 äjäl'di miuh pütü / a pul'emjo-tčikat puoleššä šadaššä met-
 rašša oldih / hüö pütüttih / nu kuin pot prämö-je popadä-ni-
 je / hiät tappo i pul'emjotaq kaiken rožniešši / ka moine
 azie ol'i frontalla / ka.

Mürsk langes meetri kaugusele

1944. aasta suvel olin ma Karjala rindel. Sviri jõe
 forsseerisime 22. juunil 1944. aastal. Siinpool Sviri jõge
 meid lasti, Soome kahurväelased. Meie pataljonist oli tape-
 tud kolmkümmend meest, mina aga jäin mulla alla (= kattis
 mullaga), vaid jalad olid näha. Noh, kaaslased päästsid mind
 mulla alt välja.

Käisin läbi kogu Karjala Sortavalani. Külad olid, küla-
 sid polnud puudutatud, soomlased ei puutunud, rahvas elas
 nii nagu enne. Loomi oli, lehmad, hobused, kõik (oli), ma-
 jad, mitte midagi ei puutunud soomlased. Aga Sortavala juu-
 res, nelikümmend kilomeetrit (Sortavalast), meie peale, kui-
 das (selle koha nimi oli), Meljuk (?), meie pataljon (oli),
 sattus halvasti raskesse lahingusse. Meid jäi vähe järgi. Me
 tegime mäele kaevikud. Minagi kaevasin endale labidaga augu-
 kese ja lamasin lagedal (= aasal). Aga siinpool sood olid
 Soome sõdurid, Soome sõdurid, kui vene keeles öelda. Nad nä-
 gid meid ja Soome kahurvägi hakkas mind tulistama. Esimene
 mürsk kukkus seitsme meetri kaugusele. Ma laskusin maha oma
 auku, kivid, liiv (lendas), minu kohal undas (= undab). Sul-
 gesin kõrvad sõrmedega ja avasin suu, noh, et mitte kurdiks
 jääda. Aga teine mürsk kukkus minust viie meetri kaugusele.

Mul hakkas veelgi halvem. Ma mõtlesin, et (mind) tapetakse; kohe tapab kolmanda mürsuga. Kolmas kukkus meetri kaugusele, meetri või poolteise kaugusele, mitte rohkem. Pärast seda olid mul viisteist aastat värinad (= raputas). Kuidas see oli, ei oska öelda. Kuulipildurid olid poollesaja meetri kaugusel, nad sattusid samahästi kui otselöögi alla. Nad said surma ja kuulipildujagi lõi kõik laiali. Vaat, seda juhtus (= selline asi oli) rindel.

4. mie tappja t'ädä rišt'ikanžja en andan

miän batal'ona ol'i t'üönnet't'ü tilah / finoin // ol'i vih-
ma / üö / müö siinne pütuimma / vot / i pütu pl'enah / nu
/ suom... / suomalainen* sotamies* / il'i suomen... / finskoi
saldjatta karjalaksi šanuo // i ruvettih händä pergamah miän-
omat / i otettih / nämä šiappiat hānešt'ä / pie... / pied'ä
vaš perratah // a mie kačon / perratah saldjattja / ol'in
starsi serža-nt / vahnembi seržanta // mie ravahin sräzu /
octä-vit // ei ruvettu pergamah / tul'in / šanoin viel'ä hü-
vä päivä hänel'ä / ka // mid'ä t'üö rjatte? / vet' pl'en-
noida ei perratah / i ka mie / händä šanotah / pid'äw tappja
// ei voi tappja / en anna tappja / ei tarrettih / ei ammut-
tih händä // ka müö ühen päivän vain ol'imma tilässa / šid'ä
viijimma / i mie hänen / hänen spašsin / štjabašta [...] / jäi
elosša / a nän hänen tapettais / mie kuzün / ken on / što
olen talonpoiga* / koisša on l'ehmät / kaheksän l'ehmie / ša-
no // a ka en kuzün sukunimia* / pid'i sukunimi* kuzüä / en
kuzün // s o r t a v a l a š t a nel'l'äkümmeänd'ä kilomet-
ria // mie tappja t'ädä rišt'ikanžja en andan / nän tappetais

Ma ei lasknud seda meest tappa

Meie pataljon oli saadetud soomlaste tagalasse. Oli vihmane ja öö, kui me sinna sattusime. Vangi sattus Soome sõdur, Soome sõdur, kui karjala keeles öelda. Meie omad hakkasid teda peksma, võtsid saapad ära, löövad vastu pead. Aga mina vaatan, pekstakse sõdurit. Olin vanemseersant. Karjusin kohe: "Jätta!" Enam ei pekstud. Tulin (juurde). Ütlesin veel talle (st. vangile) tere päevast. (Küsisin sõduritelt:) "Mida te teete? Vange ju ei lööda." Ja mina... Nad ütlevad: "Ära peaks ta tapma." - "Ei tohi tappa, ei lase tappa. Teda ei lastud maha. Me olime tagalas vaid ühe päeva, seejärel tulime välja. Mina päästsin ta ära. Muidu oleks ära tapetud. Ma küsisin, kes ta on. Ta ütles, et on (= olen) talupoeg, kodus

on lehmad, kaheksa lehma. Ma ei küsinud perekonnanime, oleks pidanud perekonnanime küsima. Ei küsinud. Sortavalast nelikümmend kilomeetrit. Ma ei lasknud seda meest tappa, aga muidu oleks ära tapetud.

Тийт К у к к
(Тарту-Хельсинки)

ОБРАЗЦЫ РЕЧИ ВЕСЬЕГОНСКОГО ГОВОРА КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА IV

Р е з ю м е

Опубликованы тексты, содержащие военные воспоминания. Информантом был Виктор Дмитриевич К р и л о в, 1922 г.р., д. Дудино Весьегонского района Калининской области. Тексты данной тематики отличаются обилием поздних заимствований и частой сменой языка.

KAI DONNERI MÄRKMEID SELKUPI TÕMI MURDE GRAMMATIKAST

Helsingis Soome-Ugri Seltsis säilitatavate Kai Donneri poolt kogutud selkupi materjalide hulgas leiduvad 1912. aastast pärinevad üsna katkendlikud ülestähendused tõmi murde grammatika kohta. Esitan nende süstemaatilise tuumiku, jättes kõrvale rea hajamärkeid. Donneri transkriptsioon on seejuures muutmata.

NOOMENID

S u b s t a n t i i v i d

Numerussufiks

Singular	Duaal	Pluural
<u>kāna</u> k koer	<u>kāna</u> k ^c	<u>kana</u> t
<u>kule</u> ronk	<u>kulē</u> k ^c	<u>kulē</u> t
<u>lova</u> rebane	<u>lova</u> k ^c	<u>lova</u> t
<u>mät</u> maja	<u>mät</u> k ^c	<u>mät</u> t
<u>nope</u> jumal	<u>nope</u> k ^c	<u>nūt</u> t

Possessiivsufiks

	Singulari 1.	Singulari 2.	Singulari 3.
Singular	<u>lova</u> m (rebane)	<u>lova</u>	<u>lova</u> D
Duaal	<u>lova</u> r im	<u>lova</u> il	
Pluural	<u>lova</u> im	<u>lova</u> il	<u>lova</u> iD
		Duaali 2.	Duaali 3.
Singular		<u>lova</u> li	<u>lova</u> di
	Pluurali 1.	Pluurali 2.	
Singular	<u>mē lova</u> iD	<u>tē lova</u> l ^c D	

Singulari 1. Singulari 2. Singulari 3.

Singular	<u>man ēdom ~ ēdoB</u> (jurta)		
	<u>maD kanam</u> (koer)		
	<u>man manm</u> (maja)		
	<u>man noh</u> (jumal)	<u>tan noul</u>	<u>təbn</u> noBD
Duaal		<u>taD kanakē'l</u>	
Pluural		<u>taD kanaIl</u>	<u>kahaID</u>
	<u>man nūIm</u>		

Pluurali 1.

Singular mē t'undud (hobune)

A d j e k t i i v i d

Komparatsioonivormid

māD tana'n uargēiaG olen sinust suurem

maD t'undo'B taD t'undo'ndonan uargēaG minu hobune on sinu hobusest suurem

ūru'D uargē' pōB väga suur mees

pōs uargē' pōB suurim mees

uēs pōs uargē' pōB kõik suurimad mehed

pōs ōtšōga pōB kõige väiksem mees

N u m e r a a l i d

Kardinaalid

1 <u>ōkku'r</u>	10 <u>kōD</u>
2 <u>šī'tā'c ~ sja'</u>	11 <u>okkur kuēl gēD</u>
3 <u>nāgē'r^c</u>	14 <u>tēd' kuēl gēD</u>
4 <u>tēD</u>	15 <u>sōmbla guēl gēD</u>
5 <u>sōmb' lā'</u>	16 <u>mukt' kuēl gēD</u>
6 <u>muktōD</u>	17 <u>sēld' guēl gēD</u>
7 <u>seld'</u>	18 <u>šīdēt'āngē' šīd' sār</u>
8 <u>šīdē' iādēl kōD</u>	19 <u>okkur t'āngē' šīd' sār</u>
9 <u>okkur t'āngēD</u>	20 <u>šōD sār</u>

- 21 okkur ku^u ðiD sār
 30 naG sār
 40 tē zār
 50 sombla zār
 60 mukD sār
 70 seld^s sār
 80 s^uð sār t'ang^u t^uð
 90 okkur^a " "
 100 t^uð
 200 ð^uð t^uð
 300 nār^t t^uð
 400 tēD^u t^uð
 500 somblā t^uð
 600 mukD^u t^uð
 700 seld^u t^uð
 800 ð^uð t'ang^u k^uð t^uð
 1000 k^uð t^uð
 10 000 k^uðⁿ k^uð t^uð

Distributiivid

- 1 o'kkur t'ar
 2 s^uð t'ar je zvei
 3 nāg^u t'ar je drei

Iteratiivid

- 1 okku^r r^u einmal
 2 ð^uð

Multiplikatiivid

- 2 ð^uð fūrd^ul doppelt
 3 nār fūrd^ul

Ordinaalid

1. pe^urāl
 2. s^uð^umdž^ul
 3. nār^umdž^ul
 4. tēt^umdž^ul
 5. somb^ulāmdž^ul
 6. mukt^umdž^ul
 7. sēld^umdž^ul
 8. ð^uðeið^udel kōmdž^ul
 9. okkur t'ang^u kōmdž^ul
 10. kōd^umdž^ul
 11. okkur kuel k^umdž^ul
 12. s^uð^u kuel k^umdž^ul
 20. " sār^um dž^ul
 30. nak sār^um dž^ul
 100. tōn^umdž^ul
 1000. kōD^ut^uð^umdž^ul

Kollektiivid

- 1 okkur^u
 2 s^uð^uð^u zvei zusammen
 3 nāg^uð^u drei zusammen

Temporaalid

- 1 ak^uk^uō^u das erste mal
 2 ð^uð^umdž^ul das zweite mal

Murrud

- 1/2 vedraD ku^uð pool ämbrit
korndž^uD " (vana samojeedi
mōót)
 1 1/2 korndž^u ai korndž^uD ku^uð ~
ð^uð^umdž^ul^ul korndž^un ku^uð
 1/4 tēt^umdž^ul tār

P r o n o o m e n i d

Personaalpronomenid

	Singulari 1.	Singulari 2.	Singulari 3.
Nom.	<u>maD</u>	<u>taD</u>	<u>tɛB</u>
Gen.	<u>man ɛzɛB ~</u>	<u>tan ~ taD</u>	<u>tɛbn</u>
	<u>maD ɛzɛB</u>		
Ak.	<u>maʃʃɔB</u>	<u>təʃʃɔnd</u>	<u>tɛbɔB</u>
Daat.	<u>mɔkka</u>	<u>tɔnd</u>	<u>tɛbɔn</u>
Lok.-abl.	<u>manan</u>	<u>tanan</u>	<u>tɛbɔnan</u>
Pros.	<u>maDnaun</u>	<u>tanaun</u>	<u>tɛbɔnauD</u>
Instr.	<u>massá</u>	<u>tabssá</u>	<u>tɛb^csɛ</u>

	Duaali 1.	Duaali 2.	Duaali 3.
Nom.	<u>mē</u>	<u>tē</u>	<u>tɛbɛ^c</u>
Gen.	<u>mē</u>	<u>tē</u>	<u>tɛbɛ^cɔn</u>
Ak.	<u>mēzɔmi</u>	<u>tēzɔndi</u>	<u>tɛbɛ^cɔB</u>
Daat.	<u>mēɔni</u>	<u>tēɔndi</u>	<u>tɛbɛ^cɔn</u>
Lok.-Abl.	<u>mēnan</u>	<u>tēnan</u>	<u>tɛbɛ^cɔnan</u>
Pros.	<u>mēnauD</u>	<u>tēnauD</u>	<u>tɛbɛ^cɔnauD</u>
Instr.	<u>mēzɛ^c</u>	<u>tēzɛ^c</u>	<u>tɛbɛ^cɔsɛ</u>

	Pluurali 1.	Pluurali 2.	Pluurali 3.
Nom.	<u>mē</u>	<u>tē</u>	<u>tɛbɔD</u>
Gen.	<u>mē</u>	<u>tē</u>	<u>tɛbɔdɔnan</u>
Ak.	<u>mēzɔD</u>	<u>tēzɔndeD</u>	<u>tɛbɔdɔB</u>
Daat.	<u>mēɔnɔD ~</u>	<u>tēɔndɔD</u>	<u>tɛbɔdɔd^cki</u>
	<u>mēɔnɔD</u>		
Lok.-abl.	<u>mēnan</u>	<u>tēnan</u>	<u>tɛbɔdɔnan</u>
Pros.	<u>mēnauD</u>	<u>tēnauD</u>	<u>tɛbɔdɔnauD</u>
Instr.	<u>mēzɛ</u>	<u>tēzɛ</u>	<u>tɛbɔDsɛ</u>

- Singulari 1. ak. ta^BššB ȳpolaldžsands sina mind ȳpetad
 Singulari 2. ak. ma^Bššnd ȳpolaldžsaga mina sind ȳpetan
 Singulari 1. abl. taD manan ȳpolzand sina minult ȳpid
 Pluurali 3. abl. tšbȳdžnan maD neld'žG ȳpolzaG nendelt mina
 nii ȳpin
 Singulari 1. daat. taD m^kka mžlg's sina minule annad
 Singulari 2. daat. maD tšnd^r mžlg'b^cs mina sinule annan

Refleksiivpronoomenid

	1.	2.	3.
Singular	<u>onžG ~</u> <u>onžG pIroB</u>	<u>onšndž ~</u> <u>onšndž^r pIrol</u>	<u>ondž ~</u> <u>ondž^r pIr^rD</u>
Duaal	<u>oni</u>	<u>ondzi</u>	<u>ondsi</u>
Pluural	<u>onžD</u>	<u>ondž^rD</u>	<u>ondž^rD</u>

VERBID

'katta'-verb

Singular	Duaal	Pluural
P r e e s e n s		
1. <u>maD t'ondaž</u> " <u>t'ondaB</u>	<u>mI t'ondžI</u>	<u>mž t'bnduD</u>
2. <u>tšAD t'ondand</u>	<u>tšI (šžtš'li)</u> <u>t'ondž'li</u>	<u>tš t'bndžlyD ?</u>
3. <u>tšžB t'onž</u> " <u>t'onžD</u>	<u>šžtšž tšbžž</u> <u>t'onžž ~ t'onžž'</u> š. t. <u>t'bndždi</u>	<u>tšbžD t'onžD</u>

P e r f e k t

1. <u>t'bndžsaG</u> <u>t'bndžsaB</u>	<u>t'onž'sež</u>	<u>t'onž'suD</u>
2. <u>t'bndžsad</u> <u>t'bndž'sal</u>	<u>t'bndž'sali</u>	<u>t'onžžllžžD (?)</u>
3. <u>t'bndž'sžD</u>	<u>t'bndž'sžž</u> <u>t'bndž'sždi</u>	<u>t'bndž'sžD</u> <u>t'bndžžnnaD (?)</u>

Singular	Duaal	Pluural
	F u t u u r u m	
1. <u>t'ɓndɔlaks</u> <u>t'ɓndɔlɔb^cs</u>	<u>t'ɓndɔleis</u>	<u>t'ɓndɔlɔs</u>
2. <u>t'ɓndɔlɔs</u>	<u>t'ɓndɔlɔlis</u>	<u>t'ɓndɔllɔlɔs ?</u>
3. <u>t'ɓndɔlɔ</u>	<u>t'ɓndɔlɔsti</u>	<u>t'ɓndɔlɔd^cs</u>

K o n j u n k t i i v

1. <u>t'ɓndɔnɔG</u> <u>t'ɓndɔnɔB</u>	<u>t'ɓndɔnɔmi</u>	<u>t'ɓndɔnɔuuD</u>
2. <u>t'ɓndɔnɔnd</u> <u>t'ɓndɔnɔl</u>	<u>t'ɓndɔnɔli</u>	<u>t'ɓndɔnnɔlɔD</u>
3. <u>t'ɓndɔnɔ ?</u> <u>t'ɓndɔnɔD ?</u>	<u>t'ɓndɔnɔɔ</u> (<u>t'ɓndɔnɔdi</u>)	<u>t'ɓndɔnnɔD ?</u>

I m p e r a t i i v

2. <u>t'ɓndɔG</u> <u>t'ɓndɔD</u>	<u>t'ɓndɔli</u>	<u>t'ɓndɔD</u>
3. <u>t'ɓndɔnd</u>	<u>t'ɓndɔɔ</u> <u>t'ɓndɔmi</u>	<u>t'ɓndɔcɔndɔD</u>

I n f i n i t i i v t'ɓndɔgu

G e r u n d i u m i d t'ɓndɔlɔ, t'ɓndɔlɔbɔlɔ

'süüa'-verbid

Singular	Duaal	Pluural
	P r e e s e n s	
1. <u>aurnaG</u> <u>amna'B</u>	<u>mē aurnei</u>	<u>aurnud</u>
2.	<u>aurnali</u>	<u>aurnal²D</u>
3. <u>aurna</u> <u>aurnaD</u>	<u>aurna¹</u> <u>amn²di</u>	<u>aurnaD²D</u>

Singular	Duaal	Pluural
----------	-------	---------

P e r f e k t

1. <u>auṛsaG</u>		<u>auṛsuD</u>
2.		<u>auṛsāl^oD</u>
3.		<u>auṛsāD</u>

F u t u u r u m

1. <u>auṛlaks</u>		<u>auṛlūs</u>
2. <u>auṛḷēndz</u>		<u>auṛlāl^rs</u>
3. <u>auṛl^rs</u>	<u>auṛlāl^rs</u>	
<u>auṛl^oDz</u>	<u>auṛl^otIs</u>	<u>auṛlād^s</u>

K o n j u n k t i i v

1. <u>auṛnēG</u>		<u>mē auṛnā^uuD</u>
<u>aṃnēB</u>		
2. <u>auṛnēnd</u>		<u>tē auṛnā^uuD</u>
<u>aṃnēl</u>		
3. <u>auṛnēdi</u>	<u>auṛnā^r, aṃnā^r</u>	<u>tēb^oD auṛnāD</u>
<u>aṃn^oD</u>	<u>aṃnēdi</u>	

I m p e r a t i i v

2. <u>auṛēš</u>	<u>auṛnāli</u>	<u>auṛnād</u>
<u>aṃnēD</u>		
3.	<u>auṛnāx</u>	

I n f i n i t i i v auṛgū aṃgū

G e r u n d i u m i d auṛlā, auṛlābūlā, auṛl, auṛlābūlā

'olla'-verb

Singular	Duaal	Pluural
----------	-------	---------

P r e e s e n s

1. <u>īiaG</u> ~ <u>ēca^oG</u> ~ <u>ēāk</u>	<u>mē egei</u> ~ <u>Iei</u>	<u>mē e^uD</u> ~ <u>IuD</u> ~ <u>ēut</u>
2. <u>taD</u> <u>Iiānd</u> ~ <u>ēa^ond^o</u>	<u>tē iīāli</u>	<u>tē iīāld</u> ~ <u>ēalt</u>
3. <u>tām</u> <u>ēG</u> ~ <u>tēb</u> <u>ēk</u> ~ <u>ēG^o</u>	<u>tābēx</u> <u>iīāx</u>	<u>tābād</u> <u>iīād</u> ~ <u>ēad</u>
~ <u>tēB</u> <u>Iā</u> ~ <u>ēa</u>		

Singular	Duaal	Pluural
	P e r f e k t	
1. <u>man èzaG</u>	<u>mē ēzei</u>	<u>mē ēzawD</u>
2. <u>ezand</u>	<u>tē ezāli</u>	<u>tē ezālʔD</u>
3. <u>ē¹za ~ ēza</u>	<u>ē¹zā</u>	<u>ēzāD byvali</u>
? Perfekti pluurali 1. <u>ēndūD</u> : 2. <u>ēndālʔD</u> : 3. <u>ēndāD</u> byli.		

F u t u u r u m

1. <u>ēlaks</u>	<u>mē ēleis</u>	<u>mē ēlūs</u>
2. <u>ēlānds</u>	<u>tē ēlālis</u>	<u>tē ēlāls</u>
3. <u>ēlʔs</u>	<u>ēlāʔs</u>	<u>ēlāDs</u>

K o n j u n k t i i v

1. <u>ēnɛG</u>	<u>ēnɛmi</u>	<u>ēnɛwD</u>
2. <u>ēnɛnd</u>	<u>ēnɛli</u>	<u>ēnɛlʔD</u>
3. <u>ēnɛdi</u>	<u>ēnɛ</u>	<u>ēnɛD</u>

I m p e r a t i i v

2. <u>ēgēs</u>	<u>ēgāli</u>	<u>ēgāD</u>
3. <u>ēg¹ɛ</u>	<u>ēiā¹ ~ ēiā¹</u>	<u>ēg¹ɛiamdʔD</u>

I n f i n i t i i v ēgu

G e r u n d i u m i d ēlā, ēlābūlā

'puududa'-verb

	P r e e s.	P e r f.	F u t.
Singulari 1.	<u>t'āngaG</u>	<u>t'āngsaG</u>	<u>t'āngɔlaks</u>
Singulari 2.	<u>t'āngmand</u>	<u>t'āngsand</u>	<u>t'āngɔlānds</u>
Singulari 3.	<u>t'ānga</u>	<u>t'āngsa</u>	
I n f i n i t i i v	<u>t'āngɔgu</u>		

'vótta'-verb

maD aža IlɛBs ma ei vóta (fut.)

taD èG igēs ära vóta!

A s p e k t

aurgü (süüa) - aurb^rgu süüa lõpuni
aurnaG (söön) - aurtššendžaG (aurtššaG) tahan süüa
am nab (söön) - amdžšab tahan süüa
aurgaB (söön) - amgaB (söön) : k^canaGaŋ aurgaB veidi söön -
až_uamgaB (seda) ma ei söö

Igü votta - išpəgü votta - İndžəgü tahta votta - Ikkəgü votta
 ta õige vähe (ebatäielik tegevus)

V e r b i v o r m i d e s ü n t a k s

maD tar_u aursaG tšB nəkkə tüzə mina veel söin, kui tema siia
 tuli

maD tšbəB aurgu k^cōrā^rldžšəsaB mina kutsusin tema sööma

maD aurtšl m^rəg tüzə mina söin, tema tuli siia

maD tšbəB aža k^cōrā^rldžšəsaB aurgu ma ei kutsunud teda sööma

maD t^eB k^cōrā^rldžšəsaB aurgü oleksin kutsunud tema sööma

maD tšbn t^u čumbaG nad^cko aža kōrā^rldžšəsaB aurgu ma vihastasin
 tema peale, sellepärast ma ei kutsunud teda sööma

tšB pōnbād maD İgənego ta pani, et võtaksin

maD pōssaB tšB İzeD (? ma keetsin, tema võttis)

" " tšbn İgu (? ma keetsin, et ta võtaks)

" " aža tēnd İgu (? ma keetsin, et sa ei võtaks)

İlč satšəmeləs võtmine on sulle raske

Ago K ü n n a p
 (Tartto-Helsinki)

KAI DONNERIN MUISTIINPANOJA SELKUPIN TYMIN MURTEEN KIELIOPISTA

T i i v i s t e l m ä

Helsingissä Suomalais-ugrilaisessa Seurassa säilytettävissä Kai Donnerin keräämissä selkupin materiaaleissa on katkonaisia muistiinpanoja Tymin murteen kielioipista. Kirjoitukseksessa on esillä niiden ydinosa.

Ago K ü n n a p
(Tartu-Helsinki)

SELKUPI lõs-OLENDITE NIMETUSED AVALDAMATA AINESTIKUS

Allpool esitatavad lõs-olendite nimetused olen leidnud kahest mulle kättesaadavast käsikirjalisest selkupi keele allikast:

I. Kai Donneri poolt käesoleva sajandi teise kümnendi algupoolel kogutud selkupi eri murrete ainekust, mida säilitatakse Helsingis Soome-Ugri Seltsis;

II. selkupi keele tazi murde sõnaraamatu käsikirjast, mis on kavas avaldada A. Kuznetsova, E. Helinski ja J. Gruškina tazi murde grammatika (ilmus Moskvas 1980) järgosana, ning mille koopia Eugen Helinski on lahkesti minu käsutusse andnud

Järgnevast loendist on välja jäetud esimese allika lõs-nimetused tõmi murdes, sest need ilmuvad eraldi artiklina. Allikate transkriptsioon on säilitatud muutmatusena, soome-, rootsi-, saksa- ja venekeelsed tõlked on eestindatud. Mitmesõnalistes nimetustes on täiendsõna lõpul sageli adjektiivisufiiks enamasti kujul -l.

Valdav enamik nimetusi pärineb esimesest allikast, mistõttu olen vaid teisest allikast pärinevad nimetused varustanud allikaviitega (II). Donneri murdelühendid on esitatud muutmatuselt tema enda poolt väljatõstatud kujul (Donner 1920 : XI-XII; vastavused teiste allikate tähistusviisiga vt. Janurik 1978 : 88), säilitatud on ka tema käsikirjades leiduvad täiendavad murdelühendikujud (näiteks OOB, TaN).

ūdōyōl lōz TaN veehaldjas, ūdōyōl l. veevaim, Ka ūtōl-lūzi
id, Tscha ōtōl-lōs id, ōtōl-lōs, OOB ūtōl lōs vee-
vaim. Vrd. näit. Tscha ūtō vesi.

k'āzēl pālhl lōs TaM üks Tazi vaim (? õieti: Tõmi-poolne
vaim - A.K.). Vrd. Ty k'āzēl-lōs Tõmi jõe elanik, KeM
k'āzikōn kum Tõmi jõe samojeed.

kaul-lōs Tscha üks vaim, KeM kāwal lōzi vaim, kes näiteks oma
peremehele toob mistahes esemeid. Vrd. Tscha k'āuānnau

sülelda (näiteks naist), k^cä^uou taga ajada, küttida, püüda, KeO k^cä^wannam kätel kanda : k^cä^wle.

kuettar-lös KeN M (Kuettar-vaim - A.K.). Vrd. hõimu esisajumaluse nimetus Ty ku^där-yöB Kuodar-inimene.

küks lözi KeO, kükslözi.

lattarⁱ por^gel lözi KeM surmu vaim, kes liigub inimeste maailmas (šamaanide poolt kasutatav nimetus) (õieti: surirüüvaim - A.K.). Vrd. KeM lattar surmu, por^gel kuub, kaskas.

lösy Taz (II) 1. vaim, kurat; needmine, 2. karu eufemistlik nimetus, TaN l^uzi vaim, l^oz vaim; inimene, kes palju teab, tark, Ka (Tas) l^uzi vaim, Vj l^o id, Tscha l^os id, OOB l^ubz id, OOS l^os, KeN M l^os, KeN U l^os. Taz (II) lös-tija 1. kuradike, 2. karupoja eufemism (õieti: kuradi-poeg - A.K.), lös-il'ca kuradivaar, lös-ira kuraditaat (karu eufemistlik nimetus), TaU l^oz-irä müütiline isik, inimesõja, karu, TaN l^osirä id, lös-irä id, l^usirä karu. TaN l^ozⁿ öll^r rinnaku ülaots (õieti: vaimu pea - A.K.). (Mitmeid sõna lös murdevariante leidub veel: Donner 1928 : 368.)

mät'šöl-lös TaN metsavaim, Tscha mad'el-lös id. Vrd. näit. Taz (II) macyl' metsa-. (Vrd. ka KeM mad'ön p^o metsas olev vaim, kes muuseas ei lase kunagi tös-vaimu metsa.)

mašsul lözi KeO metsavaim. Vrd. KeO mašsu seeder. (Vrd. ka KeM mašsu metsavaim, metsainimene, Tscha mašs inimesekujuline vaim, kes elab metsas ja kes annab jahiloomi ja õnne püügiretkel, kui inimesed talle ohverdavad, mašs inimesekujuline vaim, kes elab metsas ja annab jahiloomi, kui talle ohverdatakse.)

nül-lözⁱ sürüB TaM jumalavaimu loom (kasutatakse kaitsevahendina) (seega mingi loomakujuline amulett - A.K.). Vrd. Taz (II) nül' taevane.

patšial lōzin nēD KeO (Patšia-vaimu tüdruk - A.K.), patšial
lōzin nēti űw̄wa (P.-vaimu tüdruku ema - A.K.), patšial
lōzin ne űw̄wa (id - A.K.).

tāyai lōzi KeO (allvaim, alamjooksuvaim - A.K.). Vrd. KeO tā-
űal kaugemal, kuid vrd. ka Taz (II) takkyl' all-, takky
1. allavoolu; alt, 2. põhjakaarde, Ty takk'1 all-, alam-
jooksu.

tō lōzi andu KeO (järvevaimu paat - A.K.). Vrd. KeO tō järv.
tūt'1 lōzi TaM maavaim. Vrd. Taz (II) tōtty 1. maa, muld, 2.
maa, koht.

uar' lōzi KeO rōuged (õieti: suur vaim - A.K.). Vrd. näit. Ty
uar' lōzond suurele vaimule.

lōs-sõna võib olla varustatud adjektiivisufiksiga -l, -l':
Taz (II) lōsyl' kuradi, TaM nūl-lōzəl-sūrūB (vt. loend), lōzəl
-pō vaimupuū (pragiseb põledes ja seega justkui kõneleks) lōzəl
pūt, tobəl, lagā vaimu kivijalgne tükike (jalakujuline kivi, mil-
lel on suur võlujõud). Sõnast lōs on tuletatud verb: Taz (II)
lōstyqo ristida, Tscha lōst'gu, lōst'gu id.

K i r j a n d u s

Donner, K. 1920, Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen, Helsingfors (MSFOu 49); 1928, Samojedische benennungen der russen. - MSFOu 58 : 366-370; J'annurik, T. 1978, A szölkup nyelvjárások osztályozásához. - NyK 80 : 77-104.

Ago K ü n n a p
(Tartto-Helsinki)

SELKUPIN lōs-OLENTOJEN NIMET JULKAISEMAT TOMASSA AINEISTOSSA

T i i v i s t e l m ä

Kirjoituksessa luetaan lōs-henkien nimet eri selkupin murteissa kahden käsikirjallisen lähteen pohjalta: I. Kai Donnerin aineisto vuosisatamme alusta; II. Tazin murteen sanakirjan käsikirjoitus (v:na 1980 ilmestyneen kieliopin jatko-osa).

Paul A l v r e
(Tartu)

. SOOME RAAMATU JUUBELIAASTA

Soome raamat on saanud 500-aastaseks. See suursündmus leidis tähistamist ka välismaal. Ajakirjanduse andmeil on juubeliüritused kõige suurejoonelisemad olnud mõistagi Soomes: Helsingis, Turus, Tampere, Oulus, Jyväskylä, Joensuu jm. (kokku enam kui 80 kohas) on raamatukogud, muuseumid, kõrgkoolid ja teised õppeasutused korraldanud sümposioone, seminare, kirjanduspäevi või loengusarju, organiseerinud näitusi ning arvukaid kohtumisi kirjasõna esindajatega. Oli aegsasti mõeldud sellele, et juubeliüritustest saaksid osa võtta kõik - kogu soome rahvas koolieelikust pensionärini. Noorsoo tarvis sobisid oivaliselt nukuteatrietendused ning rock- ja popkultuuriõhtud, kõige väiksemaile aga muinasjututunnid.

Välismaal viidi juubeliüritusi läbi Rootsis (Uppsala, Stockholm), Taanis (Kopenhaagen) ja eriti ulatuslikult Saksa LV-s (Lübeck, Göttingen, Hannover, Hamburg, Wolfenbüttel jm.) Saksa DV-s ilmus ajakirja "Marginalien" erinumber ja korraldati sümposioon ning näitus Greifswaldis. USA-s toimusid põhiüritused Columbia ülikooli raamatukogus, kus oli välja pandud Soome esimese raamatu "Missale Aboense" algupärane eksemplar, Indianas jm.

Moskvas oli Lenini-nimelise Raamatukogu näitusel välja pandud rariteetseid teoseid raamatukogu enda fondidest ning Soomest saadud faksiimiletrükke. Näitus toimus ka Võõrkeelse Kirjanduse Raamatukogus. Leningradis tähistati Soome raamatu juubelit Saltõkov-Štšedrini-nimelises Raamatukogus.

Eesti NSV-s oli kavandatud lai programm ettekandekoosolekutega Tallinna ja Tartu suurimates raamatukogudes. Järgnevalt avaldamisele tuleva ettekande Soome vanema kirjanduse, sõnaraamatute ja keeleõpikute kohta pidas siinkirjutaja TRÜ Teadusraamatukogus korraldatud ettekandekoosolekul 9. veebr. 1988. Laiendatud kujul tuli see hiljem esitamisele Emakeele Seltsi koosolekul Tallinnas.

Sooma raamatu ajalugu läheb tagasi aastasse 1488. "Missale Aboense" ("Turu missaraamatu") eessõna on koostanud Turu piiskop Konrad Bitz; selle lõpus seisab daatum 1488, die vero XVII mense augusti. Tegemist on spetsiaalselt Turu piiskopkonnale, s. o. tolleaegsele Soomemaale mõeldud ametliku käsiraamatuga, mis reglementeeris katoliiklikku jumalateenist

"Missale Aboense" esimene lehekülg. Varvitud puulõikel Turu toomkiriku sümboolse kujutis.

Reuerendus in christo pater ⁊ dñs. dñs Conradus Biltz dei et aplice sedis grā p̄sul ecclie Aboens̄s Extremus in sua diocesi librorū missalium paucitate ⁊ forundiq; corrupciō; nō modicā. Et ex hoc quōdam sacerdotū celebratiō cōsurgē turbaciō; et indevotiōnē. Nos libros missales scdm̄ verū ordinariū sue ecclie ⁊ eorū virū Danielem de egherjalme vniuersitatis parisiens̄s sacre theologie p̄fessorē insignē optime correctos. Ac imprāuit ex inspiratiōe diuina ⁊ honorabilem virū Bartholomeū Ghoran p̄ grā christi ihesu; cū summa diligētia In indicia quitate lube centū impressos. Auctoritate ordinaria approbauit ⁊ cōfirmāuit Et singulis sacerdotib; sue diocesi ex ceteris libris missales legētib; et celebrātib; cōtinentib; De omnipotentis dei misericordia Et aucte beati Petri et Pauli cōsulis. quadraginta dies indulgētiarū de iniūctis sibi penitentis misericordit̄ relaxauit. Anno dñi Millesimo quingentesimo octuagesimo octauo die vtro. xvij. mens̄ augusti.

tuskorda. Eessõna kuupäeva 17. augustit ei saa pidada juhuslikuks, sest see päev oli pühendatud trükkalite, raamatukojade ja raamatukogude kaitsepühaku Püha Lauri mälestusele.

K. Bitzi sõnul tugineb raamat Turu toomkiriku ägele ordinaariumile (s.o. piiskopkonnas väljakujunenud dominikaanlikule traditsioonile), mida on parandatud ja ühtlustatud. "Missale Aboense" kõrvalekaldumist dominikaanide tavalisist

missaraamatuist ja kohandamist Soome oludele osutab seegi, et esimesel leheküljel paiknev värvitud puulõige on tegelikult Turu toomkiriku sümbolne kujutis. Pildi keskel seisab Soome kiriku kaitsepühak Püha Henrik, tema ümber on kujutatud Konrad Bitzi, toompraost Maunu Särkilahit ja kaht kirikuõpetajat. Pildil on näha veel K. Bitzi päritolule viitav Bocki suguvõsa vapp ning ka kirjastaja vapp ja initsiaalid. Püha Henriku jalgade ees lamab tema tapja talupoeg Lalli, kirves käes. Sisuliselt seob missaraamatut Soomega veel seegi seik, et lehekülgedel 3-14 on ära toodud Turu piiskopkonna pühakutekalender.

"Missale Aboense" on trükitud Lübeckis Bartholomeus Ghotani trükikojas. See 530-leheküljeline fooliokaustas mitmevärviline inkunaabel on keskaegse trükikunsti musternäidis. Põhitekst on üldiselt must, rubriigid punased. Initsiaalid (osa neist sinised) on rikkalikult kaunistatud. Siin-seal on käsitsi nende sisse maalitud pildid, kasutades seejuures ka kulda. Raamatut trükiti nii pärgamendile kui ka paberile. Tiraazi kohta pole andmeid, kuid on teada, et veel a. 1505 ostis Mynämäki kirik endale laost ühe pärgamenteksemplari. Väärrib märkimist, et peale "Missale Aboense" trükiti katoliiklikul ajal Soome jaoks veel teinegi teos, kirikukasiraamat "Manuale seu Exequiale Aboense". Raamatu tellis Soome vaimane katoliiklik piiskop Arvid Kurki ja selle trükkis 1522. a. Saksas Halberstadtis Laurentius Stuchs.

Usupuhaastastail 1520-1530 hävis keskaegne kirjandus Soomes peaaegu täielikult. Alates möödunud sajandi keskpaigast on leitud u. 10 000 fragmenti 1000 eri raamatust, mis viitab ulatuslikele kirjanduskogudele keskaegses Soomes. "Missale Aboense'st" on enam-vähem täielikult säilinud ainult üks pärgamenteksemplar, mida säilitatakse Kopenhaageni Kuninglikus Raamatukogus. Fragmentide kokkulappimisel on saadud 2 pärgamenteksemplari Helsingi Ülikooli Raamatukogus ja 1 eksemplar Stockholmi Kuninglikus Raamatukogus. Paberfragmentid on võimaldanud restaureerida ühtekokku 15 raamatut, neist Soomes 13, Stockholmis 1 ja Uppsalas 1. TRÜ Teadusliku Raamatukogu käsikirjade ja haruldaste raamatute osakonnas säilitatakse 1971.a. faksiimileeksemplari "Missale Aboense. Secundum ordinem fratrum praedicatorum". Sellest on tehtud siin avaldatav foto.

Esimese ilmaliku sisuga teose väljaandmiseni jõuti alles XVII saj. algul. Aastal 1603 ilmus Rostockis Klaus Hermannii poeg Flemingilt Nuiasõja ajalooost ladinakeelne ülevaade "Res

in Finnia qui mutarint".

Emakeelse kirjanduse tekkeks nii Soomes kui ka Eestis löi eeldused reformatsioon. Rootsis ja selle provintside teostas luterlikku reformatsiooni alates 1527. aastast kuni-gävöim. Et luterlus eitab paavstile allumist ja peab ainsaks autoriteediks piiblit, siis sai protestantliku rahvuskiriku esmaseks ülesandeks vaimuliku kirjanduse tõlkimine ja publitsseerimine.

Nagu teame, läks 1525.a. Lübeckis trükitud eesti-, liivi- ja läti keelne raamat kiriklikes võitlustes hävitamisele. Mõned leheküljed 1535.a. Wanradt-Koelli katekismusest säilisid juhuse läbi mingi hilisema kõite kaande poogituna. Järgmine säilinud trükis, nn. "Agenda parva" on alles aastast 1622.

Esimesed soomekeelsed raamatud ilmusid meie omadest mõned aastad hiljem, kuid nende saatus oli hoopis õnnelikum. Soome kirjandusele ja kirjakeelele pani aluse Mikael Agricola u. 1543.a. ilmunud aabitsaga "Abckiria". Kaotsiläinud tiitellehe tõttu on välja pakutud ilmumisaastaks ka 1537 või 1538 või isegi ajavahemikku 1537-1549. Aabitsale järgnes palveraamat "Rucouskiria" (1544) ja rida muid väljaandeid, nende hulgas ka 1548.a. ilmunud uue testamendi tõlge "Se Usi Testamenti". Meenutagem, et Eestis ilmus "Uue Testamendi" tõlge alles a. 1715. Kui piiskop M. Agricola viljakas tõlke-tegevus tema ootamatu surmaga Moskvast rahuläbirääkimistelt naastes a. 1557 katkes, ulatus tema raamatute lehekülgede üldarv 2400-ni.

Suur hulk sellest on mugandatud või originaaltekstid, nimelt üksikteoste eessõnad, mis pakuvad olulisi andmeid soomlaste eluolu, ebausutavade jm. kohta. Soome keele ajaloo ja kujunemiskäigu uurimiseks on aga M. Agricola teostel ainulaadne väärtus, sest järeлмаaailm võib tema kui soomlase tõetruusse pärandisse suhtuda usaldavalt. Olukord on seega hoopis teine kui Eestis puuduliku keeleoskusega saksa soost keeলেemeeste H. Stahli, J. Rossihniuse jt. kirjatööde suhtes.

M. Agricola kohta tuleb mainida veel sedagi, et oma elutööks oli ta a. 1536-1539 Wittenbergis M. Lutheri juures õppides saanud väga hea ettevalmistuse. Soome, rootsi ja saksa keelele lisaks tundis ta veel ladina, kreeka ja heebrea keelt, mida kõike läks piibli tõlkimisel vaja. Õpiaastaist Wittenbergis on säilinud paar M. Agricola kirja Rootsi kuningale, millest selgub, et "Uue Testamendi" tõlkimine oli juba käimas ja et ta võttis seda otsekui riiklikku ülesannet. Wit-

tenbergist lahkudes sai M. Agricola M. Lutherilt ja F. Melanhtonilt kaasa soojad soovituskirjad edastamiseks otse kuningale.

Raskusteta muidugi M. Agricola tõlketöö ei kulgenud ja kõiki takistusi ta ei püüdnudki ületada. Et peatähelepanu oli suunatud algteksti täpsele edasiantmisele, siis sõnasõnaline tõlge viis tihti võõraste lausekonstruktsioonide, prefiksi-
liste verbide ja isegi artiklite jäljendamisele. Hoopis lapsekingadesse jäi ortograafia. Pikkade vokaalide ja soome keele rikkalike diftongide märkimiseks polnud kuskilt eeskujuvõtta. Konsonantide suhtes on aga M. Agricola ortograafia rootsi, saksa ja ladina kirjavisi segu, millest tingitult sama häälikut võidi märkida üpriski mitme erineva tähega, näit. vahelduvad k puhul 7 erinevat võimalust: c, k, ck, ch, q, ki ja gh. Sellistest ebakohtadest järkjärguliseks vabanemiseks kulus mitu sajandit. Nii tugev oli M. Agricolast alguse saanud traditsioon. Tema põhiliselt edelamurdeline keelepruuk paistab mõneti läbi 1642. aasta ja osalt veel hilisemaistki piiblitõlkeist.

M. Agricola kõrval ei saa nimetamata jätta tema kaas-aegset, Viiburi piiskoppi Paavali Juustenit, kellelt ilmus 1575.a. "Se Pyhä Messu Suomen kielen". Selles kasutatud ortograafia on üldjoontes sama kui M. Agricola hilisemates töödes.

Varaseimad soomekeelse lüürika näited leiame M. Agricolalt: tema "Rucouskiria's" on viis kirikulaulu. XVI sajand andis veel esimese soomekeelse kirikulauluraamatu "Suomalainen Wirsikiria" (u. 1583) ja väikese palveraamatu "Yxi vähä Rucous Kiria" (1583), mis mõlemad on koostanud Turu koeli rektor Jaakko Finno (Suomalainen), kes sai oma hariduse samuti Wittenbergis. Kirikulaule on tal ühtekokku 101, enamikus tõlked saksa või rootsi keelest. Sammu edasi astus Masku pastor Hemminki Henriku poeg (Hemmingius Henrici), kelle "Yxi vähä Suomenkielinen Wirsikiria" (1605) on parandatud kujul ära toonud kõik J. Finno omad ja lisaks veel 141 laulu, milledest 19 on ilmselt originaalid. Eeskujuks olid Rootsis välja antud lauluraamatud, seda ka järgnevatel sajanditel. Aastal 1701 ilmunud raamatus ulatus laulude hulk 413-ni (uusid 113) ja neid hakati numereerima. Tekkis lauluraamatute segatüüp, kus suur osa kuulus mitmesugustele vaimulikele proosatekstidele. Mõnikord ei öeldud ära isegi kalendri lisamisest.

XVII sajandi suurteoseks kujunes soomekeelne piibel "BIBLIA, Se on Coco Pyhä Ramattu, Suomexi", mis ilmus a. 1642 professor Eskil Petraeuse tõlkekomitee töö viljana. Oma osa selles on ka varasemal piiskop Eerik Sorolaineni ja piiskop Isaac Rothoviuse komiteel. Meenutagem, et meie piibel ilmus u. 100 aastat hiljem. Stockholmis trükitud ligi 1500-leheküljeline piibel sai väliseltki võimas: kõrgus 42 cm ja kaal koos puukaantega 6 kg. Piibel on rikkalikult illustreeritud sama 166 puugravüüriga kui 1618.a. rootsikeelne väljaanne, nn. Gustav Adolphi piibel. Tiraaz oli 1200, millest 350 jäi Rootsi kinkideks kuningannale, valitsuse liikmetele ja kõrgeile ametnikele. Umbes 70 saadeti Lappi, Ingerisse, Eestisse ja Liivimaale. Soome sai endale 780 piiblit, s.o. napilt 2/3 trükiarvust. Tiitel- ja järgmise lehe järgi otsustades on piiblit 4 eri tüüpi (A, B, C, D), peamine erinevus sõna BIBLIA tähtede suuruses, värvis, tiitelle keskel olevas vapil ja kuninganna Kristiinale omistatud pühenduse sõnastuses.

Piibli ortograafiat on lihtsustatud ja ühtlustatud, Järele jäi ainult kaks k-hääliku märki: eesvokaalide ees k ja tagavokaalide (a, o, u) ees c. Nüüdissoome ts-i asemel kasutas M. Agricola tz-i (mis tollal hääldus helitu spirandina nagu inglise th); piiblis võeti kasutusele dz (näit. medzä 'mets'), ks-i margina püsis edasi x (näit. caxi 'kaks').

Enne veel, kui jõuti 1642.a. piibli trükk lõpuni müüa, asuti piiskop Johannes Gezeliuse algatusel uue, kogult väiksema väljaandmisele. Rootsi pidas tollal ühtejärke sõdu ja sõjaväe pastoreile polnud suureformaadiline piibel põrmugi meelt mööda. Uue, 1685.a. ilmunud, nn. sõjapiibli eessõnas ongi otseselt öeldud, et kuningas on käskinud soome biibli edaspidi trükkida sobivas kogus, "et seda ilma vaevata võidakse kaasas kanda kõigil sõjaretkedel (että se ilman waiwata taitan myötä pitää caikis Sotawaellluxisa)". Ruumi kokkuvõtteid on saavutatud piltide ärajätmise ja väiksema kirja kasutamise. Piibli kõrgus on 21 cm, lehekülgi u. 100 võrra rohkem kui eelkäijas, tiraaz 2200. M. Agricola kasutatud tz-i on selles redigeerija, oma aja parim soome keele tundja Henrik Florinus taastanud ja võõrsõnu asendanud omadega, näit. on Basuna 'pasun' asemel waskitorwi, styri 'tüür' asemel perälauta. M. Agricola jalopeura (= suur põder) on leijona 'lõvi' asemel uuesti kasutusele tulnud.

XVII sajandi vaimulike tähtteoste hulka kuuluvad veel Turu piiskopi Eerik Sorolaineni kaheosaline 2300-lehekülje-

line jutluseraamat "Postilla, Eli Ulgostoimitus, nijnen Ewangeliumitten päälle cuin ymbäri aiastaiän, saarnatan Jumalan Seuracunnassa" (1621 -1625), ilmunud Stockholmis. Akadeemia (ülikooli) asutamiseaga a. 1640 Turusse tekkis sama ka trükikoda (1642.a.), kus trükiti nii 1685.a. piibel kui ka muid vaimulikke tekste, lisaks juhulaule eri paikkondade autoreilt. Eraldi väärrib nimetamist Põhja-Pohjanmaa pastor Matias Salamnius, kes üllatas kaasaegseid ligi 2300-värsilise looga "Ilo-Laulu Jesuxesta" (Rõõmulaul Jeesusest"), mis 1690.a. on trükitud samuti Turus.

Esimese Turu trükise au kuulub aga Akadeemia esimesele väitekirjale, milleks osutus Mikael Wexioniuse tarkuseprobleeme arutlev "Discursus politicus de prudentia" (1643). Samal aastal ilmus Turus ka esimene Soomes trükitud rootsikeelne raamat, piiskop Isaac Rothoviuse jutlustekogu "Nagra Christeliga Boot Predikningar" (1643).

M. Wexoniuse teine ladinakeelne teos "Rootsi, Götamaa, Soome ja allutatud provintside lühikirjeldus" (1650) on oluline selle poolest, et autor kirjeldas siin esimesena eesti ja soome keele sugulust ning lõi sellega aluse soome-ugri keelte uurimisele.

Soome kirjakeele arengusuuna määrajakas jäi aga järgneval, XVIII sajandilgi endiselt piibel kui kõige suurema levikuga ja enim kasutatud vaimuliku kirjanduse toode. "Uuest Testamendist" ilmusid kordustrukid a. 1732, 1733 ja 1740, kuid luba uue täispiibli väljaandmiseks saadi kuningalt alles 1747.a. Piibli teksti redigeerimine usaldati Häme murde alalt Satakunnast pärinevale pastor Antti Lizeliusele, heale kreeka keele tundjale, kes pidi täpsustama tõlget, kõrvaldama trükivead, viima ortograafia aja tasemele, vältima edelamurdepäraseid lõpukaovorme, vöörsõnad vahetama omade vastu jne. 1700-leheküljeline piibel ilmus 1758. aastal, tiraaz tõusis 4500-le. Edelasoomeliste lõpukaovormide kõrvaldamisel polnud A. Lizelius siiski kuigi järjekindel, kuid järgsilpides on pikkade vokaalide arv märgatavalt lisandunud (tapahu asemel tapahuu 'toimub' jt.). A. Lizeliuse toimetusel ilmus veel ka piibli 4. trükk, nn. vana kirikupiibel a. 1776. Selle 9050-line tiraaz ületas kõik varasemad. Ortograafias on nüüd k puhul üldnimeses c-st täielikult loobutud (näit. kowasta 'kõvasti', a. 1758 veel cowasta). A. Lizelius on läinud soome kultuuriajalukku veel esimese soomekeelse ajalehe, kaks korda kuus ilmunud "Suomenkieliset Tieto-Sanomatt" (1775-1776)

väljaandjana. Järgmine soomekeelne ajaleht Reinhold von Beckeri asutatud "Turun Wiikko-Sanomat" laskis end oodata tervelt 43 aastat.

Järgmine, 1777.a. piibel on selles suhtes erandlik, et ta ilmus väljaspool tolleaegseid riigipiire Tallinnas ja oli mõeldud Vene poolele jäänud Viiburi piiskopkonna soomlasile. Piibli teksti redigeeris kirikuõpetaja Sverdsiö. Ortograafia on mõneti veel nüüdisaegsem kui 1776.a. piiblis: k-täht järjekindlalt ka pärisnimesed (näit. Kristus, Isak, a. 1776 veel Christus, Isach). Lisatagu, et x-ist ja tz-st ütles lõplikult lahti alles 1852.a. piibel, kuigi ilmalikes tekstides oli juba varem üle mindud ks-le ja ts-le.

Seadustõlgetega tehti algust XVI ja XVII sajandil; kuid nad ei pääsenud tavaliselt trükki, näit. "Kristoffer kuninga maanlaki", mille tõlkijana Herra Martti taga on oletatud Jaakko Finnot, ja Ljungo Tuomase poja a. 1601 ja 1609 tõlgitud talurahva ja linna seadus. Paremini käis Henrik Florinuse käsi, kelle tõlgitud kirikuseadus "Kircko-Laki ja Ordningi" ilmus Turus 1688.a. Ka Samuel Forseeni tõlgitud Rootsi riigi seadus nägi a. 1759 trükivalgust. Suurel hulgal ilmused plakatitena juba alates 1647. aastast igasuguseid teadaandeid, määrusi ja korraldusi. Need nagu teisedki mittevaimuliku sisuga tekstid omavad soome kirjakeele arengu jälgimise seisukohast samuti suurt tähtsust. Nende omalaadne leksika on koondatud 6-osaliseks kavandatud "Soome vana kirjakeele sõnaraamatusse", mille mahukas esimene köide (918 lk.) ilmnes 1985.a.

Samal aastal, kui meil trükiti esimene H. Stahli koostatud eesti keele grammatika (1637), hakkab ilmuma soome keele enda kohta käivaid raamatuid. Esimene tagasihoidlik tulnukas sellelt alalt on Ericus Schroderuse koostatud väikeseformaadiline 146-leheküljeline ladina-rootsi-saksa-soome sõnastik "Latino-Scondicum" ("Ladina-skandinaavia sõnaraamat") (1637), milles u. 2400 sõna pole antud alfabeetiliselt, vaid on teemade kaupa jagatud 36 rühma. Seitse aastat hiljem järgnes sellele mingi saksakeelse teose mugandusena väikeseformaadiline 121-leheküljeline "Variarum rerum vocabula Latina, cum Svetica et Finnonica Interpretatione" ("Eri asjade ladinakeelsed nimetused, tõlgituna rootsi ja soome keelde") (1644). Eespool mainitud piibli 2. trüki redigeerijalt Henrik Florinuselt ilmus a. 1678 ladina keele õppimiseks mõeldud kolme-

keelne 148-leheküljeline sõnastik "Nomenclatura Rerum **brevis-**sima, Latino-Sveco-Finnonica" ("Lühike ladina-rootsi-soomekeelne asjade nimestik"). Umbes 3000 sõna on jagatud mõistepiirkonniti 22 rühma. Erinevalt eelkäijaist on ladina ja rootsi sõnade vasteiks pakutud paiguti kaht sünonüümi, näit. 'õe' puhul Soror, Syster, Sisar/ siucku. Bessõnast selgub, et verbid on välja jäetud "aja puudusel". H. Florinuse vestmiku tüüpi sõnastik leidis Turu katedraalkoolis elavat kasutamist, sest kordustrukke ilmus tervelt neli, esimene neist veel H. Florinuse eluajal a. 1683. Hiljem lisati juurde saksa keel. Uue nimetusega sõnastiku "Vocabularium Latino-Sveco-Germanico-Finnonicum" trükk ilmus aastal 1695. Aastate 1708 ja 1733 väljaannete tiitelleht on saksa- ja soomekeelne ("Yxi Lyhykäinen Sana-Kirja/ Latinan/ Ruotzin/ Saxon ja Suomenkielellä"). H. Florinuse peateoseks kujunes vanasõnade kogumik "Wanhain Suomalaisen Tawalaiset ja Suloiset Sanan-Laskut" (1702), milles on 1620 wanasõna. Võrdluseks märgitagu, et a. 1732 ilmunud Anton Thor Helle "Kurtzgefasste Anweisung zur Estnischen Sprache" sisaldab 525 eesti wanasõna.

Kui kõik XVII sajandi sõnastikud jäid algeliste vestmike tasemele, siis juhtiva fennofiili Daniel Jusleniuse mahukas 568-leheküljeline a. 1745 ilmunud rootsi-ladina-soome sõnaraamat "Suomalaisen Sana-Lugun Goetus" ületab mõneti hiljemgi ilmunud vokabulaariume. Väärtuslik on sõnaraamatu lõpus leiduv rootsikeelsete vastete täielik indeks, mis hõlbus- tab u. 16000 soomekeelse sõna hulgast hajali paiknevate sünonüümide leidmist. Sama süsteemi on muide hiljem kasutanud ka F. J. Wiedemann oma "Eesti-saksa sõnaraamatus" (1869). XVIII saj. lõpupoole a. 1787 valmis Christfrid Gananderil u. 30 000 sõna sisaldava soome-rootsi sõnaraamatu "Nytt Finskt Lexicon" käsikiri, mis kahjuks jäi ilmutamata. Käsikirja fak- siimileväljaanne nimetusega "Christfrid Gananderin Uusi Suomen sanakirja" ilmus a. 1937-1940 u. 3000-leheküljelisena kolmes köites. Teatavasti koostab sellest parajsti Kodumaiste Keelte Uurimiskeskus arvuti abil uut, ajakohast väljaannet.

Viljaka fennofiilina jättis Chr. Ganander endast mahuka ja mitmekülgse pärandi, mille väärtus on säilinud tänapäevani. Temalt ilmus esimene mõistatuste kogu "Suomalaiset Arwotuxet" (1783) ja muinasjuttude valimik "Uudempia Uloswalituita Satuja" (1784). Praktilise väärtusega olid meditsiini- ja veterinaariaalaseid algteadmisi pakkuvad "Maan-Miehen Huone- ja Koti-Aptheeki" (1788) ja "Eläinden Tauti-Kirja" (1788). Laie-

malt on tuntuks saanud Gananderi "Mythologia Fennica" (1789), mis sisaldab rohkesti soome regivärsilist rahvaluulet koos rootsikeelsete tõlgetega. "Mythologia Fennica'st" tegi K. J. Peterson saksakeelse tõlke, mille vahendusel soomlaste mütoloogilised olendid Väinämöinen ja Ilmarinen said meilgi tuntuks Vanemuise ja Ilmarisena.

Soome rahvalaulude uurimisele pani teosega "De Poesi Fennica" (1778) põhja Henrik Gabriel Porthan, kes avaldas töid ka soome keele ja Soome keskaja ajaloo alalt. Soome folkloori varajase uurimise algust loetakse aga aastast 1733, kui ilmus Gabriel Maxeneuse õhuke, 32-leheküljeline väitekirj "De effectibus fascino-naturalibus" ("Nõidumise loomulikest mõjudest"). Selles on vaatluse all viis pikka idamurdelist loitsu (värsside üldarvuga 124).

Chr. Gananderi käsikirja jäänud leksikalise ainese võttis Kustaa Renvall aluseks kaheosalise sõnaraamatu "Suomalainen Sanakirja" (1823, 1826) koostamisel. Seoses K. Renvalli mahuka, u. 22 000 märksõna sisaldava sõnaraamatuga on oluline teada, et selle ilmaletulekut kergendas märgatavalt kuulus Taani keeleteadlane Rasmus Rask, kes teel Indiasse peatus a. 1818 märtsis 17 päeva Turus, täiendas Turu Akadeemia kogude najal oma soome keele oskust ja mõned päevad hiljem hankis Peterburist kavandatavale soome-rootsi sõnaraamatule mõjuvõimsa metseeni krahv N. P. Rumjantsevi näol. R. Raski meelest oli otstarbekam koostada vokabulaarium soome-saksa-ladinakeelsena, ja sellisena ta lõpuks ilmiski.

XIX sajandil jätkus mitmete mahukate vokabulaariumide, nagu Kaarle Heleniuse soome-rootsi ja rootsi-soome sõnaraamatu (1838), Elias Lönroti rootsi-soome-saksa vestmiksõnaraamatu (1847), D. E. D. Europaeuse rootsi-soome sõnaraamatu (1852-1853), G. E. Euréni soome-rootsi sõnaraamatu (1860) ja lõpuks ka E. Lönroti suure kaheosalise u. 200 000 sõna sisaldava "Suomalais-Ruotsalainen Sanakirja" (1874, 1880) avaldamine, mis kõik on oma aja toredad saavutused, kuid jäävad nii soome vana kirjanduse kui ka soome vana kirjakeele mõiste alt siiski välja, kui asetame piiriks 1809, mil Soome autonoomse võrs-tiriigina läks Hamina rahulepinguga Venemaa koosseisu. Aasta 1810 on muide võetud piiripostiks ka eespool mainitud "Soome vana kirjakeele sõnaraamatus".

Nimetamata on veel soome keele vanimad grammatikad. On andmeid, et 1640.a. paiku oli olemas Henrik Grugeruse koostatud keeleõpetuse käsikiri, kuid see pole säilinud. A. 1649 il-

mus 1642. aasta piibli tõlkekomitee esimehelt Eskil Petraeu-
selt lühike 88-leheküljeline "Linguae Fennicae brevis insti-
tutio" ("Lühike soome keeleõpetus"). Selle väikese grammati-
ka aitasid tal arvatavasti kokku seada tõlkekomitee soomlastest
liikmed. Matias Martinius avaldas a. 1689 E. Petraeuse gram-
matika muganduse ladina- ja rootsikeelse nimega "Hodegus Fin-
nicus eller Finsk Wägwisare" ("Soome keele teejuhataja") Urt
selles on mõned hääldamis- ja õigekirjutusreeglid. Soome sõ-
nade ladinakeelseile vasteile on lisatud rootsikeelsed. Tõ-
sisemat kaalu omab a. 1733 ilmunud Pohjanmaa praosti Barthol-
dus Vhaëli 109-leheküljeline keeleõpetus "Grammatica Fenni-
ca", kus aga normaalkeelenditena väljapakutud Lõuna-Pohjanmaa
murdevormid ei vastanud tegelikule keelepruugile, mis oma põ-
hiolemuselt püsis edelasoomelisena, kuigi sellesse lisandus
pidevalt ka läänepoolsete Häme murrakute jooni.

Grammatikate tegelik buum läks lahti alles järgmisel sa-
jandil, kui järjepanu ilmusid keeleõpetused Reinhold von Bec-
kerilt (1824), Kustaa Renvallilt (1840), Emil Nestor Setälält
(1880), Arvid Genetzilt (1881), August Ahlqvistilt (1877) jt.,
kuid need jäävad juba väljaspoole soome vanema kirjanduse aja-
lisi piire.

On avaldatud arvamust, et soome raamat jõudis täisikka
alles "Kalevala" (1835) ilmumisega. Esimesed soomekeelsed ro-
maanid ilmusid aga alles 1870. aastal: Kaarlo Jaakko Gumme-
ruse "Ylhäisiä ja alhaisia" (pealkirjaga "Johannes, tollin poi-
ka", avaldatud varem ajakirjas "Suometar" 1864.a.) ja Alek-
sis Kivi "Seitsemän veljestä". Möödunud sajand on soome kul-
tuurielus üldse suurte murrangute aeg. Sellest ei jäänud puu-
tumata ei keel ega kirjanduski. Kuid, nagu võisime eespool
tõdeda, saame soome raamatu juubeliaastal rääkida märkimis-
väärseist saavutustest ka eelnevail sajandeil.

А. И. Гашилов, АДЪЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТА-
ЗОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА. Диссертация на соиска-
ние ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград,
1988. 168 с.

20 мая 1988 года в Ленинградском отделении Института языкознания АН ССР на заседании Специализированного совета состоялась защита кандидатской диссертации А. И. Гашилова по теме "Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка", выполненной на кафедре языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. В качестве официальных оппонентов выступали доктор филологических наук Е. А. Хелимский. Отзыв о диссертации А. И. Гашилова как ведущим научным учреждением дан Тартуским государственным университетом.

Тема диссертации А. И. Гашилова "Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка" актуальна, так как соотношение между именами существительными и адъективными формами в селькупском языке носят принципиально иной характер, чем в других языках. С именем существительным адъективные формы на -л' (-й) в тазовском диалекте сохраняют морфологическую связь (им свойственны категории падежа и посессивности), однако с точки зрения синтаксических функций они более близки к именам прилагательным. Проблематика элевых форм мало изучена, в решениях разных авторов наблюдаются спорные теоретические трактовки, а также очевидные фактические неточности.

Автор диссертации выдвигает новый подход к разрешению проблемы анализируемых единиц селькупского языка. Он пришел к выводу о том, что элевые образования не отыменные прилагательные, как думали раньше, а они представляют собой функциональный подкласс существительных с адъективным значением.

Целью исследования является комплексный анализ адъективных форм селькупских существительных (АФС). Автор диссертации ставил перед собой следующие конкретные задачи: I) выявить употребление в разговорной речи, в произведениях устного народного творчества селькупов формы типа канал 'от-

носящийся к собаке, собачий', Эккыль 'находящийся во рту', мачомнэтыль 'имеющий распространение по лесу' и т.п. в среднетазовском говоре тазовского диалекта селькупского языка и их эквивалентов в верхнетазовском говоре, 2) определить их морфологические признаки, 3) дать синтаксическую характеристику этих форм, 4) провести разграничение между АФС и прилагательными, 5) определить статус рассматриваемых форм в отношении их принадлежности к той или иной части речи, 6) показать путь развития АФС.

А. И. Гашилов хорошо справился со всеми поставленными задачами, в диссертации наиболее существенные результаты исследования иллюстрируются таблицами и схемами. Методы, используемые в работе, — описательный, сопоставительный, типологический, — вполне приемлемы в трудах подобного рода.

Исследование (168 машинописных страниц) состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во "Введении" (с. 4–16) автор дает обширную характеристику работы и знакомит читателя с краткими этнолингвистическими сведениями о селькупках. Тазовские селькупы называют себя щолькуп 'таежный человек' (щот 'тайга', куп 'человек'). Во время трех экспедиции автору диссертации удалось побывать во всех селькупских поселках и в большинстве стойбищ, расположенных в долине реки Таз, во всех чумах по реке Покультке.

Первая глава "О грамматической природе элевых форм в селькупском языке и их классификации в свете традиционного учения о частях речи" (с. 17–46) включает два раздела. Автор справедливо подчеркивает, что одной из специфических черт грамматического строя селькупского языка является широкое использование в нем таких элевых образований, которые формируются в различных лексико-грамматических классах слов (существительных, глаголах, прилагательных, числительных, местоимениях, наречиях, послелогах). Элевые образования, репрезентированные именем существительным, автор называет адъективными формами существительных. Теоретические взгляды Г. Н. Прокофьева, Л. А. Алиткиной и др. А. И. Гашилов считает неточными. Приведенный автором на с. 46 морфолого-синтаксическая диагностика убедительно показывает, что АФС и прилагательные можно отнести к разнородным частям речи. Никакой дифференцирующий признак у них не совпадает.

Вторая глава "Морфологические категории адъективных форм существительных" (с. 47–85) и третья глава "Синтаксические

функции адъективных форм существительных" (с. 86-III) посвящены описанию грамматических свойств АФС. Категория падежа представлена десятью падежными формами, напр. генитивные АФС имеют значение 'относящийся к кому-либо, чему-либо', 'принадлежащий кому-либо, чему-либо', изготовленный (приготовленный) из чего-либо, кого-либо' (сурый питу 'птичье гнездо'), локативные АФС имеют значение 'находящийся в чем-либо, каком-либо месте', 'относящийся к какому-либо времени или общей обстановке' (мэткый этā 'олень, находящийся дома', т. е. 'домашний олень') и т.д. Не зарегистрированы АФС только с accusativom и vocativom. Надо все-таки отметить, что морфологические критерии для отличения accusativa от genitiva отсутствуют, так как в обоих случаях вместо падежного окончания -н (-т) или -м (-п) может выступать -л (-й). Даже вокалический ауслаут основы можно считать общим признаком genitiva и accusativa. Вывод об отсутствии accusativa можно делать основываясь только на синтаксические критерии.

Категория possessivnosti (кананий 'относящийся к моей собаке', канатый 'относящийся к твоей собаке' и т.д.), по сравнению с предшествующими работами, рассмотрена автором наиболее полно и многогранно.

Ведущим синтаксическим признаком АФС выступает их функция препозитивного определения. Если АФС выступает в предикативной функции, образуется своеобразный аналитический комплекс сказуемого. Его компоненты проанализированы автором правильно.

В четвертой главе "Место адъективных форм существительных в грамматической системе селькупского языка с точки зрения их развития" (с. 112-130) автор рассматривает процесс обособления и оформления АФС. Не вызывает сомнений, что сложный комплекс образования, первый компонент которого оформлен показателем адъективности -л¹, возник в селькупском языке гораздо позже, чем образования на базе номинатива (олы куп 'начальник', букв. олы 'голова' + куп 'человек') и genitiva (сайт пү 'зрачок', букв. 'глаза камень').

Достоверны или близки к таковым и другие выводы автора. Все-таки при анализе надо иметь в виду и другие самодийские языки, в частности, наряду с суффиксом -л ему близкие л-овые образования. В списке использованной литературы отсутствуют два важных справочных издания по самодийским и финно-угорским суффиксам (Lehtisalo T. Die primären uralischen ableitungssuffixe. Helsinki, 1936; Györke J. Wortbildungslehre des

Uralischen. (Primäre Bildungssuffixe). Tartu, 1934).

Заключение (с. 131-138) написано подробно - это хорошо, но слишком абстрактно (в нем ни одного конкретного примера). Отсутствуют и краткие выводы в конце каждой главы.

Эти недостатки, разумеется, не снижают практической и теоретической ценности диссертации.

Материал диссертации может быть использован для проведения спецкурсов и семинаров и при написании студентами ЛГУ имени А. И. Герцена курсовых и дипломных работ. Результаты исследования важны для дальнейшего изучения грамматического строя селькупского и других самодийских языков.

ПАУЛЬ А Л В Р Е (Тарту)

Н. Г. Кузнецова, ГЛАГОЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА КЕТСКОГО ДИАЛЕКТА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 1987. 235 с.

25 января 1988 г. в специализированном совете Д 069.02.02 в Тартуском государственном университете прошла защита кандидатской диссертации Н. Г. Кузнецовой (Томск) на тему "Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка" (научный руководитель - д.ф.н. Э. Г. Беккер). Официальными оппонентами были д.ф.н. Т.-Р. Вийтсо (Таллин - Тарту) и к.ф.н. Е. А. Хелицкий (Москва).

В диссертации Н. Г. Кузнецовой с большой полнотой освещены глагольное словообразование и словоизменение, значение и этимология глагольных формантов в селькупских говорах Верхней, Средней и Нижней Кети, а широко использованный прием сопоставительного и дифференциального диалектологического описания придает работе характер компендия по селькупскому глаголу. Ряд специфических для кетского диалекта фактов глагольной подсистемы обнаружен и описан впервые с использованием как текстовых записей, так и данных специально проводившегося Н. Г. Кузнецовой полевого грамматического анкетирования, включая и данные лингвистических экспериментов. В работе сочетаются и дополняют друг друга анализ "от формы", более традиционный для самодийского языкознания, и анализ "от содержания", в основном отражающий концепции современной типоло-

гии, статическое описание и выделение динамических тенденций в развитии исследуемой подсистемы.

Во введении рассмотрены, в частности, фонетическая и морфологическая структуры глагольных словоформ, что служит предпосылкой для дальнейшего учета морфонологических характеристик рассматриваемых образований. Первая глава посвящена глагольному словообразованию – отменному и отглагольному, с выделением в составе последнего средств образования глаголов со значением способа действия, переходных глаголов, возвратных и пассивных глаголов, глаголов со значением состояния (результативных и стивных). Во второй главе исследовано "непоследовательно коррелятивное категориальное формообразование" – категории вида (совершенный, несовершенный) и залога (актив, медиум – возвратный залог, пассив), в третьей главе – "последовательно коррелятивное категориальное формообразование" – категории наклонения, времени и лица-числа субъекта. Предметом четвертой главы являются нефинитные формы (причастие, деепричастие, инфинитив), характеризующиеся как продукты "некатегориального образования" (хотя нам кажется, что даже при отказе от выделения категории репрезентации не вполне естественно отказывать причастию и т. д. в статусе грамматической категории, причем последовательно коррелятивной по отношению к финитным формам глагола). В качестве приложений помещены таблицы формантов, словарик 103 основных непроизводных глаголов и образцы парадигм.

Н. Г. Кузнецова поставила рецензента в положение особенно заинтересованного и поневоле придирчивого критика, поскольку в своей диссертации постоянно соотносит данные кетского диалекта с описанием глагольной подсистемы тазовского диалекта, содержащимся в "Очерках по селькупскому языку" А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной (Москва 1980). Разумеется, поскольку речь идет о двух – хотя и достаточно далеких – диалектах одного языка, факты кетского диалекта (КД) и тазовского диалекта (ТД) оказываются во многих случаях тождественными с точностью до закономерных фонетических или морфонологических различий (это в особенности относится к инвентарю словообразовательных средств, почти целиком носящему общеселькупский характер). В то же время целый комплекс формальных и функциональных различий между КД и ТД, перечисленных в выводах по диссертации (с. 180–182), существенно расширяет наши познания о селькупском глаголе в целом и, как справедливо указывает Н. Г. Кузнецова, свидетельствует

о неправомерности практикуемого порой механического распространения на весь селькупский язык тех результатов, которые получены на материале глагольной подсистемы ТД. В этой связи специальный интерес представляют такие разделы и выводы возвратно-пассивных глаголов с суффиксами $-i-$ и $-ku-$ (с. 52-62 и др.), установление действующих в КД критериев разграничения совершенного и несовершенного вида глаголов (с. 78 и сл.), а также демонстрация видовой двойственности глаголов результативного значения с суффиксом $-prV-$ (с. 81-82), выделение стальных (свойственных и ТД) и акциональных конструкций с пассивными глаголами (с. 90 и сл.), обоснование трактовки $\underline{1}$ -овых форм наклонения как адхорвативных, а не оптативных (в КД эти формы представлены только в I л. дв. ч. и мн. ч., ввиду чего было бы, вероятно, допустимым и отнесение их к парадигме императива) (с. 100), характеристика морфологических свойств безличных глаголов (с. 125-126 и др.), данные о функциональном распределении конкурирующих показателей 3 л. ед. ч. - $-\underline{q}$, $-\underline{n}$ и \emptyset (с. 132 и сл.). Во всех перечисленных и во многих других случаях речь идет о тщательном и лингвистическом корректном описании или о принципиальной новизне интерпретации Н. Г. Кузнецовой впервые установленных или мало изученных грамматических фактов КД.

Однако в некоторых разделах выглядит искусственным, недостаточно оправданным с точки зрения приводимого материала противопоставление фактов КД и ТД. Так, переводы примеров на с. 45-46 не подтверждают вывода о том, что суффиксы $-kV\underline{1}-$ и $-\underline{z}\underline{1}-$ передают просто многократность, повторяемость действия, а не его мультисубъектность/мультнобъектность, как в ТД. Отказ автора от выделения в КД прошедшего времени на $-pr-$ (в ТД - повествовательное прошедшее время) приводит к тому, что формы типа $min\underline{1}mba't$ "он согнул (неизвестно когда)", которые имеют "собственно временное значение" (с. 121) и не рассматриваются в качестве объектных результатов, остаются в работе вообще никак не интерпретированными, "повисают в воздухе". Серьезные сомнения вызывает трактовка финитных форм на $-\underline{nt}-$ (в ТД - латентив, наклонение неочевидного действия) как предикативных форм причастия на $-\underline{nti}-$ (хотя этимологическая связь латентива и причастия весьма вероятна). Такой трактовке противоречит хотя бы уже тот сообщаемый Н. Г. Кузнецовой факт, что причастия на $-\underline{nti}-$ образуются только от глагольных основ несовершенного вида, тогда как финитные формы на $-\underline{nt}-$ образуются от всех глаголов (с. 152); кроме того, примечание

на с. 153 позволяет предполагать, что в КД показатель -nt- способен присоединяться и к основе будущего времени (как и в ТД). Вряд ли отсутствие у форм на -nt- устойчивой модальной семантики (в этом отношении КД вполне сходен с другими диалектами селькупского языка) может препятствовать квалификации их в качестве особого наклонения.

Указание Н. Г. Кузнецовой на то, что формы простого деепричастия на -1ḡ в КД выражают не только одновременность действия (в сочетании с основами несовершенного вида), но и предшествование действию (в сочетании с основами совершенного вида) (с. 162-163), заставляет признать, что характеристика соответствующих деепричастий ТД как выражающих одновременность действия, приведенная на с. 256 "Очерков по селькупскому языку", неточна. В действительности распределение значения то же, что и в КД, ср. примеры на с. 391 той же книги.

Кроме того, в связи с сопоставлением данных КД и ТД хотелось бы обратить внимание на то, что соответствием КД -ḡV- (один из суффиксов отмененных переходных глаголов) является ТД -lty-, -alty- (суффикс -ḡlty-, о котором упоминает автор диссертации, встречается гораздо реже специфической семантикой), а также наличие в отдельных реликтовых формах ТД рефлексивного суффикса -ku- (ср. КД -ku-) - например, nūkuḡu- "открыться". Между прочим, порядок расположения суффиксов в данном глаголе позволяет думать, что суффикс *-ku- более архаичен, чем типичный для ТД суффикс -su-.

Рецензенту глубоко чужды получившие немалое распространение в современной лингвистике идеи описания грамматики "от значений к формам", представленные, в частности, теорией функционально-грамматических категорий (А. В. Бондарко) и морфосинтаксическими исследованиями ленинградских типологов. Н. Г. Кузнецова, напротив, широко пользуется соответствующими приемами описания. Это, разумеется, ее право, и было бы неуместно вдаваться здесь в теоретические дискуссии по данному вопросу. Ограничимся поэтому лишь констатацией своего несогласия с такой трактовкой категорий залогового характера, при которой, с одной стороны, одна и та же словоформа одного и того же глагола может принадлежать двум разным залогам - среднему и пассивному (ср. nūḡukkuḡ "открывается" на с. 89 и 91), с другой стороны, в качестве форм одного и того же залога объединяются противопоставленные и формально, и по своей базисной семантике образования (например, koḡuḡu "найтись, быть

найденным" и *kombigu* "находиться в состоянии найденности, быть найденным", с. 91). Несогласие проистекает из следующего элементарного пожелания: хотелось бы, чтобы каждая форма глагольной парадигмы могла получить однозначную маркировку категориальными пометами, а по определенному набору категориальных помет однозначно устанавливалась соответствующая форма парадигмы.

Несомненно, однако, что с иных, нежели у рецензента, теоретико-лингвистических позиций Н. Г. Кузнецовой может быть поставлено в заслугу внедрение функциональной грамматики в самодийское языкознание.

Важны с точки зрения как синхронного, так и исторического изучения селькупского глагола выводы о динамических тенденциях, прослеживаемых на материале глагольной подсистемы кетского диалекта. Среди этих тенденций отмечаются, в частности, формирование на базе простых суффиксов, модифицирующих лексическое значение глагола, сложных комплексов с единым значением; превращение итеративно-имперфективного суффикса *-kku-* в универсальный показатель имперфективизации (при сохранении лишь некоторых реликтовых образований с общеселькупским имперфективным суффиксом **-psə-*); закрепление за переходными глаголами преимущественно только одного типа спряжения - объектного; унификация лично-числовых показателей императивной и неимперативной серий; переразложение глагольных основ в пользу личных окончаний; переход словоизменяющих суффиксов глагольных имен действия в словообразовательные суффиксы отглагольных имен и отрыв последних от глагольной парадигмы. Однако для демонстрации некоторых из этих тенденций, а также других инновационных явлений в глагольной морфологии диалекта, целесообразно было бы максимально использовать хотя бы те ограниченные данные о кетском и натско-пумпокольском (верхнекетском) диалектах XIX века, которые содержатся в материалах М. А. Кастрена (см.: М. А. Castrén, T. Lehtisalo, *Samojedische Sprachmaterialien*, Helsinki 1960 [MSFOu 122]); хотя эта работа фигурирует в списке литературы к диссертации, но сравнительное привлечение данных из нее автором не практикуется).

Выше уже высказывались критические соображения преимущественно интерпретационного характера; они касаются не столько упущений автора диссертации, сколько концептуальных оценок тех или иных явлений. Другие наши замечания носят частный характер - речь идет о почти неизбежных издержках описа-

ния обширного и ранее почти не изучавшегося языкового материала. Так, в примерах на с. 38 следует выделять суффикс -icv-, а не -cV-. Глаголы lerrıbbıgı "бояться" и porıbbıgı "гореть" образованы не от возвратных глаголов lerrıgı "испугаться" и porıgı "загореться", а от потенциальных транзитивных основ lerı- "испугать" и porı- "зажечь" (см. с. 64). Глагол ıve-lıbbıgı "отрыбачить" (с. 75) содержит, по-видимому, не суффикс -ıtv-, а сельк. *-ıtā-. При описании формальных средств выражения сослагательности следовало бы упомянуть и использование заимствованной частицы bi, см. примеры на с. 113. В одном из примеров на с. 158 porıom "шубу" переведено как "чирки" (т.е. меховые сапоги), на с. 166 mızakkus "жарился" передано формой настоящего времени. Вряд ли оправдано пунктуационное обособление в селькупском тексте деепричастия без зависимых от него слов (с. 164): по крайней мере в ТД (и, скорее всего, в КД также) такие деепричастия никогда не выделяются интонационными паузами.

Публикации Н. Г. Кузнецовой по теме исследования (включая и недавно вышедшую статью "О категории залога в селькупском языке" - СФУ XXIII/3) отражают основные концептуальные положения диссертации, однако было бы целесообразно более полно дать в дальнейших публикациях ценный полевой материал, использованный в работе.

В рецензируемой работе Н. Г. Кузнецова выполнила поставленные задачи по установлению состава морфологических категорий глагола в кетском диалекте селькупского языка и описанию средств их выражения, по выявлению динамических тенденций в глагольной подсистеме, по сопоставлению данных кетского и тазовского диалектов. Спорный, с точки зрения оппонента, характер отдельных решений не может повлиять на не вызывающую сомнений общую оценку диссертации как важного, интересного и квалифицированного вклада в изучение самодийских языков.

Е. А. Х Е Л И М С К И Й (Москва)

Pertti Virtaranta, TAMPEREEN MURREKIRJA. Kotiseudun murrekirjoja 8. Helsinki, 1987 (SKST 473). 278 lk.

Pertti Virtaranta on tänapäeva viljakamaid soome murdetekstide kogujaid ja publitseerijaid. Juba 1947.a. nägid trükivalgust Ylä-Satakunta tekstid "Vanha kansa muistelee" (Vana rahvas meenutab), millele peatselt järgnesid "Hämeen kansa muistelee" (1950) (Häme rahvas meenutab), "Elettiinpä ennenkin" (1953) (Elati vanastigi) ja "Sana ei sammaloidu" (1953) (Sõna ei sammaldu). Aastal 1973 hakkas Soome Kirjanduse Selts välja andma uut tüüpi suureformaadilisi illustreeritud murderaamatuid. Täna seni on selles seerias ilmunud kaheksa teost, millest kuue autoriks on P. Virtaranta. Põhiliselt on need läänemurrete alalt: Somero (1973), Tyrvää (1976), Viljakkala (1983), Karkku (1986), Tampere (1987). Ainult "Länsi-Kannaksen murrekirja" (1982) esindab üht soome kagumurrete lõiku.

Paralleelselt seeriaga "Kotiseudun murrekirjoja" (Kodukandi murderaamatud) on alates 1978. aastast ilmunud 30 numbrit "Suomen kielen näytteitä" (Soome keele näiteid) kõige erinevamailt murdealadelt, mille väljaandmisega tegeleb Kodumaise Keelte Uurimiskeskus. Need sisaldavad litereeritud tekste Soome Keele Heliarhiivist, igas numbris kahelt keelejuhilt à 1 tunni ulatuses. Murdeuurimist rahuldama, seda eriti uutes ülikoolides (Tampere, Oulu, Joensuu jt.), kus omad kogud puuduvad, on mõeldud ka põimik möödunud sajandil kogutud tekste "Murrenäytteitä sadan vuoden takaa" (1978) (Murdenäiteid sajaja aasta eest). Lisaks nimetatutele on aeg-ajalt publitseeritud lühemaid tekste veel ajakirjas "Virittäjä", aastaraamatus "Sananjalka" ja mujal.

Raamatu "Tampereen murrekirja" eessõnas mainib P. Virtaranta, et vanimad tekstid pärinevad aastast 1951, kui ta veel suhteliselt algelise ja ebakindla magnetofoniga "Mail a Voice", mis võimaldas saada jooksvat teksti vaid nelja minuti ulatuses, talletas vanimate Tampere asukate, sealhulgas ka rea pensionipõlve pidavate vabrikutöölise kōnet. Litereeritud tekstide avaldamiseks eri raamatuna aga puudusid tollal võimalused. Tampere ajakirjas "Aamulehti" ilmus siiski a. 1951-1952 56 numbrist koosnev murdejuttude seeria. Et linna piiridesse kuulub praegu ka Messukylä ning vana Ida-Teis-

ko, on käesolevasse raamatusse võetud keelenäiteid ka nendelt aladelt ning Näsijärve ümbrusest pisut mujaltki. Kõige mahukama osa raamatust moodustabki Teisko ainestik (112 lk.) keelenäidetega 2 naiselt ja 6 mehelt. Sellele järgneb Tamperre osa (91 lk.), murdetekstidega 8 naiselt ja 1 mehelt. Meesukylä puhul (33 lk.) on keelenäiteid ainult 2 mehelt. Seega on nais- (10) ja meesinformantide (9) osa raamatus enam-vähem tasakaalus, kuigi naise arhailisema keelepruugi esindajaina tavaliselt kiputakse eelistama. Kõigi keelejuhtide sünnidaatumid lähevad tagasi möödunud sajandisse, vanim informant on sündinud a. 1865, noorim a. 1895. Autoril on õnnestunud tuua lugejani paikkonna vana murdekihistus, mis linnamiljões on tänapäevaks suuresti taandunud.

Tekstid esitatakse lihtsustatud transkriptsioonis, mis on lähedane soome kirjakeele ortograafiale. Et sõnalõpu -m-i assimilatsioon jäetakse märkimata, ilmselt soomlasest lihtlugejat ei häiri, pigem mõjub soodsalt, sest näit. sõnaühendid mennään laivalla ja uulenvuolen päivänä loeb ta niikui nii kujul mennääl laivalla ja uulevvualem päivänä.

Sõna sitten 'siis' puhul täit järjekindlust siiski pole. Näit. sitten olin (lk. 97) ja siitä sitten (lauselõpus) 83, kuid ka sinnes sittej ja sittet taas, sittem meirän jt. See pilt võib osalt näida petlikki, sest kui kõneleja tunneb aspiratsiooniga sitte'-kuju, mis lähtub -k-lõpulisest *sittek, tuleb assimilatsiooni märkimist sittej ja jt. lugeda igati korrektseks (n-ilise sitten korral aga mitte). Ootuspärane on assimilatsioon ka niisugustel *-k-juhtudel, nagu alej ja, tuaras sinnej ja, selkaansas sai, viarän niitä (vrd. kirjak. alle ja, tuoda sinne ja, selkaansä sai, viädä niitä). Liit-sufiksi -kin, -kaan -kaan on P. Virtaranta ühtlustanud -n-i kasuks, kuid Häme murdepiirkonnale on paiguti omane ka *-k-l baseeruv aspiratsiooniga tüüp -ki'-, -kaa'- -kaa', millega tõuseb jällegi päevakorda assimilatsiooni märkimine. Seega probleeme kui palju. Kas poleks otstarbekam püsida edasi traditsioonilisel pinnal ja märkida assimilatsiooni ka -n-i korral nii, nagu see litereerimisel kuuldub?

Tekib veel küsimus, kas selliste kuluvormide, nagu kylä, klä, kyä; (s)tä; mnä, snä asendamine täispikkadega kyllä, sitä, minä, sinä pole tarbetu teaduslikkusest taganemine (muutmata on jäetud ainult lühivormid ma, mä ja sa, sä). Lihtlugeja jaoks võiks ju neid lühivorme siin-seal sulgudes avada. Pealegi on tekstis muidki kuluvorme, mis sel teel on raamatu

kasutajale mõistetavaks tehtud, näit. minä on (= olen), os (= olisi), minkä (= mihinkä), kunne (= kun ei), minkän (= mihinkään), tarts (= tarvitsisi), jonka (= johonka) jt. Seletamatagi on arusaadavad to-tüvelised tota, tohon, tonne, tos-sa, tosta, tolta (vrd. kirjak. tuota, tuohon, tuonne, tuos-sa, tuosta, tuolta). Seletamata on jäetud ka siä (lk. 11), nin (lk. 46), ei o (lk. 29), sunkan (lk.46) jt. (vrd. kirjak. siel-lä, niin, ei ole, suinkaan).

Keelejuhtide päritolu, perekonnasuhteid, töid-tegemisi ja harrastusi tutvustab P. Virtaranta detailselt, samuti juhib ta tähelepanu ka nende keeletarvituse individuaalsetele iseärasustele. Sellised keelejuhti tutvustavad lõigud pikkusega 1/2 kuni 1 lk. (paaril korral isegi 2 1/2 lk.) on sobivaks sissejuhatajateks informandi järgnevalle meenutustele. Viimaste keskne osa läheb tavaliselt tagasi jutustaja noorusaega, seega möödunud sajandi viimasesse vespäevandisse või käesoleva sajandi algusaastasse. Sellised tekstid oma suuresti varieeruva temaatikaga pakuvad huvi ka ajaloolastele ja etnograafidele ning uskumuste jm. osas ka folkloristidele.

Ongi huvitav märkida, et Pertti ja Helmi Virtaranta tegid a. 1956 ühe murdekogumisreisi koos etnograaf Niilo Valoneniga, kusjuures liiklusvahendiks oli mootorpaat ja peatuskohtadeks Näsijärvi rannakülad. Selle reisi üksikkohti kirjeldab P. Virtaranta lausa päevaraamatu täpsusega peatükis "Teisko" (lk. 135 jj.). Kultuuriloolise väärtusega on ka peatüki lõpuosa, millest selgub, et a. 1961 olid murdeekspeditsioonil kaasa ungari teadlased Péter Hajdú Budapestist ja Béla Kálmán Debrecenist. Külalised käisid ka Tampere muuseumis, kus tutvuti Artturi Kannisto Mansimaalt kaasa toodud esemetega. Käidi ka Kakisaaris kohtumas kirjanik Väinö Linnaga, kes tollal oli lõpetamas oma triloogia "Täällä Pohjantähden alla" (Siin Põhjaneala all) kolmandat osa.

Lingvisti tähelepanu keskendub muidugi Tampere, Messukylä ja Teisko murrakujoonete kirjeldusele. Tampere keele eripära vaatleb autor keelejuht Eetla Holappale pühendatud lõigus, kõrvutades seda E. Holappa kõnes säilinud idamurdelise sünnikoha Jämsä murdejoontega. Oluline ongi tähelepanek, et täiskasvanuna teise murdepiirkonda siirdudes (E. Holappa oli siis 19-aastane) uuele keelepruugile adekvaatselt üle minna ei suudeta. Ootaks näit. Tampere murde päraseid vorme plikka 'tütarlaps', ruvvaat 'toidud', jallaat 'jalad', palkka 'palk' jts., kuid E. Holappa kõnes on nende asemel likka, ruvat, ja-

lat, palakka. Ühtekokku loetleb P. Virtaranta üle kümne kõrvalkaldumisetüübi. Tampere keelepruugist. Messukylä asukail pole geminatsioon täispiik, vaid tüüpi ei mittää, 'mitte midagi', kuigi autor seda trükitehnilistel põhjustel eraldi ei märgi. Teisko keelejuhtide kõnet iseloomustab autor 14 erijoonega, nagu kaksikkonsonandiga algavad sõnad klasi 'klaas', trenki 'sulane', plikka 'tütarlaps', t-hääliku nõrga astme vastena alati l sõnatüübis vesi : velen 'vesi' (vrd. Tampere murrakus vesi : veren), mitm. genitiivis vormid maitten (: maa 'maa'), kalajen (: kala 'kala'), aga mitte mailen ~ mairen, kalaen ~ kalain jne.

Tampere linn oma ümbrusega kuulub Põhja-Häme murde piirkonda, mistõttu on ootuspärane, et vaadeldavais murdetekstides ilmnevad ka muud selle paikkonna jooned, sealhulgas ka need, mida juba L. Kettunen on oma murdeatlases "Suomen murteet III. Murrekartasto" (1940) esitanud. Tekstides ongi tavaline näit. tk assimileerumine kk-ks (pellokkin < pellotkin 'põlludki'), x-spirandi jätkajana h (nähen 'näen', tehin 'tegin', tehetää 'teha lasta') või j (mäjjen : mäki 'mägi'), *-ttak > -ta tüüpi ablatiiv (ilman luvata 'ilma loata'; vrd. sama tüüpi ka eesti ilma loata), h-ta mitm. illatiiv (rahhoiin 'rahadesse', mettäpurroin 'metsaoadesse'), omapärane infinitiivitüüp tüvevokaali pikenemine + -n (lähretään menneen 'hakkame minema', antaan 'andma'), konsonanttüvelised verbivormid (tiätään 'teatakse' < *tēt-tä-hen, ei löytty 'ei leitud'), personaalpronoomenite nominatiivne või genitiivne objekt t-lõpulisel akusatiivi asemel (ottakaa ny me 'võtke nüüd meid', me syätet tiin ja juatettin 'meid söödeti ja joodeti', hanen täytyy viäräk kirkolle 'teda tuleb viia kiriku juurde'), vana daatiivi kasutamine allatiivi asemel (Mitä ton nyt tehrää? 'Mida tolelele nüüd tehakse?') jt. Lisatagu siia veel omapärane muistaanni (lk. 153) 'nagu ma mäletan' (vrd. kirjak. muistaakseeni), mis meenutab "Kalevala" keelt ja veel liitsõna omapära kaotanud partit. maantiaa (pitkin) '(piki) maanteed' (vrd. kirjak. maantietä).

Hämemurdelise ilmega on ka selline üldsõnavara, nagu suvi 'suvi', ehtoo (ka ehto, ehhta) 'õhtu', suorsa 'part', sahrat 'ader', äite 'ema' jt. (vrd. kirjak. kesä, ilta, sorsa, aura, äiti).

Ent tekstides on rikkalikult ka muid murdesõnu või erinevate tähendusnüanssidega kinnistunud keelendeid, millest osa võib küll olla üsnagi lokaalse kasutusega. Loetlegem neist

mõningaid sõnaliigiti. Noomenid: pikentti 'teenija', tomu-
traasa 'tolmulapp', heppavesi 'kohv', kolo 'mähk', liitvau-
nu 'surnuvanker', kanhela (aika) 'vilets (aeg)', kakaruus 'lap-
sepõlv', hessakka 'napakas', ratti 'lehter', seeli 'hüljes',
linnunpranni 'linnupüünis', tillikka 'kõrts', koirrankurinen
'vallatu', petinko 'pettus', tikkerimpuska 'karusmarjapõõsas',
kaino 'aimus', isänen 'äike, pikne', vesikaari 'vikerkaar',
klasi 'aken', kuri 'kunst, vigur', silonen 'sile', rinni 'kor-
viga regi', laaki 'lөөk', raaka (ihminen) 'priske (inimene)',
metu 'tore, mõnus', onnen touko 'õnnelik juhus', metsäpeli
'jahipidamine', suutio 'noodapäraava, -suu', hirsivarvi 'pal-
gikorrus, -kiht', pöykky 'lumehang', sinkee (aika) 'raske (aeg)',
tilli 'taskupudel', rommeet 'asjad, riistad', lutsake 'lõks',
taukkokimppu 'kõiekimp', uppi 'teivas', hekkali 'nõrgamõis-
tuslik'; verbid: tupakseerata 'suitsetada', arvata 'julgeda',
tavottaa 'üritada', toimitella 'jutelda', tallata 'talutada',
huijata 'hüüda', velata 'jonnida, kapriisitseda', vokottaa
'meelitada', kehua 'ütelda, rääkida', immiinnyttää 'imaldada,
imalaks teha', (p)lokata 'sulgi noppida (linnult)', veroa 'va-
ruda (tagavaraks)', sukseta 'suusatada', hyäkiä (päällään)
'(peaga) noogutada', lungata 'lahti minna (puu koore kohta)',
tyrtytä 'küllastuda'; partiklid: ale 'alla', tikussa 'pur-
jus', toistee(n) 'korduvalt', suutassuksin 'vastastikku', sil-
lä 'selleks, seepärast', (siälä) matkalla '(seal) vahepeal',
hesteessä 'kimbatuses', saantasaaliissa 'raskesti kättesaa-
dav', sitten 'pärest seda', (olin) karjassa '(olin) karjas',
(missä) kullostikkin '(kus) kunagi', päivisillä 'päeval, päe-
vaajal', paikalla 'kohe', (syväraan) suussa hampain '(süüakse)
kiiresti', sen jälkeen 'vastavalt sellele', muuta 'välja ar-
vatud', ylönpalaten 'kukerpalli', ylönniakojaan 'uperkuuti,
ülepeakaela'. Omapärane on ka sidesõna ja 'ja' kasutamine
määrsõnana 'ka', näit. makso viis penniä ja 'maksis viis pen-
ni ka', kuid sel rootsi keele eeskujul tekkinud uususel on
paralleel soome kagumurdeis, kus vahetuks eeskujuks on olnud
vene и oma kahe tähendusega 'ja' ja 'ka' (ligemalt vt I Alvr-
e, Über ein als Lehnübersetzung auftretendes Adverb im Fin-
nischen, SFU XX 1984, lk. 88 jj.).

Murdetekstide leksika jõudmist uurijate kasutusse aitab
vahendada raamatu lõpus leiduv sõnaindeks (u. 3000 sõna), mis
on aga koostatud kirjakeelestatud kujul ja pole täielik. Seal
puuduvad näit. substantiivid rinni ja seeli. Ebaühtsust on
kirjakeelestatamise astmes (ylen- kõrval ka ylön-). Sugulas-

keelte uurimise seisukohast on aga vaja saada kiiresti kätte just häälikulisi vasteid. Näiteks seostub varoa 'varuda' (kirjak. varata) vahetult eesti samatähendusliku sõnaga varuda (< *varoi-) ja pärineb sellisena juba läänemeresoome aluskeelest. Paralleelse semantikaga on kehua ja e kiita, lv kiitē, mis kiitmise kõrval tähendavad ka rääkimist üldse. Ühised juured sõna isä 'isa' tuletisena ja äikest märkivana on deminutiivseil keelendeil sm isänen, vps izõne ning sm isoi, iso, vps izoi, ižoi ja e murd. iso, isu. Ühine eesti keelega on veel liitsõna sm vesikaari, e vesikaar, mis Eestis mitmel pool tähendab samuti vikerkaart. Soome kirjakeel viljeleb ütlust olla paimenena 'karjas olla', kuid murdeline olla karjassa on sama kui e olla karjas. Murdevormid päivisillä ~ päivä(i)sillä 'päeval, päevaajal' on tüpoloogiliselt samad kui sm kirjak. iltasilla ~ iltasella 'õhtul', saamusella 'hommikul' ja e öösel ~ öösil 'öösel', vps ehtkoizeks 'õhtuks' lv üõndžõil ~ üõndžil 'hommikul', mistõttu ka see adverbitiiv on eksisteerinud juba läänemeresoome aluskeeles.

P. Virtaranta "Tampereen murrekirja" on väga sisurikas teos. Head muljet sellest aitavad süvendada 73 fotot ja mitu murdekaarti. Lisaks lingvistidele pakub see huvi ka naaber- teaduste esindajale. Pertti ja Helmi Virtaranta koostatud murderaamatute seeria on ühtlasi heaks eeskujuks selle kohta, kuidas Nõukogude Liiduski publitseeritavaid murdetekstikogusid saaks huvitavamaks muuta ja nende kasutajate ringi avardada.

PAUL A L V R E (Tartu)

Исследование топонимов стало одним из существенных звеньев финно-угроведения. В то же время это область, из которой черпают ценную информацию не только языковеды, но и историки. При изучении языковых контактов прибалтийских языков с другими языками гидронимы дают возможность выявить ряд моментов, существенных с точки зрения истории расселения финно-угорских, а также славянских племен.

Монография И. И. Муллонен "Гидронимия бассейна реки Ояти" является фактически первым систематическим исследованием гидронимов прибалтийско-финских народов, живущих на территории Советского Союза (есть лишь некоторые исследования о названиях водоемов Финляндии). Об актуальности изучения вепских топонимов говорит и то обстоятельство, что отсутствуют какие бы то ни было ранние записи; эта тематика входит в обширную программу исследования топонимики Северной Европы.

В монографии исследуется одна из гидронимических систем Северо-Запада европейской части СССР — гидронимия бассейна реки Ояти (Ленинградская область), сыгравшая важную роль в этнической истории вепсов.

Источником материала исследования (около 6 тысяч карточек) для ее автора частично служили архивы и различного рода карты, частично материал записан от информантов самим автором. Новый материал обуславливает и новизну результатов исследования. Практическое значение результатов работы не ограничивается узкими рамками вепского языка, они будут действовать выявлению своеобразия истории гидронимов прибалтийско-финских языков в целом.

Композиция исследования И. И. Муллонен логична и целесообразна. Работа состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения. Одной из целей работы является определение вепских и русских структурных моделей гидронимов, выяснение основных закономерностей взаимодействия этих моделей. Собранный материал исследуется на синхронном срезе, при необходимости привлекается и диахронный аспект. В работе выделяются основные этнолингвистические пласты гидронимов бассейна реки Ояти и дается семантическая характеристика вепского пласта.

Предисловие содержит три необходимые схемы, дающие наглядный обзор обследованной территории и ее населенных пунктов.

Первая глава монографии (с. 23–61) озаглавлена "Структурные типы гидронимии бассейна Ояти". В первую очередь рассматриваются вепские структурные типы, затем русские структурные модели. Эти структурные схемы у живущих по соседству вепсов и русских во многом идентичны. Под вепской гидронимикой автор подразумевает названия любого происхождения (вепского, русского, саамского, субстратного), употребляемые вепсами. Соответственно к русским гидронимам причисляются названия, находящиеся в русском употреблении и оформляющиеся по законам русского топонимического словообразования.

Вепская гидронимика включает в себя сложные и простые по структуре образования. Сложные гидронимы состоят из детерминанта, выраженного географическими терминами jogi 'река', järv 'озеро', oja 'ручей', so 'болото'.

Атрибут сложных гидронимов состоит обычно из одного слова (напр. hab/järv 'осина-озеро', matk/oja 'путь-ручей'), реже из двух-трех слов (напр. piffärv/jogi, surenfenno/so). Удачным представляется раздел этой главы "Образование и функционирование гидроформантов, восходящих к географическим терминам", в котором автор безошибочно реконструирует ранние формы многих слов (напр. paiffärv < *paljärv *paljärv < *pa:ojärv и др.). Простые по структуре вепские гидронимы чрезвычайно малочисленны. Автор справедливо указывает, что многие из них претерпели сокращение (напр. iepišt < iepištgärv и др.).

Многие русские гидронимы, приводимые на картах, являются адаптированными вепскими наименованиями (напр. Кивой < kivioja), но встречаются и кальки и полукальки (таковы, напр., Домашнее озеро < kodijärv, Кургболото < kurgso). Русские структурные модели (простые слова, сложные слова, словосочетания) автор работы анализирует верно.

Вторая глава монографии "Стратиграфия гидронимов бассейна Ояти" (с. 61–90) содержит этимологический анализ топонимов. Наряду с исконной лексикой насчитывается около 150 русских заимствований; саамский пласт представлен 70 словами и достаточно равномерно распределен по всей территории. Субстратная гидронимия с наибольшим трудом поддается анализу; она включает в себя элементы, восходящие к разным этническим источникам.

В третьей главе исследования "Семантические типы вепсской гидронимии бассейна Ояти" излагаются общие принципы наименования объектов. В соответствии с характером атрибута гидронимы делятся на следующие группы: отражение в гидронимике физико-географических особенностей местности, ландшафтные термины, относительное местоположение объектов, животный мир, растительный мир, качественные названия, отражение в гидронимии материальной жизни и хозяйственной деятельности человека, отантропонимические наименования, виды хозяйственной деятельности, постройки и сооружения хозяйственного назначения, пути и средства передвижения, наименования предметов быта, вторичные (оттопонимические) гидронимы. Значительное число наименований содержит указание на представителей животного и растительного мира, напр. kond(i)järv (Медвежье озеро) < kondi 'медведь', lahnjärv (Лахнозеро) < lahn 'лещ', koivoja (Березовый ручей) < koiv'береза', mustikso (Мустикболото) < mustik 'черника'.

Классификация достаточно детальна и дает хорошее представление о семантической стороне вепсских гидронимов. В ряде подгрупп бросаются в глаза принципы образования топонимов, используемые и другими прибалтийско-финскими языками (ср. напр., вепсск. koverjärv - финск. koverajärvi, вепсск. värgärv - финск. vääräjärvi; Eero Kiviniemi, Väärät vedet, Helsinki 1977, стр. 21 и след.). Приведение подобных параллелей из родственных языков не входит в прямые задачи автора настоящей монографии; тем не менее они пошли бы работе на пользу. По мнению рецензента, работа выиграла бы и от сравнения лексики атрибутов с прочей вепсской топонимикой в целом, что содействовало бы более глубокому познанию принципов образования топонимов в вепсском языке. Материал, имеющийся в распоряжении автора, позволил бы вывести хотя бы статистические различия между детерминантами 'озеро', 'река', 'ручей', 'болото' и представить эти различия в виде схем или таблиц. Все это могло бы послужить базой для дальнейшего сравнения с родственными языками, чем так или иначе в скором времени предстоит заняться исследователям топонимики.

Перечень литературы на 15 страницах свидетельствует о большой начитанности автора, самый же анализ материала - об умении правильно ориентироваться в общих и частных проблемах, связанных с вепсской гидронимией. Ценность монографии повышает приложенный к ней "Список использованных в работе гео-

графических названий Приюстья" (с. 136-159).

В целом можно констатировать, что монография И. И. Муллонен является значительным вкладом в исследование вепских гидронимов.

PAUL A L V R E (Tartu)

Veikko Ruoppila, VENÄLÄISPERÄISTÄ SANASTOA SUOMEN MURTEISSA. Suomi 136. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Jyväskylä, 1986. 54 s.

Vene laenude uurimisel soome keeles on pikk ajalugu. Esimesed tagasihoidlikud sõnavõrdlused XVII sajandist ulatuvad teatavasti Martin Fogeli käsikirjadesse (päritolu suhtes ebatäpne Leipae 'panis' = Cleba, täpsem Lusikka 'cochlear' = poola Lyska). Alates vene päritoluga sõnade loetelust H. G. Porthani teoses "De praecipuis dialectis linguae Fennicae" (Turku 1801) piirduti üldiselt veel möödunud sajandilgi umbkaudse foneetilise sarnasuse arvestamisega. Seepärast pole imetada, et ka sellise silmapaistva keeleteadlase nagu A. Ahlqvisti uurimusse "Venäläisiä sanoja Suomen kielessä" (Suomi 1857) sattus jämedaid vigu (etsiä < искать, vuori < гора, vuosi : vuote- < год jt.). Alles J. Mikkola teos "Berührungen zwischen den westfinnischen und slawischen Sprachen" (Helsingfors 1894) oma põhjaneva häälikukäsitlusega suunas slaavipärase laenude uurimise õigeisse rööpasse. Märgetavat lisa nooremate laenude osas pakkus J. Kallima üldistav "Slaavilaisperäinen sanastomme" (Helsinki 1952). Soome kirjakeele laenuaines (352 sõna) on leidnud põhjaliku käsitluse A. Plögeri doktoriväitekirjas "Die russischen Lehrwörter der finnischen Schriftsprache" (Wiesbaden 1973). Üksikartikleisse laialipillatud eri autorite murdesõnade etümoloogiad on võimalust mööda ära kasutatud "Soome keele etümoloogilises sõnaraamatus" (7. osa indeksis on vene keele sõnu ühtekokku ligi 2800), kuid ammendava ülevaateni pole ikka veel jõutud. Seda tõendavad ennekõike nii V. Ruoppila viimaseil aastail

"Virittäjä's" avaldatud kirjutised "Venäläisiä lainasanoja yhteiskuntaelämän alalta" (1983) ja "Purjehdussanastoa Viipurin ja Käkisalmen Karjalasta" (1985) kui ka siin ligemale vaatlusele tulev V. Ruoppila uurimus vene laensõnadest soome murdeis.

Essõnas märgib autor, et töötades leksikograafina Sanakirjasaatiö's (praegune Kodumaiste Keelte Uurimiskeskus), kirjutas ta välja venepärasena näivaid murdesõnu, püüdes ühtlasi leida neile vasteid sõnaraamatuid, ennekõike P. Kijani "Venäläis-suomalainen sanakirja'st" I-II (Helsinki 1912-1913). Väljandesse on võetud ainult need keelendid, mis puuduvad "Soome keele etümoloogilises sõnaraamatus" või ka K. Donneri ja E. Erämetsä koostatud etümoloogiate loetelus "Verzeichnis der etymologisch behandelten finnischen Wörter" I-III (Helsinki 1937, 1953, 1974).

Sõnaartiklite üldarv on kolmesaja ringis. Ainestik on põhiosas idasoomeline, valdavalt pärit kagumurde alalt, kus kontakt Peterburiga oli kõige tihedam. Autoril on tulnud sisse elada möödunud sajandi ja käesoleva sajandi algusaastategi olustikku, et suuta õigesti lahti mõtestada murdesõnade tähendusüansse ja leida nende seos venekeelsete vastetega. Teemaatiliselt on sõnavara küllalt kirju: esindatud on eri ametid, elatusvahendid, kaubandus, ühiskondlik tegevus, mitmepalgeline argielu jm. Orienteerumist omaaegseis vene majandus- ja kultuuritraditsioonides on kahtlemata soodustanud kirjandusloetelus leiduvad Sir Donald Mackenzie "Venäjä" I-II (Porvoo 1906-1907) ja K.V. Čistovi "Venäläinen perinnekulttuuri" (Hämeenlinna 1976), milledele mõnedes sõnaartiklites ka viidatakse. Näiteks on kupetsa, kupsa 'kaupmees' puhul toodud eelmiselt tsitaat selle kohta, et linnaelanikkond jagunes kolmeks: kaupmehed (kuptsi), kodanlased piiratumas tähenduses (meshtanje) ja käsitöölised (tsekhovije).

Etümologiseerimisel on V. Ruoppila tuginenud V. Dali sõnaraamatule "Толкавый словарь живого великорусского языка" I-IV (Peterbur 1903-1909), mis rikkaliku murdeainesega on aidanud leida täpsemaid häälikulisi vasteid. Et tegemist on nn. nooremate vene laenudega, on neist paljud lähtekeele vormidele häälikuliselt lähedased ja tavaliselt ka kergesti läbi nähtavad. On vaja tunda vaid kõige üldisemaid substitutsioonireegleid (g, b, d asendamine k, p, t-ga, konsonantühendi vältimine sõna alguses, kõigi sibilantide vastena g rõhutu o asemel a jms.), mis üldjoontes on omased ka vanadele laenu-

dele. Näit. ropka 'kork' < пробка , rupaska 'särk' < рубашка , kosana 'vihmamantel' < кожан , luusia 'teenida' < случить , lääppä 'kübar' < шляпа , reska 'tursk' < треска , maltsikka 'poiss' < мальчик , putilikka 'pudel' < бутылка , hosain 'peremees' < хозяйю , masoli 'käsni; konnasilmi' < мозоль , natsia 'tähenkada' < значить , roiija 'ehitada' < строить , vo-la 'püssitoru' < ствол. Konsonantühend lihtsustub ka sõna sees: takoskoi 'kõlblik' < таковский. Ootuspärased on u-lõpulised diftongid iu ja au sõnades liuhki 'koor' < сливки , ostauku 'ametist lahkumine' < оставка , tauno 'ammu' < дано , sest lähtevormides on tegemist soome keelele võõraste konsonandikombinatsioonidega.

Reeglipärasest pilti häirivad ennekõike mõned dissimilatsioonijuhud, nagu kalitori 'koridor' < коридор ja niepeli 'mööbel' < мебель , liikvidametateesiga vilisteri 'siidisaba' < свирестель (oodanuks lähtevormina tõesemat свиристель , mis muide paralleelkujuna leidub J. Pawlowsky suures vene-saksa sõnaraamatus, 1911), assimilatsiooniga saltakka 'sõdur' < солдатка , ebaootuspärase konsonantühendiga lonkka (ka lomkka) 'kivimurd' < ломка , kolohka 'vangi jalapak' < колodka ja rutka 'toru' < трубка . Niisugustel juhtudel on autor eriarengut põhjendanud. Konsonantühendite ja üksikkonsonantidegi paralleeliesinemusest tehakse raamatu lõpus eraldi juttu seoses häälikusubstitutsiooni üldpildiga.

Sageli lahutab aga murdekeele väänunud sõnu originaalset lausa häälikuline kuristik, mille ületamine on jõukohane ainult vilunud etümoloogile. Sellised tugevasti deformeerunud vormid on näit. naverkatti 'pingutusvõrk' < навертка 'kerimine, keeramine' , potsonnuskoi 'päevalilleõli' < vrd. подсолное масло , pulusniekka 'pagar' < булочник , riipressissä 'hulgas, kaasas' < припяшка 'kõrvalvaljustus; kõrvalhobuse valjad' , poräntkä 'järjekord' < порядок . V. Ruoppila arvates on poräntkä's õ tekkinud palataliseeritud r-i mõjul. Näib, et eesvokaalse variandi (vrd. isuri ja karjala tagavokaalne porätkä) on tinginud siiski rõhulise teise silbi ä , mis kuulub r-i järel ä-na. Seda näitab ka paralleelvormide armakka ~ ärmäkkä 'mantel' olemasolu (vrd. vn армяк 'keep, nõlvi'). Raskesti lahendatavate juhtude hulka on kindlasti kuulunud veel nahturi 'tõrvapintsel' , räätaa 'praadida' , värtääjä 'kott' , kontkaloni 'teatav. lõheliik' , Viimase lähtekoht конек on muudugi õige, kuid miks piirduda ainult tähendusega 'väike hobune' (vähäinen hevonen), kui arvesse tuleb J. Pawlowsky sõ-

naraamatu järgi veel 'kilk' ja eriti 'merehobu' (морской конек). Ilmselt on kontkalohi'l selle vee-elukaga midagi ühist.

Laensõna lähtekujuks pole sageli olnud noomeni või verbi põnivorm, mida tuleb etümologiseerimisel arvestada. Õigesti on viidatud käskivale kõneviisile вали 'kiiresti' < валяй 'lase minna' ja posol 'mine' < пошел korral, kuid vormile посто 'lase olla, oota' pakutakse ekslikult substantiivi постой 'peatus, puhkus'; peab olema: постой 'pea (kinni), oota'. Otseste substantiiviga pole tegemist ka maalasto 'vähe' < малость 'tühiasi' puhul; pigem tuleb arvesse selle määrsõnaline tähendus 'pisut, veidi' või veelgi usutavamalt мало что 'vähe, vähe sellest'. Keelendi hospoti vasteks on muidugi господь, kuid lausenäide osutab, et seda pole kasutatud tavalise substantiivina, vaid interjektsioonina 'issand küll'. Õigeks ei saa pidada ka etümoloogiaid akroska 'teatav toit' < огрызок 'jupp, jäänus' ja pasaski 'sadamatõoline, laadija' < босьяк 'paljasjalgne, hulkur, pätt'. Esimese puhul on ikkagi tegemist окрошка'ga, teisele aga sobib vasteks посадский, mis algsest tähendas eeslinlast ja millest on saadud ka eesti pasatski; Keelendit teplika 'õhuke leib, nisujahupätsike' võrdleb V. Ruoppila adjektiiviga теплый 'soe, soojendatud', kuid J. Pawlowsky sõnaraamatus leidub ka täpne häälikuline vaste теплик.

Keelendi iitua 'aeglaselt minna' < идти puhul ootaks uulist vastet, иду 'lähen' või идут 'lähevad'. Substantiividegi lõppsis saaks selgemaks, kui vaadeldaks selle seost käändelõpuga. Nii pole täpselt võttes sõnade akurkki, akurtsi 'kurk' ja siski 'aastakasv' taga mitte огурец ja шишка. 'käbi', vaid nende mitmuse nominatiivid огурцы ja шишки. Genitiivsed on läbinähtavalt kupsa 'kaupmees' (vrd. купца), noska 'muna terav ots' (vrd. носка), repentka 'enneaegne' (vrd. ребенка). Seevastu -u puhul tuleb arvesse kas vana lokatiiv või daativ, mille kohta soovinuks samuti selgitust sõnus paaru, paru 'aur' < пар, siinu 'väärikus, hea kuulsus' < чин ja satakku 'käsiraha' < задаток.

Kirjakeele ный -lõpp ei ava noi-adjektiivide (pietnoi 'puudust kannatav' < бедный 'vaene' jt.) täit olemust, sest taustaks on murdeomane ной-tüüp. Keelendi nahhalnoi 'omavõlliline' vene vasteks ei sobi substantiiv нахал (mis on küll tõlgitud adjektiivselt 'julkea, hävytõn'). Üldiselt osutavad aga laentüvega adjektiivid head haakumist omakeelse leksikaga, mis nähtub inen- ja ea-sufiksi prevaleerimisest, näit. jonattavainen < енотовый 'pesukarunahkne', tojasmainen <

(по)стoннѣ 'alaline, püsiv', nutrea < мудрый 'tark'. Võõr- ja omasufiksilised vormid vääriksid üldse täpsemat käsitlust, sest see võimaldaks laenamisaegade diferentseerimist.

Vene ник-sufiksile vastab järjekindlalt -niekka: lot-niekka 'puusepp' < плотник, mosseniekka 'petis, taskuvaras' < мошеник. Verbid on põhiliselt oida-, tella-, utua-tüüpi, näit. potsiroida 'parandada' < починять, jäväköitellä 'matkida' < явить, vernautua 'musteneda' < чернеть. Omalõpulised ad- verbid on nietosti 'nõrgalt, vähe' < нет, netu 'ei (ole)' ja ispotilleen 'täpselt, hoolikalt' < ? исполнительный 'kohuse- truu, täpne'. Üldiselt on aga partiklid häälikutruud laenu-: poppolam 'pooleks' < пополам, putjom 'korralikult' < путем 'nagu vaja, mõistlikult', toloi 'ära' < долой; syf, suť 'just, vaevalt' < чуть 'pisut, vaevalt, peaaegu'. Äratab tähelepa- nu, et kui soome kirjakeelde on A. Plögeri andmeil laenatud ainult 2% partikleid, siis V. Ruoppila uurimuses ulatub nen- de protsent 7,5-le. Ootuspäraselt on enim substantiive (u. 75%; kirjakeeles 91,2%), millele järgnevad verbid (10,5%; kirjakeeles 4,5 %). Adjektiive on u. 7% piires (kirjakeeles 2,6%).

Rea sõnalaenude kohta esitab V. Ruoppila võrdlusi isuri ja karjala keelega, kuid järjekindlust selles pole. Nii puu- duvad kuljata, kulailla 'jalutada, lonkida' kõrvalt is kulait- tä, kullaittä ja krj kulaija, kulaitoa, samuti kupetsa, kup- sa 'kaupmees' puhul is kupsa ja krj kuptša, kupsa, kupsu jt. Laenude kõrvutamisel ingeri ainesega oleks kasu olnud A. Kuk- koneni uurimusest "О русско-финских межъязыковых контактах" (Leningrad 1982), mida kirjandusloetus pole. Eesti keele ainestik piirdub ainult paari Wiedemanni sõnaraamatust võe- tud sõnaga: absat, apsat sõnaartiklis apsatti '(kinga) konts' ja koser soome kosuri, koseri 'trump' vastena. Tegelikult võib leida sealt rohkemgi ühist, näiteks kas või kassa-pea 'Kraus- kopf', mis sobinuks sõnaartiklit kossa, kassa täiendama. Et V. Ruoppila uurimuse väärtuslik materjal leiab arvatavasti en- dale koha "Soome keele etümoloogilise sõnaraamatu" kordustrü- kis, ei tohiks siinkohal olla ülearune loetleda mõningaid soome murdevormidega kattuvaid laene eesti (kõne-)keelest: sm karauli - e karaul, kiiveri - kiiver, komotti - kummut (vrd. siiski sks Kommode), kortavoi - kardavoi, kutseri - kutsar (vrd. sks Kutscher), laatna - ladna, liita - pliit, luusia

'teenida' - luusida, masurikka - masuurikas, matsalkku - matšalka, mosna, mocsna - mosna, pasaski - pasatski, porovikka - puravik, poslomasla - poslomasla, pujani - pujaän, suaviutua - praavida, soussi - soust.

V. Ruoppila raamatule hulga tabavate etümoloogiatega kuulub kindel koht läänemeresoome laensõnauurimises. Selle kaudu elustuvad lugejale naaberkeelte omaegsed kontaktid, mille tundmine on ühtmoodi vajalik nii filoloogile kui ka aja- ning kultuuriloolasele. Vajaliku käsiraamatuna leiab see endale kindlasti koha ka eesti keele sõnavara etümologiseerijate töölaual.

PAUL A L V R E (Tartu)

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Paul Alvre, Soome keele ä-tüvede mitmuse vormistik ...3	
Пауль Алвре, Формы множественного числа основы на -ä в финском языке. Резюме	13
Пауль Алвре, Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто	14
Paul Alvre, Einige typologische Parallelen der finnisch-ugrischen Sprachen und des Esperanto. Zusammenfassung	19
Людмила Барцева, К вопросу о разграничении полисемии и омонимии в марийском языке	20
Ludmila Barceva, The problem of distinguishing between polysemy and homonymy in the Mari language. Summary	28
Э. Г. Беккер, Морфологический аспект аккузатива в селькупском языке	29
E. G. Becker, Der morphologische Aspekt des selkupischen Akkusativs. Zusammenfassung	37
Heinike Heinsoo, Modaalverbideest vadja keeles ...	38
Хейнике Хейнсоо, О модальных глаголах в водском языке. Резюме	44
Е. А. Игушев, Стилистика деривационных форм имени существительных	46
J. A. Igusev, Zur Stilistik der substantivischen Wortbildungsformen in der komi Sprache. Zusammenfassung	51
И. В. Картавых, Особенности словообразования в общественно-политической терминологии современного финского языка	52

I. V. K a r t a v y c h,	Word-building prefixes in the social and political terminology of the modern Finnish language. S u m m a r y	58
Tiina K u k k,	Lilvi keele käänete senisest käsitlusest	59
Tiina K u k k,	Die Behandlung des Kasus der livischen Sprache. Z u s a m m e n f a s s u n g	72
Маргарита К у з н е ц о в а,	К вопросу изучения названий животных в марийском языке	73
Margarita K u z n e c o v a,	Zur Frage der Geschichte des Studiums der Tiernamen im Marischen. Z u s a m m e n f a s s u n g	84
Маргарита К у з н е ц о в а,	К этимологии названия <u>кола</u> в марийском языке	85
Margarita K u z n e c o v a,	Zur Etymologie des marischen Wortes <u>kola</u> . Z u s a m m e n f a s s u n g	93
Галина Н е к р а с о в а,	Функциональные корреляции в системе л-овых падежей коми языка	94
Galina N e k r a s o v a,	Funktionelle Korrelationen im l-Kasussystem der komi Sprache. Z u s a m m e n f a s s u n g	103
Вяйно П о й к а л а й н е н,	Энн Э р н и т с,	
	К описанию и интерпретации новооткрытых финно-угорских петроглифов на берегу Онежского озера	104
Väino P o i k a l a i n e n,	Enn E r n i t s,	
	Zur Beschreibung und Interpretation der neuentdeckten finnisch-ugrischen Petroglyphen am Ufer des Onegasees. Z u s a m m e n f a s s u n g ...	111
A. N. P a k i n,	Лексика цветообозначения в пермских языках	112
A. N. P a k i n,	Lexik der Farbenbezeichnung in den permischen Sprachen. Z u s a m m e n f a s s u n g	121
Олег С е р г е е в,	О рукописных словарях марийского языка Александра Смирнова	122
Oleg S e r g e j e v,	Über die handschriftlichen Wörterbücher von Alexander Smirnov. Z u s a m m e n f a s s u n g	132

Е. А. Цыпанов, Общее в причастиях пермских, обско-угорских и марийского языков	133
J. A. Суранов, Die ähnlichen Besonderheiten der Partizipien in den permischen, ob-ugrischen, und marischen Sprachen. Zusammenfassung	143
Валерий Вершинин, Чувашские заимствования в прикамских говорах марийского языка	144
Valeri Veršinin, Tschuwassische Lehnwörter in den Kama-Mundarten der marischen Sprache. Zusammenfassung	155
MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ	
Paul Ariste, Komi-Syrjänisches aus dem Dorfe Koni. Пауль Аристе, Примеры коми-зырянского диалекта деревни Кони. Резюме	163
Tiit Kuk, Näiteid karjala keele Vesjegonski murrakust IV	164
Тийт Кук, Образцы речи Везьегонского говора карельского языка IV. Резюме	170
Ago Künnap, Kai Donneri märkmeid selkupi Tómi murde grammatikast	171
Ago Künnap, Kai Donnerin muistiinpanoja selkupin Tumin murteen kieliopista. Tiivistelmä	179
Ago Künnap, Selkupi lōs-olendite nimetused avaldamata aineistikus	180
Ago Künnap, Selkupin lōs-olentojen nimet julkaisemattomassa aineistossa. Tiivistelmä	182
RINGVAADE - ОБЗОРЫ	183
RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ	194